

Анастасия Никитина

И.О. БАБЫ-ЯГИ

ПРОЛОГ

Яна

Солнечный зайчик пощекотал уголок глаза, и я, потянувшись, села. Хорошо все-таки летом. Волки по ночам не будят: Лешему есть чем заняться, кроме как серых дразнить. На печи спать не надо, всякий раз спронеся прикладываясь головой о низкую балку. Тишина, покой...

— Хозяйка! — Молодецкий голосок разорвал утреннюю негу как старую тряпку.

Тьфу ты! Я подскочила и заметалась по избе, хватаясь за все подряд и тут же это роняя.

— Хозяйка! Отворяй! Гостя принимай!

«Да чтоб тебе!» — выругалась я, пытаюсь дотянуться до полки с горшками и получив по лбу ухватом.

— Хозяйка!

— Иду, касатик! — гаркнула я, спотыкаясь о злобно шипящего кота.

«Ишь какой нетерпеливый попался. Впрочем, все они одинаковые. Хорошо еще, как вселилась, сразу забором озаботилась! Надо будет богатырям Черноморовым еще браги наварить за такое дело. А то у предшественницы моей как было? Явится какой Иван незванный, хоть дурак, хоть царевич, и сразу: „Избушка-избушка, повернись...“ И летает бедная бабушка, невзирая на радикулит и застарелый перелом шейки бедра, по всей избенке, гадая, во что врежется головой. А потом еще и удивлялись, паразиты, с чего это Баба-яга такая злая?»

Я наконец нашла накладной нос с бородавкой и, кое-как приладив его на физиономию, замотала голову драным платком. Калитка заскрипела вполне аутентично, заставив меня передернуться: сюда ручищи покоренных моей самогонкой богатырей еще не добрались.

— Чего надо?!

— Дык это... — полез в затылок очередной добрый молодец с румянцем во обе щеки.

«Дурак, — сделала вывод я. — Царевичи обычно быстрее соображают». Сложный мыслительный процесс, подталкиваемый пятерней в затылке, все-таки завершился, и гость поднял на меня просветлевшие глаза.

— Кощея бить надумал!

— А от меня чего надо? — проскрипела я, пытаюсь под прикрытием подоконника натянуть латаную-перелатаную юбку с пришитыми к подолу куриными костями. Если на накладной нос, вступая в должность, я еще согласилась, то шкандыбать на бабкином протезе отказалась наотрез.

— Дык это... — В ход снова пошла лопатообразная ручища.

Я вздохнула и, победив непокорную одежку, сгорбившись, поплелась к двери: все равно ведь не отстанет, дураки, они упрямые.

— По делу пытаешь али от дела летаешь? — проговорила я, подходя к калитке.

Мою корявую импровизацию дурак, разумеется, не заметил и юмор не оценил.

— По делу! По делу! — радостно закивал он. — А что это ты, бабка, такая недобрая? Сперва гостя надо накормить, в баньке попарить, а потом уже...

— А за какие заслуги я тебя, лба здорового, кормить должна? — демонстративно удивилась я.

— Дык это...

Я взвыла:

— Заходи, Иван-дурак, гостем будешь.

— А откуда ты имя мое знаешь? — замер тот. Я только глаза закатила и толкнула его в спину. Впрочем, гость сам нашел объяснение. — Значит, слухом земля полнится, и сюда вести дошли, что не жить Кощею Бессмертному, смерть его идет!

— Дело ты великое задумал, злого супостата извести, — проговорила я, проглотив замечание, что таких ходоков Кощей по три штуки в неделю принимает.

А что? Он у себя в подземельях шампиньоны выращивает, озолотился на этом деле. Грибочки-то во всех окрестных царствах уважают. Да еще круглый год. А работать кому? Правильно. Вот таким болтунам: отработают год, Кощеюшка им внушит, как они семь железных башмаков стоптали, утку поймали да его погубили, и восвояси отправляет. И все довольны. Им — слава, Кощею — дармовая рабочая сила и бессмертие. Он у нас экономный очень. Наверное, поэтому и богатый такой.

— Поможешь, бабка? — вклинился в мои мысли молодецкий бас.

Я недовольно поковыряла в зазвеневшем ухе.

— Помогу. Отчего не помочь? Дам я тебе клубочек волшебный. Он тебя к Кощееву царству и выведет.

— А меч? — с детской обидой пробасил Иван. — Чем я супостата воевать буду?

— Лопатой, — проворчала я и только потом сообразила, что произнесла это вслух и, судя по вытянувшейся физиономии, меня услышали.

В принципе, не соврала. У Кощей как раз сезон заготовки субстрата под грибы. Но дураку об этом знать не положено.

— Волшебной лопатой, — поправилась я. — Ну кто тебя с мечом во дворец пустит? А с лопатой — пожалуйста. Ты еще мешок какой-нибудь на плечи приладь для маскировки. А как Кощея увидишь, так и махни на него лопатой этой, он заржет... э-э... как богатырский конь, и помрет!

— От страха? — вытаращив глаза, уточнил Иван.

— От смеха! — буркнула я.

— Чего?

— Чего-чего! Да ничего! Лопата зачарованная! — выкрутилась я.

— А-а-а! — расплылся в понимающей улыбке Иван. — Понял. То-то его никак не убьют... Потому что мечами машут. А надо лопатой!

— Да, да! — закивала я, подпихивая кощееборца к выходу. — Вот тебе клубочек. Вот тебе лопата. Все. Иди! Подвиги не ждут!

Вытолкав дурака за калитку, я присела на завалинку и перевела дух. На колени сразу вспрыгнул толстый черный кот.

— От одного дурака отделаться — легче вагон угля разгрузить, — сказала я ему, почесав за ухом.

Лопату было жалко. Клубочками и мечами меня Кощей снабжает исправно, а вот лопата была моя собственная. Ею богатыри мне по очереди огород копали.

Васька запрыгнул мне на плечи, развалившись лохматым черным воротником, и замурчал. Я расслабилась, наслаждаясь импровизированным массажем.

— Хех... Всем ты хорош, котяра. Носки не разбрасываешь, половики грязными лапами не топчешь... Идеальный муж... Ну, почти.

— Хозяйка! — громыхнуло из леса, и за калиткой появился сначала блестящий шлем, а потом и румяная рожа какого-то из богатырей.

Васька зашипел и махом вонзил в меня десяток когтей.

— Да чтоб тебе! — обозлилась я, сбрасывая на землю наглую животину.

— Черномор-батюшка велел кланяться и спросить, али помощь какая требуется?

— Не требуется! — отрезала я и, развернувшись, ушла в избу.

Я уже жалела, что на заре своей карьеры, желая угомонить дуревших от скуки Черноморовых богатырей, угостила их самогонкой. Корчевать лес вокруг моей избушки они прекратили, зато повадились каждый день навещать меня в надежде на продолжение банкета. И ладно бы только навещать... Они мне еще и услужить пытались. Иногда это получалось, тот же забор. Но чаще их усердие оборачивалось чем угодно, только не пользой. Недавно они перекопали мне весь двор

вместо десятка грядок. Пару недель назад построили для избушки высокий помост: мол, у нее курьи ножки в траве мерзнут. Представляете, как я материлась, отправившись утречком посетить будочку у забора и сверзившись с трехметровой высоты?

Почесав до сих пор поднывавший на погоду локоть, я достала из печи чугунок с кашей и поставила рядом крынку с молоком. Стол качнулся, и молоко плеснуло на белую скатерку.

— Сюда бы богатырское рвение приладить, — проворчала я, подпихивая под ножку щепку. — Васька! Иди завтракать.

Но кот, испуганный воплями похмельного богатыря, как в воду канул. Я пожала плечами и села за стол. Очередной день моей личной сказки начался как обычно.

Они все были такими. Сначала новизна и сказочная лесная жизнь притягивали и развлекали. Оживающие на глазах сказки, волшебные создания, колдовство... Но постепенно все это приелось и я привыкла. Привыкла щелкать пальцами, чтобы растопить печь. Привыкла к лесным обитателям, безголовым богатырям и скандальному Лешему. Периодически появляющиеся царевицы, Аленушки и прочие Серые Волки поначалу вносили некоторое разнообразие. Но это поначалу... Да что там, я даже к дуракам и то уже привыкла. Ну, почти...

Кстати, вы знали, что Буян — никакой не остров, а полуостров? А никакое государство здесь не обосновалось потому, что магии слишком много, а не из-за отдаленного расположения. Пусть бы кто попробовал Буян своим объявить. Сразу бы получил войну со всеми королевствами, какие только на свете есть. Политика, сэр, ага.

Вообще, Пушкин много чего перепутал, а еще больше наврал. Но это не его вина — бабуля моя постаралась. Говорила, что нечего смертным много знать, состарятся скоро. Вот и весь сказ. Теперь вот она от дел отошла и меня на свое место поставила волшебство хранить. Буян этот самый то есть. Поначалу весело было. Сколько я кровушки тому же Кощею испортила... Эх! Вспомнить приятно! Но теперь у нас с ним мир и взаимопомощь процветают, а больше никто на Бабулю-ягулю в моем лице не покушается. Скучно жить.

С полгода назад еще и Черномор, начальник богатырей и такой же хранитель Буяна, как я, заходить перестал. С ним веселее было. В картишки там перекинуться, богатырями в войнушку поиграть, просто посидеть по-человечески. Я даже, грешным делом, вообразила, что нравлюсь ему. Размечталась...

Это самогонка проклятая виновата. Я его Новый год учила праздновать, ну и... В общем, дело было так.

Я как раз закончила защитный ритуал зимнего солнцестояния и безвольной тряпочкой развалилась на лавке. Напротив сидел Черномор, задумчиво покручивая смоляной ус. Если бы не он, то первый свой ритуал без бабули я бы с треском провалила. Когда древняя магия, отозвавшись на мой зов, навалилась на плечи свинцовым плащом, я чуть не нырнула в чертов котел с зельем. Благо бабуля предвидела что-то подобное и обязала Черномора за мной присмотреть.

— Устала? — спросил он, помолчав.

— Есть немного, — пожала плечами я.

Вроде бы стыдиться нечего: все прошло как надо. И все же мне было немного не по себе. Черномор, сильный, спокойный, уверенный, понравился мне с первого дня. И узнав, что мы будем, по сути, коллегами, бок о бок защищая этот странный мир от вмешательства извне, я безумно обрадовалась. Даже бабулины уроки, поначалу казавшиеся чистым мракобесием, обрели свою прелесть. Потому что иногда на них появлялся он.

Если сначала усатый воин отнесся ко мне с недоверием, как же, та самая чужачка, от которых он призван защищать этот мир, то потом мне удалось доказать, что я тоже воспринимаю свою неожиданную профессию всерьез. Когда бабуля ушла, мы уже многое делали вместе, понимая друг друга с полуслова. От того же Кощея отбивались, морской народ в чувство приводили... Мы были слаженной командой и делали одну работу.

И вот, пожалуйста... Я со своей частью не справилась!

— Не выдумывай, — покачал головой Черномор, и я поняла, что последнюю фразу произнесла вслух. — Если бы ты не справилась, то и я ничего не смог бы сделать. В моих силах только помочь. Так же как и ты: сможешь вылечить богатыря от ран, но в бой его не поведешь. Понимаешь? Дело одно, обязанности — разные.

Я тряхнула головой, отгоняя неуместную меланхолию.

— Ну, раз мы такие замечательные работники, то заслужили корпоратив!

— Что заслужили? — опешил воин.

— Праздник такой специальный. Для сотрудников! — усмехнулась я.

— Да? — недоверчиво протянул он. — У вас так делают? И что будем праздновать?

— А... э... — Я завертела головой и наткнулась взглядом на заснеженную елку. — Новый год!

Он только непонимающе поднял брови. В двух словах объяснив, что это за праздник такой, я сунула руки в рукава тулупа и выскочила на опушку, фирменным свистом Яги вызывая Лешего. Черномор кликнул богатырей, и через полчаса перед избушкой на курьих ножках все завершилось.

Снег с елки стряхнули, Лешак приволок из лесу корзину шишек и пригнал десяток зайцев-беляков. Косые посматривали на нас с опаской, но послушно стали водить под елкой хороводы. Впрочем, когда я вытащила из погреба связку морковки, зайцы оживились и заскакали вполне искренне. Богатыри развесили на ветвях шишки и какие-то запасные детали чешуи, которая «как жар горя». Ель сразу стала настоящей новогодней. Стол накрыли прямо тут. Ну и я выставила туда большую бутылку настоящего на березовых почках бабкиного самогона.

Новый год встретили весело. Даже куранты были, когда я сумела объяснить одному из витязей, что это такое. Оказывается, если со всей дури вмазать булавой в щит, звук получается тот, что надо, — не отличить. Черномор взирал на все это мельтешение со снисходительной улыбкой, но держался в основном рядом со мной, осаждая особо развеселившихся воинов.

Рассвет мы встретили вдвоем, разлив по кружкам оставшийся самогон.

— Как ты говоришь, — Черномор поднял кружку, — за сотрудничество?

— За долгое и плодотворное сотрудничество! — Я успела сделать несколько глотков под импровизированный бой курантов. В голове слегка шумело, и внезапно захотелось пошалить. — И кстати, ты пьешь неправильно. За такое хорошее дело можно и на брудершафт выпить.

Не дожидаясь его согласия, я переплела наши руки и подтолкнула его кружку вверх: пей! Он неожиданно легко подчинился, опрокидывая жидкость в рот. А я, вдруг забыв про выпивку, потянулась вперед и коснулась губами его губ. Усы, как выяснилось, совершенно не мешали. Как, впрочем, и борода. Зато губы оказались теплыми и мягкими, с легким привкусом настойки и такими нежными...

Я ожидала, что вот-вот мне на спину лягут его руки. Да что там... Я хотела этого... Но он вдруг отстранился.

— У нас целовать так принято только нареченную, — медленно проговорил он, сверля меня каким-то напряженным взглядом.

Хмель с меня моментально слетел, я сообразила, что натворила и как это выглядит в глазах представителя этого мира. «Твою мать! Что ж из меня двадцать первый век никак не выветрится! Он же меня сейчас гулящей считает!»

— Ты не думай! — поспешно заговорила я. — Это просто такая традиция! В Новый год! Это ничего не значит!

— Да? — неуверенно спросил Черномор, ничем не напоминая сейчас прославленного нестигаемого воина. Скорей уж он был похож на сбитого с толку прапорщика.

— Да! Извини, если обидела. У нас с друзьями, коллегами так можно. Вот я и вспомнила. А невест... Нареченных по-другому целуют, их любят...

— А коллег не любят?

— Любят, но по-дружески. Понимаешь? Ну, как ты своих витязей любишь...

— Я с ними не целуюсь! — возмутился Черномор.

— Так это для коллег-женщин традиция, — попыталась выкрутиться я. — А нареченным положено в любви признаваться, цветы, подарки дарить и всякое такое. Ну и нравиться они друг другу должны. Вот мне, например, мужчины нравятся нежные, заботливые. Чтобы выслушать могли, согреть, когда нужно...

Он молча встал и ушел. Я чуть не выругалась вслух. Показала мужику, как на брудершафт пить надо, молодец!

На следующий день я сходила на побережье, где стоял терем витязей, но Черномора не нашла. Он вообще стал исчезать всякий раз, когда я появлялась на берегу. И сам больше в мою избушку не заглядывал. Короче, дурные замашки двадцать первого века мужик не понял и не воспринял. Теперь я его только издалека на взморье и видела. А мне его не хватало...

Я мотнула головой, отгоняя печальные воспоминания, и взялась за кашу. Надо еще зелье от мышей сварить, а вечером с Лешим скандалить: опять он грибы от моего дома отвел и буреломом огородил...

— Хозяйка! — снова прилетело из-за калитки.

Я вздохнула, приладила на место бутафорский нос и пошла открывать.

Новое утро началось с грохота и русского матерка: два богатыря перетаскивали через забор стол размером с мою печку.

— Хозяйка! — обрадовались они, заметив в окне мою заспанную рожу. — Будь доброй, отвори калиточку!

Сплюнув, я накинула на плечи шаль и вышла во двор.

— Вот! — выдохнул один из богатырей, установив деревянного монстра посреди двора. — Черномор-батюшка велел кланяться...

— Ну конечно! — перебила я. Этой присказкой богатыри раз за разом сопровождали каждую свою ненужную услугу, то ли стесняясь, то ли побаиваясь напрямую просить самогонку. — Черномор-батюшка дурень слепой и в избушку мою не заходит! Или это ему с пьяных глаз палаты царские там померещились?! Куда мне такую махину? Она и в дверь не пройдет!

Два атлета синхронным движением полезли в затылки.

— Извиняй, хозяйка, ошибочка вышла...

— Ошибочка у них вышла! — все больше распалялась я, ежась под утренним ветерком. — У вас ошибочка, а мне потом с Лешаком скандалить! Сколько вы леса на эдакого урода перевели?! Да мне же с ним не расплатиться будет! И вообще, нашли, когда за самогонкой явиться, дурни!

— Ну, извиняй, хозяйка, — одновременно развели руками балбесы.

— Под яблоню поставьте, — буркнула я, постоянно обходить четырехметровую столешницу, торчащую посреди двора, мне не улыбалось.

Вернувшись в избу, я с сомнением покосилась на разворошенную постель на лавке, но досыпать было уже поздно. Прибраться и позавтракать много времени не заняло. Зато я успела успокоиться и уже не брызгала ядом на каждую не вовремя скрипнувшую половицу.

Наконец с уборкой было покончено, и посреди комнаты появился большой медный котел. Я плюнула под него, зажигая магический огонь, и влила ведро воды, заготовленное еще с вечера. Начиналось то, ради чего я на самом деле жила здесь.

— За темным лесом, за Белой горою кати мелким бесом, пройдишь метлою, — шептала я, ритмично взмахивая помелом. — Собери ветер, собери тучу, мир чист и светел, выбирай получше...

В котле медленно закручивался серый водоворот того, что уже никак не напоминало родниковую воду. Мимоходом удовлетворенно кивнув, я потянулась за травами. Руки машинально метали в варево один ингредиент за другим, губы беззвучно шептали заговор, и сперва едва заметный парок над зельем густел, превращаясь в темно-зеленый смерч.

— Возьму силу. Отдам силу. Кто бы ты ни был. Не быть тебе милу. Стеною встану. На пути незримо. Кто бы ты ни был. Идти себе мимо.

Над полом плыл мутный туман, который медленно смешивался с парами моего варева и втягивался в открытый зев печки. По вискам сползали капли пота, а помело, казалось, стало свинцовым, но я упрямо повторяла слова древнего заговора:

— Мир закрытый. Жизнь чужая. Кого ни спросят. Никто не знает. Ворота скрыты. И стен не видно. Подумай: «Нету». Не так обидно.

— За стеною вой млады. Чужому гостю не будут рады. Зайти за стену не хватит прыти. А кому хватит, тому не выйти... — вплеся в мой ослабевший голос густой бас Черномора, и поверх моих пальцев на помело легли его большие мозолистые ладони.

Сразу стало гораздо легче. Не то чтобы с меня сняли ту бесконечно тяжелую плиту древней нечеловеческой магии, что давила на плечи, пригибая к земле. Но ее мощь определенно стала мягче... «Выносимее», как бы странно ни звучало это слово.

— За темным лесом, за Белой горою кати мелким бесом, пройдишь метлою. Бери зелье, бросай в небо. Не войдет тот, кто прежде не был, — закончили мы уже вдвоем.

Одновременно с последними словами туман со свистом втянулся в печь, и на мгновение в мире воцарилась безлунная ночь. Но лишь на мгновение или даже меньше. Как будто моргнул и снова смотришь на яркие лучи солнца и лениво шевелящиеся под летним ветром листья.

— Зачем сама? — хмуро спросил он, когда я немного отдышалась.

— Бабка сама завивала, и я сама должна, — упрямо мотнула головой я. — Не можешь же ты всю жизнь меня за руку держать.

— Гуртом и батьку бить сподручнее, — криво улыбнулся он.

— Родителей уважать надо, а не бить. Тем более гуртом, — буркнула я.

Черномор опустил голову.

— Совсем я тебе не люб. Что ни сделаю, все мимо.

— Что? — опешила я.

— Да ничего, — махнул огромной ручищей он. — Это потому, что мы эти... Как их... Коллеги?

— Ты о чем?

— Да все о том же! — вспылil всегда спокойный как удав Черномор. — Не хочу я коллегу! У меня этих коллег вон тридцать три штуки блещут! Я уже и так и сяк! Но нет, на кривой козе и то не подъедешь!

— Какой козе? — окончательно растерялась я.

— А хоть какой! Я все делал, как ты говорила! Цветы? Так меня Лешак уже хуже гнили болотной ненавидит. Я ему летом все окрестные поляны оборвал.

— Зачем? — только и смогла произнести я, вспомнив странные охапки лесного сена, все лето появлявшиеся на заборе. Они собирали у моей избушки целые стада коз и оленей. Я тогда заколебалась навоз выгребать, думала, мне Леший так мстит.

— Тебе цветы носил. Ты же говорила, что у вас так принято. Потом колоду медовую приволок в подарок. Кто ее в болото выкинул?!

— Ну я, — призналась я, с трудом подавив желание почесать внезапно зазудевший зад, искусанный пчелами из той колоды.

— Вот! Я решил, ладно, может, что не то дарю. Котом перекинулся, все твои желания слушал да исполнял. Хочешь крышу перекрыть — богатырей прислал. Хочешь огород вскопать — пожалуйста. Коза в лес убежала, сам по болоту скакал, выискивал. На стол жаловалась — за ночь сделал! А ты заругалась да на улице его бросила! Что тебе не так?!

— Котом перекинулся? — наконец осознала зацепившую меня фразу я. — Я же при коте... О господи!!!

Щеки налились предательским жаром. Я вскочила и схватила первое, что попало под руку.

— Извращенец! — Помело опустилось на голову обалдевшему воину. — Подглядывал?!

— Ты что! Я к стеночке отворачивался! Всегда. Ну почти всегда! — Он прикрыл голову руками.

— Почти?! Ах ты! Я тут страдаю, что хорошего человека обидела! Оскорбила своим распушенным поведением! А он подглядывает! Цветочки он, видите ли, носил! Да я чуть лопату не стерла, навоз от лесных тварей выгребая, что на твои цветочки собирались! А он...

— А он любит тебя! — рявкнул Черномор, и я вдруг поняла, что помело еще летит куда-то в сторону печки, а меня уже прижимают к каменной груди сильные руки воина.

— А? — тупо переспросила я, не делая попыток вырваться. — Правда?

— Правда, — гораздо мягче отозвался он. — Я тебя сперва за чужачку принял. Потом лишь понял,

что душа у тебя наша, родная. Я твоей руки у бабки просил, да она меня на смех подняла. Говорит, эта ягода тому в руки дастся, кого сама выберет. Да только ты на меня и смотреть не хотела, обидел я тебя холодным приветом. И теперь еще добавил...

— Как это не хотела, — очнулась я. — Очень даже хотела!

— Любушка, — выдохнул витязь, зарываясь лицом в мою растрепанную косу. — Птаха ты моя сизокрылая. Так люб я тебе?

— Хозяйка! — Густой бас разорвал тишину. — Я пришел тебе поклон отдать!

— Это кто? — спросил Черномор, и я явственно услышала, как скрипнули зубы.

Я попыталась в маленькое окошко рассмотреть, кого бесы принесли в такой момент.

— Поклон тебе за совет да науку!

— Это вроде Иван-дурак! — наконец сообразила я. — Этот — не отстанет...

— Дураки, они упрямые, — со вздохом озвучил мои мысли Черномор, разомкнув стальное кольцо рук.

— Я быстро! — пообещала я, на ходу преображаясь в старую бабку.

Увидев меня на пороге, дурак просиял и отвесил поясной поклон.

— Спасибо тебе, хозяйюшка, за науку. Век буду тебе благодарен! И новой помощи прошу.

— Какой? — спросила я, пытаюсь сообразить, как этот болван так быстро выбрался из подземных плантаций Кощея.

— Задумал я Горыныча воевать...

— А Кощей? — пискнула я.

— Он, как меня увидел, сразу ржать начал. Так я на него лопатой махнул, как ты велела. Он и помер.

— От смеха?

— Не... Козьим орешком подавился. Не иначе лопата зачарованная сработала...

Глава 1

ПОЗДРАВЛЯЕМ. ВЫ НАЗНАЧЕНЫ

— Как такое вообще могло случиться?!

Я плавала на грани беспамятства, не чувствуя ни собственное тело, ни окружающее пространство. Кажется, даже дышать не было никакой необходимости. Вот только громкий визгливый голос раздражал до безумия.

— Ты гарантировала положительный результат! Так откуда здесь это чучело?!

Крикунье кто-то отвечал, но гораздо спокойнее, так, что слова до меня доходили как невнятное «бу-бу». Зато уж солистка старалась за двоих.

— Это результат?! Да как я, по-твоему, предъявлю это князю?! А Илюшка-то как обрадуется, когда такую образину увидит! Кровь?! Ну и что?! А все остальное куда девать?! Ни рожи ни кожи! А волосы?! Мне что сказать: «Ваша дочь случайно облезла, светлейший князь! И поседела! Ключьями! Разумеется, исключительно от счастья лицезреть дорогого папашу!» Почему у нее волосы двухцветные?!

«И зачем так орать? — Мысли текли ленивым сиропом, не вызывая никаких эмоций. — Двухцветное мелирование с неровными прядями, между прочим, последний писк моды. У меня тоже такое. Было... И вообще... Подбранную посреди улицы тетку, конечно, не в частную клинику привезли, но и для муниципальной больницы обстановочка...»

И тут меня кто-то встряхнул, насильно вытаскивая из уютного кокона бесчувствия.

— Эй, ты!

Я поморщилась и невольно открыла глаза. Точнее, я их открывала... Открывала... Открывала... И никак не могла завершить это простейшее действие, вытаращившись как обалдевший баран. И было отчего. Во-первых, визгливая крикунья оказалась крикуном — толстячком-коротышкой в расшитом золотыми звездами балахоне и остроконечной шляпе, залихватски съехавшей на затылок. И ладно бы только это. Но нет! Вместо облезлого больничного потолка, который я ожидала увидеть, надо мной нависали толстые балки, пучки каких-то трав и веревок и, господи, гадость-то какая, жирная летучая мышь!

— Где я?

Не самый оригинальный вопрос, но ничего лучше мои заклинившие мозги выродить не смогли.

— О! Очухалась! — взвизгнул писклявый толстяк и, оттолкнув меня обратно на жесткую лежанку, вытащил большой, обшитый кружевами платок.

Ощутимо треснувшись затылком, я подскочила:

— Да что вы себе позволяете?!

— Значит, так, Яга, — заговорил он, брезгливо протирая каждый палец и не обращая на мое возмущение никакого внимания. — Это — не годится. Тяни другую.

— Какую-такую другую, Мурлен? — фыркнула из угла не замеченная мной ранее старушка. — Нареченная потому и зовется «нареченной», что ее нарекли, а другой нет и быть не может!

Пропустив мимо ушей странный диалог, я во все глаза уставилась на... На Ягу! Самую настоящую сказочную Бабу-ягу: с бородавкой на здоровенном крючковатом носу и одним-единственным зубом, выпирающим изо рта. Даже (гроссбух мне на макушку!) костяная нога в наличии имелась: торчала из-под цветастого подола и весело постукивала косточками.

— Я Мерлин! Сколько раз повторять?! — побагровел крикун и брезгливо скривился, наткнувшись на меня взглядом. — Это — можешь оставить себе на жаркое. По косточкам покатайся-повалаться... Ну, сама разберешься.

— Да уж разберусь, разберусь, Мудлен, — ухмыльнулась бабка, цыкнув зубом.

— Я Мерлин! — снова взвился тот. — Не Мурлен! Не Мудлен! Мер-лин!

— Ну да. Ну да, — закивала Яга с таким видом, что даже до меня дошло: у нее есть еще не одна гениальная интерпретация знаменитого имени.

Толстяк, судя по всему, тоже об этом догадался и продолжать дискуссию не стал. Развернувшись на каблучках, он величественно зашагал к низенькой двери, всем своим видом демонстрируя оскорбленное достоинство. Почти получилось, если не считать, что у самого порога задравший нос дурень запутался в полах собственного балахона и в проем вылетел буквально кувыркком под ехидный хохот Яги.

Я и сама не сумела сдержать смехок, слишком уж потешно выглядели длинные панталоны в крупный цветочек, обнаружившиеся под задравшимся подолом колоритной мантии. Впрочем, улыбка моментально испарилась, стоило мне перевести взгляд на веселую старушку. Что там этот Мудлен говорил про жаркое и косточки?!

— Э...

— Хе-хе. — Яга поднялась и обошла вокруг по дуге, внимательно меня разглядывая. — Мерлин, конечно, муд... Хе-хе. Но в чем-то он прав. Неказистая нареченная, а, Вась?

— А... — опешила я. Откуда бабка знает, как меня зовут?! Меня только бывший муж настоящим именем звал, всем прочим я представлялась Валентиной.

— Молчи уж, — отмахнулась она. — Сама вижу, что сладкоголосой тебя не назовешь.

— Да кто вы все такие?! Где я?! — Мне наконец-то удалось выдавить из себя хоть что-то членораздельное. Но на ведьму это не произвело никакого впечатления.

— На Премудрую тоже не похожа. А на Прекрасную тем более... Что ж ты за Василиса такая неудачная? Васька! Вылезай! Думу думать будем!

«Откуда вылезать? Вот она я, с места не двигалась и никуда не влезала. Бредит бабуля? — Сообразив, что прямо сейчас жаркое из меня делать никто не собирается, я немного осмелела, и в голову тут же полезли вопросы разной степени безумности. — Бабка чокнутая? Или я свихнулась. Лежу себе сейчас в психушке и мультики смотрю под коктейлем из какой-нибудь дряни успокоительной?»

— Васька! — уже сердито позвала Яга, заставив меня подскочить.

Ворох тряпья на лавке зашевелился, и оттуда высунулась совершенно черная кошачья морда с зелеными глазищами.

— Мря?

— Ты не мрякай! — цыкнула зубом старуха. — Этот мрякает, та мычит. С ума сойдешь тут с вами и не заметишь! Ни минуты покоя...

И тут, словно подтверждая картинные стенания бабки, в дверь громко постучали.

— Кого еще нечистый принес?! — рявкнула ведьма. Да как рявкнула: миски на столе, и те подскочили, а кот так вообще молниеносно исчез в тряпках, вроде и не было его.

— Ягуся, — позвали с улицы таким густым басом, что мне показалось, будто в избушку стучится здоровенный шмель.

— Ох ты батюшки! Погоди, касатик! Неодетая я! — всполошилась карга и заметалась по комнате, забыв и о коте и обо мне.

Я о себе напоминать старой ведьме по понятным причинам не спешила. Во-первых, все еще не решила, кто здесь чокнутый — я или все прочие. А во-вторых... Во-вторых, непонятно, кому вообще напоминать: на моих глазах от «старой ведьмы» оставалось все меньше и меньше. Сначала в глиняный горшок на полке полетела здоровенная бородавка вместе с огромным шнобелем и кривым зубом, непонятно каким образом сменившись вполне себе приличным носиком. Костяная нога и латаная юбка отправились в большой сундук. Туда же бабка... Да нет! Уже совсем не бабка... Короче говоря, пару минут спустя у маленького зеркальца крутилась брюнетка лет тридцати в джинсах и тесноватой розовой футболке.

— Так вы актеры! — Облегчение, сквозившее в каждом звуке, мне скрыть не удалось. — Ну, наконец-то разобралась. Здорово как сыграли. И зуб такой натуральный... Прямо ух! Представляете, я уже почти поверила, что стала какой-нибудь попаданкой...

Бывшая старуха медленно обернулась, вроде только сейчас вспомнила о моем существовании. Слова застряли в горле под пристальным взглядом черных глаз. Я невольно вжалась спиной в теплый бок печки: что теперь-то не так?!

— Актеры, говоришь? — Она заливисто расхохоталась.

— Я гуся! — снова понеслось из-за двери. — Где моя ведьмочка?

— Мама... — выдохнула я, заметив, как зрачки Ягуси сузились в две узкие полоски, как у кошки.

— Не, я бы такую дочку в колыбели придушила, — мотнула головой ведьма и смерила мою тушку таким оценивающим взглядом... Гроссбук мне на макушку, чувство было такое, будто на мне этикетки висят: корейка там, лопатка и прочий филей. Но прежде чем я успела завизжать от ужаса, она отвела глаза. — Годишься!

— На жаркое? — пискнула я.

— Тьфу ты, дура, — скривилась Яга. — На замену мне годишься.

— Я?

— Нет! Васька, кот мой, — снова обозлилась ведьма. — Мне отдохнуть надо. Медовый...

— Ягуся! — перебил настойчивый шмель. То есть гость. — Я вхожу!

Ух ты. А она пищать умеет не хуже меня.

Дверь распахнулась, и в комнатухе сразу стало тесно: появился мужчина.

Нет, не так. Это был Мужчина. Огромный, что называется, косая сажень в плечах. Лапищи как ковши экскаватора. Борода — черная лопата, и не какая-то там саперная лопатка, а совковая, для уборки снега. «Вот это мужичище», — мелькнула в голове шальная мысль, пока я, разинув рот, смотрела на это чудовище. Восхищение длилось всего несколько секунд, пока ведьма с воплем: «Касатик!» не повисла у гостя на шее. Только тут до меня дошло, что дядька в ширину куда больше, чем в длину — Яге он утыкался макушкой в подмышку. Не удержавшись, слишком уж оригинальной оказалась парочка, я неприлично громко расхохоталась.

— А это кто, Ягуся? — поинтересовался коротышка.

— Это... — Ведьма снова смерила меня тем самым взглядом. Смеяться тут же расхотелось. — Это наш медовый месяц.

— Чего? — в один голос выдали мы с дядькой, но ведьма уже походу все решила.

— Она меня тут подменит. Так что можем лететь.

— Куда?! — Мой затравленный писк потонул в басистом рокоте.

— На курорт, — безапелляционно выдала Яга.

— Но, э-э-э...

— Что «э-э-э»? — притопнула ногой ведьма. — Замуж меня взял?! Курорт обещал, когда заместитель мне найдется?

— Ну... Да, — пробасил дядька.

Он явно прифигел не меньше меня и так же, как я, противостоять напору хозяйки даже не пытался.

— Вот! Значит, полетели! — Не интересуясь ни мнением мужика, ни тем более моим, Яга вытолкала нас обоих из избушки. — Василиса. На тебе все хозяйство. Смотри, вернись, каждую щель проверю!

— Да какое хозяйство?! — кое-как совладала с одеревеневшим языком я. — Думаете, если спецэффектов наворотили, так все можно? Не буду в вашем дурацком шоу сниматься! Я никаких контрактов не подписывала! Ищите другую дуру! А мне домой пора! Где тут выход?!

— А выход отсюда только я знаю, милая моя, — вкрадчиво проговорила Яга.

Трава вдруг взметнулась вверх, намертво спутав мне ноги. Я с визгом рухнула на землю.

— Сюда не так просто попасть. Но уйти отсюда еще сложнее, — продолжала она. — Сказки в детстве читала? Как добрый молодец к бабушке Яге пришел, а она ему и баньку, и стопочку, и клубочек волшебный с мечом-кладенцом поднесла. Читала?

— Читала, — сглотнула я.

— Молодец, — ослабилась ведьма. — А теперь забудь! За просто так — ничего не бывает. Ни баньки, ни клубочка. Да и я не страхолюдская бабка. Хочешь от меня службу? Сперва мне службу сослужи. А там уж долг платежом красен. И я тебе сослужу: домой отправлю. Если захочешь.

Согласна?

— Так я же не ведьм... Не колдунья, — сдалась я. Что бы тут ни творилось — на шоу это никак не тянуло. Скорей уж на постановку больного на всю голову психа. А с психами, как известно, не спорят. — Придет какой-нибудь Иван-царевич, а у меня ни клубочка, ни баньки.

— Банька — за огородом, — отмахнулась Яга. — А клубочков полная корзинка в горнице. Да и вряд ли кто тебя потревожит — не сезон. Ну так как, по рукам?

Я обвела взглядом темную стену леса за забором, покосилась на траву, буквально пришившую меня к земле, и со вздохом кивнула:

— По рукам.

— Вот и отлично! — обрадовалась ведьма. Травинки тут же обмякли, отпуская мои уже успевшие занеметь ноги. — Огород поливать не забывай и Ваську корми. Полетели, касатик!

Дядька словно команды ждал, тут же взвился в воздух. Борода на глазах выросла метра на три. Пока я тарасилась на это диво, Яга ловко скрутила из волосатой веревки петлю и встала в нее одной ногой.

— Не очень удобно, но зато ступу прятать не придется, — подмигнула она мне. — Вперед!

Минуту спустя я осталась одна.

— Ваську кормить не забывай! — донесся откуда-то сверху затихающий голос ведьмы.

— И богатырей! — вторил ей бас муженька.

— Каких богатырей?! — заорала я.

Но меня, разумеется, никто не услышал: проклятых колдунов и след простыл.

— Сметану я люблю холодненькую. Из погреба. Так что не вздумай мне кислятину подсовывать. — Мимо меня проследовал жирный черный котище размером с хорошую овчарку и скрылся где-то за домом.

Чувствуя, как к горлу медленно подступает комок запоздавшей истерики, я развернулась к домику и уставилась на две здоровенные когтистые ноги, торчащие из-под крыльца. Я завизжала и, не разбирая дороги, лomanулась к видневшейся за избушкой калитке. «Только бы не заперто... Только бы не заперто...»

Никаких замков не предусматривалось. Не сбавляя скорости, я вылетела со двора ошпаренной курицей. И встала как вкопанная. В десятке шагов от забора начинался лес. Тот самый «темный и густой» из сказок. Такой густой, что даже мне с моим тридцать шестым размером было не протиснуться между тесно стоявшими стволами. Насколько темно может быть в таком лесочке, я проверять не стала и резво развернулась на сто восемьдесят градусов. И на этот раз без посторонней помощи плюхнулась в траву: на калитке в аккуратной рамочке из костей висела табличка: «Прием принцев, дураков и сироток каждое полнолуние с двенадцати до трех. Иванушки и Аленушки обслуживаются вне очереди».

— Ну, мать... Ты попала, — успела пробормотать я, прежде чем отключиться.

Глава 2

ВСТУПЛЕНИЕ В ДОЛЖНОСТЬ

Я очнулась от холода. Небо над головой окрасилось багровым заревом заката. Вечерняя роса промочила меня до нитки, да еще и осела влажной прохладой на лице. Я поежилась и поспешно встала. Голова гудела немилосердно, но моя личная галлюцинация никуда не делась: еще более темный, чем днем, лес за спиной и бредовая табличка на калитке.

К калитке прилагался высокий частокол с какими-то кругляшами на остриях. В лучах заходящего солнца они казались иссиня-черными и напоминали что-то очень и очень знакомое. Всерьез испугавшись за остатки собственного психического здоровья, я не позволила себе додумать до конца, что же такое может болтаться на длинных палках, и быстро нырнула в калитку. Благо рассмотреть абсурдную табличку еще разок не представлялось возможным.

Избушка стояла точно как в сказках: к лесу задом, ко мне... Тоже задом, поскольку я от этого самого леса и шла.

«Замечательно...» — проворчала я и стала обходить голенастую громадину.

Ага, как бы не так. Стоило мне дойти до угла, как домик со скрипом и скрежетом зашевелился и снова развернулся ко мне глухой стеной. Еще две попытки обойти вредное строение тоже закончились ничем. Солнце уже почти закатилось. Его последние лучи выбивали из углов длинные черные тени, и в очерченной частоколом окружности становилось по меньшей мере неудобно. Мало того, у меня заколенили ноги в промокших джинсах, а в ветвях ставшего внезапно слишком близким леса зажглись красные огоньки.

— Да стой ты! — обозлилась я, в пятый раз безуспешно попытавшись догнать ускользающую дверь.

Избушка покачнулась и со скрипом выставила вперед одну куриную ногу. Я моргнула и вытаращилась на здоровенную фигу, которую поганая деревяшка умудрилась сложить из четырех уловатых когтистых пальцев.

— Всю жизнь умные книжки читала? — Мимо прошествовал уже знакомый черный кот. В темноте зеленые глаза буквально горели каким-то потусторонним светом.

— Чи-читала, — выдавила я из себя.

— А какие? — Он теранулся о мое бедро, едва не усадив в мокрую траву.

— Учебники, — отозвалась я, лихорадочно соображая, чем бы произвести впечатление получше. — И налоговый кодекс...

— Ну хоть читала, уже хлеб. А то был у нас тут один. И как только добрался? Все Ягу убеждал, что книжки — ахре... охре... Тьфу ты! Не выговорить! Что не нужны книжки людям, в общем.

— Анахронизм? — подсказала я.

— Ага, — обрадовался кот. — Охренизм этот самый... Он еще доказал, что леший и русалки нам только мерещатся, а Змей Горыныч помер сколько-то там лет назад. Умный дядька. Был.

— А что с ним случилось? — спросила я.

— Так и остался во дворе ночевать.

— И как? — с долей облегчения уточнила я. Судя по фигуре, шустрая изба и меня сегодня привечать не собирается.

— Не знаю, — мурлыкнул кот. — Утром его тут уже не было.

— Ушел?

— Да не. Леший заигрался, завел его в болото. А там ключ и озерцо. Ну и русалки, куда ж без них. Горыныч потом еще долго жаловался, что у него брюхо хихикает...

— Брюхо хихикает? — эхом повторила я и, подскочив на месте, бросилась к избушке. — А ну, стой, курица бревенчатая!

— Ну, побегай, побегай, — бросил мне вслед кот. — Съедят уставшей, зато согретой. Горыныч у нас мороженое мясо не любит.

Я пропустила колкость мимо ушей, заходя на третий круг. Мы с вредной избой уже могли бы

поспорить с таинственными отметинами где-нибудь на полях Аризоны. Только там были просто круги, а у нас вытоптанная упрямым строением плоскость и полоса, набеганная мной вокруг.

Впрочем, от этой беготни была и польза. Я действительно согрелась. Заодно и мозги оттаяли. «Это же какая-то дурацкая сказка! Значит...» Я остановилась, в сотый раз рассматривая заднюю глухую бревенчатую стену, и, чувствуя себя полной идиоткой, внятно проговорила:

— Избушка, избушка, повернись ко мне задом, а к лесу передом!

Изба заскрипела, как сотня несмазанных дверей, затряслась так, будто вот-вот развалится, но не сдвинулась ни на градус. А кот... Вы знали, что коты умеют смеяться? Вот и я не знала. А они умеют. Ох, как они, сволочи хвостатые, умеют. По крайней мере, один из них, тот, что только что от хохота свалился с частокола.

— Ну, что теперь-то не так?! — взывала я.

— Знаешь... — отозвался котяра, кое-как прочихавшись. — Ни в жисть бы не стал помогать пришлой девице. Но чую, что ты меня уморишь своими потугами, прежде чем сама наконец сгинешь. А мне еще за Грань рановато. Есть у нас еще дома дела.

— Чего? — вытаращилась я. Слишком уж знакомо прозвучала последняя фраза хвостатого насмешника.

— Чего-чего... Да ничего, — проворчал кот. — Что попросила, то и получила!

Я моргнула. Потом еще раз. А потом разом вспомнила десяток слов из тех, которые никогда не знала.

— Избушка, избушка, повернись ко мне передом, а к лесу задом!

На этот раз вредное строение повернулось. И дверь была приветливо распахнута. Порадовавшись, что в нормальной жизни регулярно посещала спортзал, я полезла на первую ступеньку крыльца, маячившую где-то на высоте груди.

Я что-то сказала про «приветливо»? Забудьте. Я поняла, как погорячилась, едва оказавшись в маленьких сенцах. В шустром домике царил еще более промозглый холод, чем во дворе. Видимо, пока я гонялась за ускользящей дверью, помещение успело хорошенько проветриться.

Едва я додумала эту мысль до конца, как пол под ногами заходил ходуном. Ругаясь сквозь зубы, я кувырком полетела куда-то в угол: избушка разворачивалась к любимому лесу.

Кряхтя, как столетняя бабка, я медленно собирала себя с пола. Каким-то чудом мне удалось ничего не сломать. Но о большую дубовую бочку, скромно стоявшую в уголке, я приложилась знатно. А самое интересное, что в бочке была вода, но на пол не выплеснулось ни капли. Да и прочие предметы обстановки не сдвинулись ни на миллиметр.

Покачав головой, я прошла в единственную комнату. Тут тоже ничего не изменилось. Разворошенные тряпки на лавке, тонкий домотканый половик на лежанке вплотную к печке, где я очнулась, казалось, несколько месяцев назад. На столе красовались крутобокий горшок и блюдо с единственным сморщенным яблоком. В животе тут же заурчало, напоминая, что я пропустила не только ужин, но и обед вкупе с завтраком.

Яблоко, хоть и неказистое, оказалось неожиданно вкусным, и я схарчила его вместе с семечками за пару минут. Один хвостик остался. В горшке нашлось молоко. Но его я даже нюхать не стала — с детства терпеть не могу молочное. Побродив по комнате минут десять и убедившись, что ни в печи, ни в многочисленных сундуках нет ничего хотя бы на вид съедобного, я загрустила.

Кроме того, ночной холод начал постепенно пробираться до костей. Поймав себя на том, что размеренно постукиваю зубами, я нашла на лавке дырявый платок и накинула на плечи.

— Когда холодно, печку топят...

В ворохе тряпья сверкнули зеленые глаза, которых, как и их обладателя, там еще секунду назад не было.

— Когда холодно, батареи включают! Или электрообогреватели! — огрызнулась я, с тоской поглядывая в маленькое окошко: солнце уже наполовину скрылось за деревьями. Еще немного, и в дополнение к промозглому холоду в избушке наступит крошечная тьма.

Додумавшись до такой простой истины, я забегала в полумраке, стаскивая на лежанку все тряпки, какие еще могла увидеть. Большое лоскутное одеяло, почему-то засунутое под самый потолок, я стягивала уже почти на ощупь. Сверху шмякнулось еще что-то вроде шубы, и я соорудила себе

подушку. Забравшись в импровизированную постель, я глубоко вздохнула, намереваясь успокоиться и еще раз обдумать дикую ситуацию, в которую угодила.

Секунду спустя отвратительное дребезжание заставило меня подскочить и кубарем вывалиться из уютного тряпичного гнездышка. За окном ярко светило солнце, щебетали какие-то птицы, шуршал ветками узловатой яблони ветер. Я моргнула. «Вот тебе и обдумала ситуацию...»

Надеясь непонятно на что, я выглянула из окна. Но там за ночь ничего не изменилось. Тот же двор, частокол и непроходимый лес в качестве фона.

«Хотели новую жизнь — получите, — проворчала я себе под нос, накинув на плечи давешний платок. — И как теперь выбираться обратно в старую?!»

Но как я ни ломала голову, выход из сказочного театра абсурда не находился. То ли его просто не существовало, то ли мыслительному процессу мешал бурчащий от голода живот. Решив, что на пустой желудок все равно ничего умного не придумаю, я влезла на лавку, нацелившись на высокую полку, где многообещающим рядом стояли пузатые горшки, аккуратно прикрытые лоскутами белого полотна.

И тут снова задребезжало. Да так, что я чуть с лавки не сверзилась от неожиданности: по столу скакала железная тарелка.

«А это мысль!» — сообразила я, смутно припоминая, что в сказках было что-то такое для пропитания вроде горшка-самобранца, которому надо было велеть варить или не варить.

«Только во дворе, — пробормотала я, — а то кто его знает, что там на самом деле сказать надо. Получится, как вчера с избушкой, и зальет мне всю комнату супом... Или котлетами завалит...»

Представив, чем будут пахнуть кубометров двадцать котлет, полежав в тепле денька два-три, я скривилась и повторила уже вслух:

— Только во дворе.

Растянув полотенце на манер ловчей сетки, я стала медленно обходить подсакивающую тарелку сбоку. Но в тот момент, когда я уже приготовилась красивым броском обеспечить себе пропитание, блюдо звякнуло особенно пронзительно и затихло. Зато под потолок избушки рванулся многократно усиленный женский голос:

— Хорошо, что я автоответчик приладила! Не бойся! Не съест тебя блюдечко! Отвечай давай, трусиха!

Я вернулась к столу и заглянула в угомонившуюся тарелку. На дне вместо возмечтанных мной котлет красовалась физиономия безответственной девицы, бросившей меня здесь на произвол судьбы.

— Не бойся, говорю! — рявкнула она, и ее лицо стало вдруг вдвое крупнее, словно заработал зум в камере.

— Да не боюсь я ничего! — возмутилась я. — Просто не понима...

— Или это опять Васька, паразит, куда-то наливное яблочко закатил? — перебила Яга, словно и не услышав. — Скажи балбесу, что если не вернет обратно, то я его на клубочки пушу!

— Да не знаю я, где ваш кот! — начала было я, на всякий случай склонившись над сказочным смартфоном: мало ли где у него микрофон запрятан. — И вообще...

— Понятно, — кивнула девица, явно не услышав ни слова. — Ладно. Так слушай. Продукты в погребе, дрова в сарайчике у баньки. Горшки на полках не тронь, а то такого понаделаешь — век не расхлебаем. Если какой Иван или Аленушка заглянет, всем по клубочку в зубы... То есть в руки, и пусть идут лесом. Ах да! Иванам можешь еще и меч-кладенец выдать. В сенцах связка висит, найдешь. И не забывай в бабку переодеваться! Узнают, что меня на месте нет, — съедят тебя и не икнут. Надеюсь, это понятно? Нос и прочий реквизит я при тебе снимала, так что найдешь. Ну а для сложных случаев под печкой две бутылки стоят: большая и малая. Из большой засидевшихся гостей поить — потом кликнешь богатырей с берега, они тело вынесут.

— Тело?! — ахнула я, едва не заглушив инструктаж ведьмы. Но, к счастью, та орала, будто пыталась докричаться до избушки с самого курорта.

— Зелье хмельное, сама варила. С двух чарок даже Черноморчик вырубается и спит сутки. Так что от любого Ивана-дурака отделаться сможешь. А вторая бутылка малая. В ней морок жидкий. Глотнешь его — внешне никто тебя от меня не отличит. Главное, языком ляпай поменьше, а

ругайся побольше. Вернусь — сниму личину.

Она помолчала и, словно оглянувшись через плечо, добавила совсем тихо:

— Продержишься две недели, очень мне поможешь. У нас с Черноморчиком кризис в отношениях — быт замучил, знаешь небось, как оно бывает. Смена обстановки и романтика — самое то. А как тут сменишь, когда что ни день, какой-нибудь дурак в калитку ломится. Вся романтика сразу вдребезги. Рожки да ножки остаются — ни покататься тебе, ни повалиться. Ну, в общем, ты тоже женщина, понимать должна. Не будет шума — любое твоё желание исполню, без обмана. Ведьмино слово даю.

Тут она снова оглянулась через плечо и быстро свернула разговор:

— И богатырей кормить не забывай!

Изображение мигнуло и погасло. А я, будто сбросив какое-то наваждение, разразилась бранью, швырнув чертову тарелку через всю комнату.

— Поможешь?! Я тебе помогу! Я тебе так помогу! Желание она исполнит. Да засунь ты себе это желание...

Я осеклась на полуслове: а почему, собственно, нет? Что меня там, в том мире ждет? Номер в дешевой гостинице? Так и он через неделю ждать перестанет. Я потрясла головой, пытаясь отогнать несбыточные мечты. «Волшебства не бывает!»

— Ягуся о нас, грешных, вспомнила, — раздалось от двери, и на стол вспрыгнул котяра. — И как она там, на курортах?

— Хорошо, — выдавила из себя я.

А «несуществующее» волшебство в лице, то есть в морде наглого здоровенного болтливого котищи сунулось в горшок и принялось что-то там громко лакать. Я покосилась на угол, куда улетело местное воплощение смартфона, потом на хвостик, оставшийся от вчерашнего яблочка, и снова выругалась: «Ну что, и.о. Бабы-яги, будем в должность вступать?»

Глава 3

ЕСТЬ ЖЕНЩИНЫ В РУССКИХ СЕЛЕНЬЯХ... А Я ГОРОДСКАЯ, ГРОМ МЕНЯ РАЗРАЗИ

— Вась, а Вась? — заискивающе позвала я. — А где тут магазин поблизости?

Кот вынул морду из горшка, облизал мокрые усы и воззрился на меня наглыми глазищами.

— Ну, лавка продуктовая, — попыталась перейти на сказочный я. — В смысле харчевая лавка... Или как-то так...

Окончательно запутавшись, я с надеждой посмотрела на кота.

— Лавка? — степенно отозвался Василий. — Лавка есть. Недалеко. В городке ближайшем.

— Тут и город есть? — обрадовалась я. — Отлично. Как туда добраться?

— Тебе никак, — спокойно выдал нахальный зверь. — Забыла, что Яга наказала? Пока она не вернется, тебе отсюда ходу не будет.

— Так я и не пойду. Ты сбегашь быстренько туда и обратно... Ты же говорящий, вот и закажешь.

— А платить чем будешь, быстрая ты наша?

Испугавшись, я похлопала себя по бокам и с облегчением нащупала в заднем кармане джинсов портмоне. И как только не выронила, пока за своенравным жильем гонялась?

— Найду чем. Ты сбегай. За час обернешься?

— За час? Смотри, — котяра прыгнул на подоконник, — вот лес. Видишь?

— Его, пожалуй, не заметишь, — фыркнула я, приплясывая на месте от нетерпения.

— Пойду я прямо до самых гор. Там поверну налево, и в двухдневном переходе будет перевал. Семь гор перейду и спущусь в долину. А там и до Речного царства недалеко. Семь рек только переплыть, и на месте.

— Семь гор, семь рек... — повторила я, медленно закипая. — Ты издеваешься?!

— С чего бы? Самой близкой дорогой с тобой делюсь. Седмицы за две точно доберусь.

— И еще столько же обратно?! — возмутилась я. — Точно издеваешься!

— А обратно мне не понадобится. Там уже Ягуся со своих курорторов вернется и заберет меня, бедолагу. Так что я лучше там где-нибудь и подожду. Целее буду.

— С курорта, — машинально поправила я, припомнив нечеловеческий взгляд черных глаз.

— Я и говорю: «С курортора». Она сама так говорила. Мол, там полно куриц, но море и мужики — красивые.

— У нее же Черномор есть, — опешила я.

— Черномор у нее год есть. А о курорторах она всю жизнь свою ведьмину мечтала.

— Понятно, — буркнула я, понимая, что поход в магазин откладывается на неопределенный срок. — И где нам едой разжиться?

— В подпол заглядывала?

— Подпол? — опешила я. — А где он?

Покачав лобастой башкой, котяра спрыгнул с подоконника и сдвинул лапой тканый половичок. Под ним обнаружилось массивное кованое кольцо, приделанное к люку. Откинув крышку и уставившись в глубокий черный зев подвала, я слегка обалдела. Даже встала и вышла на крыльцо, чтобы убедиться, что две страшные куриные ноги никуда не делись.

Ноги были на месте. Свесившись с крыльца, я извернулась и убедилась, что птички конечности, торчащие из деревянного основания, мне вчера не привиделись. Вот только располагались они там, где, по идее, должен был быть подвал, в который я пялилась двумя минутами ранее.

— Магия, — с долей то ли издевки, то ли сочувствия муркнул мне в ухо Васька и грациозно

спрыгнул вниз.

Решив, что в том абсурде, который творится вокруг, объяснение вполне имеет право на существование, я вернулась в комнату. Ну что... Свечка нашлась. Зажечь ее удалось неведомо как оставшейся в моем кармане зажигалкой. Сигареты, кстати, испарились в неизвестном направлении. Но курить почему-то не хотелось совершенно, и этой странности я только обрадовалась: давно мечтала бросить.

По шаткой лесенке я осторожно спустилась в подпол и огляделась. Помещение оказалось едва ли не больше, чем вся избушка вместе с прихожей. Часть отделяла толстая кованая решетка, образуя подобие клетки. Слава богу, этот угол пустовал. Зато в других нашлось все, что только можно придумать. Даже огромный ларь с функцией морозилки.

Опасаясь что-то испортить, я набрала в прихваченную из коридора наверху корзинку немного картошки, положила в миску квашеной капусты и, взяв несколько яблок, выбралась обратно.

А вот дальше начались проблемы. Русскую печь, занимавшую добрую треть комнаты, до сих пор видела только на картинках. Я по уши извозилась в саже, задымила всю избушку так, что она расчихалась, и чуть не сожгла себе брови, когда, отчаявшись разжечь нормальный огонь, в сердцах плюнула на сложенные домиком щепочки, а они возьми да и вспыхни зеленым пламенем.

В общем, печь я кое-как разожгла, но мои злоключения на этом не закончились. Чугунный горшок с картошкой я переворачивала трижды. Два раза, даже не донеся до зева печки, и один раз внутри, залив с таким трудом разожженный огонь. Благо плевки своей зажигательной силы не потеряли и на мокрых углях, так что шанс пообедать у меня все еще оставался.

Когда мой будущий обед все же водворился в местный аналог духовки, я чувствовала себя так, будто разгрузила вагон угля. Впрочем, и выглядела примерно так же: светлая футболка превратилась в подобие черного камуфляжа, мокрые и грязные джинсы отвратительно липли к телу, да еще и в кроссовках хлюпала вода.

Кот, явно решивший налаживать партнерские отношения, любезно указал мне на сундук с одеждой, заверив, что Яга будет не в обиде, так как вещички остались еще от ее предшественницы и ни разу с тех пор не доставались.

Обрядившись в белую с вышивкой рубаху и голубенький сарафан, я почувствовала себя полной идиоткой. Во-первых, никакой обуви я так и не нашла. А во вторых, попытавшись пройтись, я едва не расквасила себе нос, наступив на собственный подол. Как в таком одеянии забираться на высоченное крыльцо избушки, первая ступенька которого располагалась примерно на уровне груди, даже думать не хотелось. Хотя, если стоять и не двигаться, выглядела я очень даже неплохо. Аутентично выглядела, скажем так.

Сложив грязные тряпки, еще вчера бывшие вполне приличной одеждой, в уже послужившую мне корзину, я выставила их в коридор. «Вот когда приспичит в будочку у забора, тогда и стиркой займусь», — решила я, с отвращением выглянув из дверного проема. И только я об этом подумала, как со двора донеслось:

— Хозяйка!

Я застыла посреди комнаты, не зная, за что хвататься. Ненавязчивое напоминание Яги не показываться никому на глаза в нормальном виде еще не успело выветриться из памяти, но как перевоплощаться в старуху, я не представляла.

— Яга! — снова застучали в калитку. — Ни схорониться тебе, ни затаиться! Пришла пора ответ держать!

Я осторожно выглянула в окошко под прикрытием ситцевой занавески. Но никого не увидела.

— Не пускай его, — сказал кот, неведомо как оказавшийся на печке. — Это Леший пришел. Опять какой-то поганки недосчитался.

— Я тебе сколько мухоморов разрешал брать?! — словно подтверждая слова котяры, снова закричал невидимый гость. — Нисколько! Так почему...

— О! Лешак! — Крикуна перебили на полуслове. — Ты куда сбежал вчера? И сегодня... Эй! Стой!

Из леса за частоколом донеслись какие-то щелчки, скрип и глухие удары, а потом все стихло.

— Что это было? — ошалело спросила я у кота.

— А, — фыркнул тот, — богатыри развлекаются. Не обращай внимания. Это у них игра такая.

«Оторви шишку» называется. Кто больше шишек с Лешего надергает, тот и выиграл.

— Понятно, — буркнула я, хотя не поняла ровным счетом ничего.

«Какие шишки? Какие богатыри? Уж не те ли, которых мне велено кормить?» — Я с сомнением покосилась на печку, где прятался чугунный горшок с моей картошкой. Что-то мне подсказывало, что «богатыри», кто бы они ни были, такую кормежку не оценят.

— А сколько их?

— Тридцать три, — не замедлил с ответом кот. — Ветераны, те отдельно живут, на взморье. Еще пара дюжин по городам и весям обретаются. Но тех только Черномор на службу призвать может, если беда какая приключится. Ну и Яга, конечно. — Тут он смерил меня скептическим взглядом. — Настоящая.

— Нет, — решительно отказалась я. — Призывать мы никого не будем. А Яга как их кормила?

— Она их не кормила. Их Черномор кормил. Они ж молодые да дурные. Как-то наказали горшочку варить, а сами в лес подались силушку богатырскую показывать...

— Чего делать?

— Дурью маяться! Потом три дня из терема ту кашу выгребали. А прокислой гречей берег, наверное, с месяц вонял, если не два. Вот с тех пор только Черномор горшочек и заваривает. Ну или Яга, когда он по какой-то надобности отлучается. Да ты не думай. Они сами все сделают. С мисками своими заявятся вовремя. Это они не забывают.

— Вот оно что. Спасибо, — поблагодарила я хвостатого консультанта. — А я голову сломала, как кормить такую ораву. Где горшочек этот волшебный? Надо бы потренироваться.

— Да вот, у печки стоит... — Кот свесил голову вниз и уставился на пустой уступ у лавки. — Стоял...

— Это он тут стоял? — уточнила я, уже подозревая очередную пакость.

— Стоял, — подтвердил Васька.

— И куда только делся... — эхом отозвалась я, и в этот момент раздался взрыв.

За окном пошел дождь из недоваренной гречневой каши, и весело застучали по крыше избушки сырые картофелины.

«Кажется, без обеда осталась не только я», — подумала я, отлетая в дальний угол в обнимку с отскочившей заслонкой печки.

Глава 4

ВОЛШЕБНЫЕ УДОБРЕНИЯ

В общем, первая попытка приготовить что-то в новом для меня мире обернулась полной катастрофой. Кашей заляпало все, даже окрестные деревья. Ругань Лешего неслась над лесом нескончаемым потоком. Мало того, на дармовщину слетелась целая стая всевозможных птиц от мелких воробьев до здоровенных, почему-то зубастых лебедей. Кот, рассмотрев в окошко этих мутантов, шмыгнул под лавку и уже оттуда посоветовал мне закрыть окно. Лучше вместе со ставнями.

До деревянных заслонок я не дотянулась — какая-то крылатая пакость прицельно нагадила мне на затылок, и я решила не испытывать судьбу, но окошко закрыла. Впрочем, посмотрев из-за занавески, как улепетывает со двора сдуру сунувшийся за обедом богатырь, я и дверь поленцем подперла. Так, на всякий случай. Очень уж неприятно щелкали клювами лебеди-мутанты.

Васька выбрался из-под лавки только тогда, когда улетел последний воробей и во дворе все стихло.

— Вроде улетели, — сказал кот, с опаской высунувшись в окно.

— Зато кашу точно всю съели, — попыталась проявить оптимизм я, потирая область желудка. — Уже хорошо.

С голодухи я умяла полную миску квашеной капусты и закусила яблоками, отчего мучилась изжогой последние полтора часа.

— Кашу они съели... — протянул Васька. — Но вот насколько это хорошо...

— Что опять? — насторожилась я и тоже подошла к окну.

Каши действительно не было. А если и была, то увидеть ее все равно не представлялось возможным. Двор покрывал ровный, словно утрамбованный асфальтоукладочным катком бело-серый слой птичьего помета. Открывать окно я не рискнула.

— Зато каши точно нет, — с ехидцей подсказал кот.

Я только отмахнулась, покосившись на быстро бегущие по небу облака, подкрашенные кроваво-красным закатом. Первый день в должности Бабы-яги прошел не слишком успешно. В глазах защипало: да что ж у меня все через пень колоду.

— Эй, — толкнул меня в бок лобастой башкой кот. — Вот только сырость разводить не надо. Это ж удобрение. Вроде.

— Ну да... — всхлипнула я. — А должен был быть мой обед. И, кстати, не только мой. Представляю, что про меня эти богатыри думают...

— Что бы ни думали, а сегодня уже не придут. Гуси-лебеди их терпеть не могут. Они как-то по глупости одного поймали да ощипали.

— Зажарили?

— Где там! — с заметным сожалением махнул лапой кот. — Яга прибежала, всем помелом надавала — и правым, и виноватым. А на птичек своих чары наложила защитные. Да вот только перестаралась: ни кулаком, ни мечом богатырским, ни заклятием каким по ним теперь не попасть. А пернатые это быстро сообразили — никакого сладу с ними не стало. Сама Яга их теперь побаивается. А толку? Дело сделано.

— М-да... — проворчала я.

Но от осознания, что в калошу могу сесть не только я, но и настоящая ведьма, плакать все-таки расхотелось. И я снова выглянула в окно.

— А они не вернутся?

— Не должны. Улетят теперь каких-нибудь Аленушек пугать на месяц, не меньше. Они редко такую пищу требуют. Все ж твари волшебные. Не гуси безмозглые.

— Скатертью дорога... То есть небо, — с заметным облегчением кивнула я. — А с богатырями завтра что делать будем?

— А вот завтра и разберемся. Утро вечера...

— ...мудренее, — подхватила я.

— Правильно, — серьезно кивнул котяра. — Видишь. Уже набираешься потихоньку мудрости нашей. Оно и понятно. Кровь не водица...

Я хотела уточнить, что он имел в виду, но веки вдруг потяжелели, и вместо вопроса я зевнула, едва не вывихнув челюсть. Отложив на мудрое утро все заумные вопросы, я, как была, в сарафане завалилась на лавку и тут же отключилась.

Утро встретило меня лучами восходящего солнца и птичьим чириканьем. К счастью, отвратительного гусе-лебединого гогота-клекота слышно не было, и я, потянувшись, выбралась из-под лоскутного одеяла, откинула лезущие в глаза волосы и пошла в коридорчик, заменявший избушке прихожую.

Умывшись над тазиком, я покосилась на помойное ведро, которое из-за вчерашней осады пришлось использовать не по назначению: «М-да... Пора выбираться из добровольного затворничества. Главное, спускаясь, не опрокинуть на себя вот это самое... Интересно, а как Яга тут скакала? Нога костяная у нее, понятное дело, фальшивая, но на такое крылечко и на своих двоих фиг влезешь так просто».

Почесав в затылке, я обратилась к единственному нормальному источнику информации — к коту.

— Вась, а Вась? — Кот дрых мертвым сном. Пришлось подергать его за свисающий с высокой балки хвост, дальше не достала. — Ва-а-ась!

— К твоему сведению, нормальные коты спят по двадцать часов в сутки, — проворчал котяра, свесив вниз морду. — А волшебных котов за хвост вообще только самоубийцы дергают.

— Так ты определись, ты нормальный или волшебный?

— Я нормальный волшебный кот. Что тут непонятного?

— Непонятно, как тебя кормить, такого нормально-волшебного. Мы же вчера размышления о хлебе насущном на мудрое утро отложили. Как там Яга говорила? Слезай, думу думать будем.

— А что тут думать? — лениво прикрыл один глаз кот. — Вон в сундучке скатерка-самобранка. Ее, правда, еще при старой Яге на молочном заклинило. Но я не в обиде.

Васька подобрал хвост и больше на мои крики не реагировал. Выругавшись сквозь зубы, я развернулась на пятках и вышла на крыльцо. Двор радовал свежей сочной травой мне по пояс. Там, где еще вчера была вполне утоптанная тропинка, колыхалось зеленое море. Огород так и вовсе исчез.

Я схватила за голову.

— Васька!!!

Видно, что-то такое было в моем голосе, потому что кот вылетел на крыльцо как ошпаренный, едва не сбросив меня вниз.

— Это как? — только и смогла проговорить я.

— Мр-дя... — плюхнулся на пушистую задницу котяра. — Это я запомнил...

— Что ты запомнил?

— Так это... Удобрение. А у нас тут летом все растет как на дрожжах. Картошка, та за неделю вырастает, редиска какая и того быстрее. А тут еще и удобрение. Да не простое, а волшебное.

— Гусе-лебединое...

Из леса слышались треск и уже знакомая ругань Лешего.

— В болоте утоплю! В чащу заплутаю так, что вовек не выберетесь! Гринписа на вас нет!

— Чего нет? — ошалела я.

— А бес его знает, — отмахнулся Васька. — Нахвтался Лешак ругательств заморских от умника, который про охренизмы нам рассказывал, вот и кичится.

— Понятно.

Я откинула упорно лезущие в глаза волосы и снова окинула взглядом двор.

— Теперь только богатырей с косами звать, — философски заметил Васька. — Каждый день.

— Лучше утром и вечером, — поправила я, глядя, как на месте вырванной с корнем травинки вырастают две новых. — Но их же кормить надо будет!

подавив подступающую панику, я решила разбираться с проблемами по мере поступления. Самая насущная стояла рядом, основательно подванивая и заставляя Ваську смешно морщить нос. Ею я и занялась в первую очередь.

Пришлось постараться, но все необходимое я с высокой ступеньки спустила, не расплескав. Избавившись от содержимого помойного ведра и кое-как постирав свои вещи в ручейке, протекавшем у самого частокола, я развесила одежду на ветках раскидистой груши и задумалась.

Основная проблема была одна, хоть и многолюдная. Я основательно проголодалась. Плюс где-то бродили голодные богатыри. Готовить в русской печи я не умела: первая попытка оказалась такой, что лучше бы она же стала и последней. Значит, оставались только костер и молочная скатерть-самобранка.

Я кое-как взобралась обратно в избушку и позвала Ваську. Сообразив, что запахло сметаной, кот ломаться не стал и быстро разъяснил мне, как заставить работать волшебный пищеблок. После чего устроился рядом на лавке, едва не обнимая большую миску, которую я в три приема наполнила сметаной. Сама же задумчиво уставилась на стол.

Скатерть была старой, если не сказать больше. Края — обтрепанные, кое-где пятна от сырости, а в одном месте вообще дыра.

— Нельзя же так с волшебным инвентарем обращаться, — проворчала я себе под нос, обозревая молочное изобилие. — Защить, что ли?..

— Не трожь, — тут же встрепнулся Васька. — Волшебные скатерки только такими же волшебными нитками зашивать можно! А то и молока не допросишься!

— Ну постирать-то хоть можно? — уточнила я.

— Это можно, — солидно кивнул кот. — Но ты бы лучше сперва богатырей накормила, а уж потом пакостила.

— Почему это сразу пакостила? — возмутилась я. — Ты посмотри! Тут уже пенициллин самосевом вырос, а ты с этого есть предлагаешь!

— Не предлагаю, — облизнулся кот, внимательно осматривая опустевшую миску. — Яга эту скатерку вообще не доставала ни разу. Сперва бабка ее готовила. А потом уж она сама. Все Черномора впечатлить старалась. У ней же любовь, у эгоистки самовлюбленной.

— И откуда ты только слова такие знаешь? — проворчала я.

— Поживешь с мое, еще и не то узнаешь, — фыркнул Васька, спрыгивая на пол.

Я же прошептала волшебные слова, заставив исчезнуть глиняные кувшины и миски со всем молочным изобилием. Ну что тут сделаешь, если у меня с детства непереносимость лактозы, как утверждала матушка, давно и прочно осевшая в Штатах.

«Выстираю! — решила я. — А там посмотрим. Плесенью отравиться оно как-то проще, чем молоком».

Впрочем, моя решимость быстро сошла на нет.

— Хозяйка! — донесся из-за забора зычный бас. — Поесть бы!

У входа маячил богатырь, подпирая плечами сразу оба калиточных столба. Я махнула рукой. «Танки грязи не боятся! Авань не поплхееет таким громилам от небольшого количества пенициллина, или что там среди мисок выросло».

— Через полчаса приходите! — отозвалась я, благоразумно не высываясь, и поспешно развернула скатерть-самобранку.

Глава 5

НЕУЧТЕННЫЙ БОГАТЫРЬ

Молоко и прочий кефир наливать было некуда, и я остановилась на здоровенных сырниках со сметаной. «Мне при всем желании не осилить больше двух этих творожных лаптей. Каждый богатырь раза в три больше меня, — прикинула я. — Значит, по шесть сырников на миску. И полплошки сметаны... Куда бы это все еще переложить?»

Немногочисленные миски и кружки, стоявшие у печки, явно не годились для такой глобальной кормежки. Зато в сенях нашлись два больших деревянных ведра. Кому могли потребоваться бочки с ручками, я не представляла, но находке обрадовалась. Одно я решила наполнить сметаной, другое — сырниками.

Скатерка капризничать не стала, и вскоре импровизированные кастрюли наполнились до краев. Сырников так еще и с горкой набралось. «Это ж надо столько жрать...» — едва не с восхищением подумала я, кое-как дотащив ведра до входной двери. И тут же с улицы донеслось:

— Хозяйка! Поесть бы!

— Сейчас! — рывкнула я в лучших традициях настоящей Бабы-яги и заметалась по комнате в поисках грима.

Впопыхах я оттоптала Васке хвост, снова получила по лбу ухватом и с головы до ног обсыпалась каким-то вонючим порошком, схватив по ошибке не тот горшок. Кот расчихался и молнией вылетел в окно. Мне же было не до сантиментов. Пару раз хлопнув по бокам и стряхнув почти невидимую глазу пыль с волос, я устроилась перед маленьким зеркальцем.

Нос... Ну, что тут скажешь? Это был Нос. Именно так, с большой буквы. Украшенный крупной бородавкой с тремя картинными волосками, изогнутый как турецкий ятаган и до отвращения настоящий. Еще пару дней назад попадись мне в руки нечто подобное, я бы с визгом выкинула это в окно и побежала мыть руки. Но все в жизни зависит от точки зрения. В данном случае в качестве альтернативы была обещанная Ягой бесславная кончина в чьем-то желудке. Насмотревшись на говорящего кота и хамоватую избушку, я была склонна если не верить ей, то, по крайней мере, учитывать ее рекомендации.

Недовольно запихав за уши растрепавшиеся во время поисков волосы, я мимоходом пожалела, что перед попаданием в этот мир не посетила парикмахерскую, и тут же об этом забыла. Нос, стоило его только поднести к лицу, словно выскочил из пальцев и прилип на предназначенное ему природой место. Более того, вместе с ним появился и длинный зуб. Наверное, если бы не стойкое ощущение инородного тела, я бы вообразила, что это на веки вечные, и хлопнулась в обморок. А так только взвизгнула и матерно помянула местные «колдунства».

«И почему я не попала на место какой-нибудь спящей красавицы? — Я щелкнула ногтем по торчащему изо рта кривому зубу и покачала головой. — Хотя, наверное, лучше не стоит. Мало ли чем там принц занимался, прежде чем целоваться полез? Вон Димка вообще целоваться не любил. При этом в спальне у него проблем не возникало. Увы, не только в нашей спальне, как выяснилось...»

Сообразив, куда съехали мои мысли, я снова ругнулась, помянув уже бывшего неверного мужа, и сердито отбросила упрямо лезущие в глаза волосы. «Да что ж такое-то?! Вроде недавно стрижку обновила! — Это простое соображение заставило меня застыть у маленького зеркальца соблазным столбом. — Я. Стриглась. Всего. Неделю. Назад!»

Сколько себя помнила, я с детства носила короткую стрижку. Маман вообще говорила, что «под мальчика» самый подходящий вариант для моего лошадиного лица. Повзрослев, я сообразила, что ей попросту не хотелось возиться со всякими хвостиками-косичками. Да и лицо у меня, может, и не эталон красоты, но точно не лошадиное. Однако привычка не запариваться с прической никуда не делась, и я раз в месяц бегала в парикмахерскую. Двухцветное окрашивание и модельная стрижка как раз и были последней попыткой спасти стремительно погружающуюся в пучину быта семейную лодку. Правда, оказалось, что лодка тонет от перегруза враньем и изменами, и несколько прядей, которыми я пожертвовала, кораблекрушение не замедлили. Но новый имидж мне понравился.

А вот сейчас об усилиях стилиста, за которые я, между прочим, заплатила круглую сумму, напоминали только светлые кончики прядей, болтавшиеся где-то в районе лопаток.

— Так... — протянула я, пытаюсь поймать маячившую на границе сознания догадку. — Васенька...

Кот не отозвался.

— Васька! — рявкнула я.

Котяра влетел в комнату, пробуксовав на домотканом половике и едва не впилившись лобастой башкой в печку.

— Чечилосьь?! — Он ошалело огляделся и плюхнулся на пушистый зад. — Тьфу ты! Нельзя же так пугать! Я уж думал, Ядвига вернулась!

— Ничего не случилось. Про Ядвигу потом, — отмахнулась я.

— Как это потом?! — возмутился Васька. — Голосок-то точно ее был. И окрик такой... Ух...

— Васенька... — оскалилась я, не обращая внимания на бессвязную болтовню. — А Расскажи-ка мне про это удобрение гусе-лебединое...

— А что про него рассказывать? — Дважды обойдя комнату по периметру и заглянув даже в печку, кот слегка успокоился и запрыгнул на балку. — Растет от него все как на дрожжах...

— И волосы? — вкрадчиво уточнила я.

— Ну, это я не знаю. У меня и так шерсть в порядке. А чтоб кто из людей захотел себе этим самым голову намазать, я не...

— А моим мнением как-то не поинтересовались, хочу я или нет! — взорвалась я. — Это что такое?! Бабкой Ежкой назначили, ладно... Но в Рапунцели я точно идти отказываюсь!

— Куда идти?! — опешил Васька и почему-то перепрыгнул на соседнюю балку.

— Ну, кто у вас тут, в вашем сумасшедшем доме, то есть избушке длинными косами славится? «Рапунцель, Рапунцель, сбрось свои волосы, — передразнила я. — В твою башню принц лезть собирается!»

— А... Ты про Златовласку? Так она на севере живет. И потом, к ней ни один принц не полезет.

— Что ж так? — с напускным сочувствием протянула я. — Косички коротковаты?

— Да нет! — махнул лапой кот. — Просто она в своей башне такие бока насидела, что в окно не пройдет. А дверей там, как известно, нет.

— Ты-то откуда знаешь? — невольно удивилась я.

— Да так... Был тут один принц... Сперва у Яги клубочек выпросил, а потом обратно удирал. Сказывал, что еле выдрался. Златовласка в девках засиделась, ну и выпускать его не хотела. А с косами у нее все в порядке.

— А что, практично, — хмыкнула я. — И влезть можно, и повеситься, если совсем уж...

— Тьфу на тебя! — фыркнул кот. — Ну и мысли.

— Мысли у меня самые насущные, — проворчала я и в двух словах обрисовала хвостатому инструктору ситуацию.

— Да не... — успокоил меня Васька. — Не зарастешь. У людей шерсти не бывает. А косы и подстричь можно. Да и не навсегда это. Недельки через две останутся.

— Недельки через две, — проворчала я, прикинув, что за день волосы отросли сантиметров на двадцать, — я обзаведусь двухметровыми косами. Не годится. Где у Яги ножницы?

— Хозяйка! Явились мы! Поесть бы! — донеслось со двора.

— Тьфу ты черт... Про богатырей забыла! — спохватилась я и крутанулась перед котом. — Ну как? Сойду за бабу?

— Платок волшебный накинь, — посоветовал Васька, вытаскивая завалившуюся за лавку драную шаль. А то морда беззубая, а хвост трубой — непорядок.

— Какой еще хвост? — перепугалась я, завертевшись волчком в попытке рассмотреть собственный зад.

— Ну... Не надо же все так прямо понимать, — фыркнул кот. — Это присказка такая. Их в нашем мире немерено, если над каждой долго думать, то...

— Хозяйка!

— Давай свою нойону, — перебила я, накидывая на плечи линялую тряпку. И словно свинцовый плащ надела. Плечи сами собой ссутулились, спину согнуло дугой, а на загрибок будто навалился мешок картошки. — Ох ты ж черт! А полегче ничего нет?! — прохрипела я.

— Хозяйка!

— Есть, как не быть, — промурлыкал кот. — Зельице Яги под печкой... морок, он невесомый.

— Нет уж. Обойдемся без зельица, — сплюнула я и поковыляла к выходу.

В облике старой, скрюченной радикулитом карги высокое крыльцо и вовсе казалось непреодолимым. Тем более с неподъемными бочонками. Я попыталась переставить один поближе к краю и поставила себе точно на ногу. Учítывая, что обувью я пока так и не разжилась, эффект превзошел все возможные ожидания. За пять секунд я успела обматерить и свое попаданство, и Ягу с ее курортом, и богатырей, и избушку, и даже каждый сырник в отдельности.

— Ты чего шумишь? — На крыльце появился Васька.

Мне стало стыдно: пара дней в условном деревенском средневековье, и уже такие выражения. А через две недели свистну у Яги меч с клубочком и пойду какого-нибудь Кощея свергать?!

— Да это я так. Магию вашу неудобную ругаю, — буркнула я. — Где не надо реализм зашкаливает: спина у меня уже болит. А где надо — никакой магии и в помине нет. Вот возьми эти ведра неподъемные. Лучше бы их заколдовали. Представляешь, смотрю я на них и говорю: «Пойдите и принесите, например, воды...»

— Не надо! — попытался остановить меня кот, но было уже поздно.

Застыв с отвисшей челюстью, я посмотрела вслед ведам, бодрыми скачками скрывшимся в высокой траве.

— Это как? — только и смогла выдавить из себя я, как от калитки снова донеслось:

— Хозяйка!

— Это так, — буркнул Васька. — И всегда так, когда кто-то не думает, что языком ляпает! Это ж место колдовское!

— Кто-то мне только недавно советовал поменьше думать, — огрызнулась я.

— Да я же про себя говорил! — взвыл кот.

— В следующий раз выражайся точнее, — проворчала я. — Так, ладно... Ведра будем искать потом. Сначала от богатырей отделаемся. Тащи сюда скатерку. Прямо тут их и накормим. Даже лучше получится.

— Ну-ну, — скептически протянул Васька, но в комнату все же пошел.

— Избушка, избушка, — проговорила я, предусмотрительно ухватившись обеими руками за косяк. — Повернись к лесу задом, ко мне... То есть к богатырям передом!

Домишко заскрипел, зашатался, но приказ выполнил. И я чуть не ослепла: прямо за калиткой сияло солнце!

— Твою ж мать! — кое-как проморгавшись, я разобрала, что это богатыри в той самой чешуе, которая «как жар горя».

— Хозяйка! — радостно загомонили оголодавшие витязи, и я еще и оглохла.

— Молчать! — рявкнула я, вовремя вспомнив, что советовала настоящая Яга. — Раздеваемся, чешую складировем за забором! Мне мои глаза дороги как память!

— И когда ты думать начнешь?! — пискнул Васька, но я только отмахнулась: не до котиных закидонов мне было. Богатыри заметно опешили, но послушались. Пока за частоколом лязгало и брякало железо, я поставила на крыльцо две табуретки и накрыла их принесенной Васькой скатеркой.

— Теперь заходим по одному и в очередь! — крикнула я, убедившись, что мое требование выполнено, и «чешуйное солнце» закатилось за тучу в виде частокола. — Миски наготове! Подходим, получаем свою порцию, отходим, подходим, получаем свою порцию, отходим. Все ясно? Заторов и толчей не создаем! Кто создаст, тот останется без обеда!

К концу тирады я слегка охрипла, но на дело языка своего взирала с почти материнской нежностью. Впрочем, посмотреть было на что.

Витязи, как у Пушкина, «все красавцы удалые, все равны, как на подбор», маршировали к обеду парными рядами, бодро бухая сапогами. Мое требование они восприняли буквально, и теперь глаза слепило совсем по другому поводу. Давненько мне не встречалось столько мужской красоты, да еще в таком количестве и в таких объемах. На какое-то мгновение даже показалось, что я попала на один из литературных сайтов самиздата: торсы, торсы, торсы рядами, штабелями, шеренгами. «Уф! — Я утерла внезапно вспотевший лоб, рассмотрев, что штаны парни все же снимать не стали. — За языком и правда надо следить!»

Первая миска ткнулась мне в колени, напомнив, что даже такие красавчики ничем не отличаются от обычных мужиков. То есть жрать хотят всегда и везде. Хмыкнув, я наполнила ее сырниками и обильно полила сметаной. Так и пошло. Эстетический восторг, миска, сырники, сметана, следующий!

Когда я уже перестала обращать внимание на литые рельефные мышцы и бронзовую от загара кожу, да и вообще очередного богатыря воспринимала как миску на ножках, до меня вдруг дошло, что паршивцы ходят по кругу. Со стуком вернув плошки, едва не приросшие к рукам, на скатерку, я прищурилась:

— Тебя я уже видела... — Я рассмотрела приметную родинку на предплечье. — И не один раз! Неужели не наелся?!

— Наелся, хозяйка, — с готовностью пробасил тот.

— Так чего опять пришел?!

— Так велено же, — развел руками тот.

Я чуть не схватилась за голову, проклиная свой дурной язык: чуть насмерть не закармила! Но глаза витязя блеснули хитринкой, и сеанс самобичевания закончился, не успев начаться.

— По кругу ходить велено?! — возмутилась я.

— Не... Это не велено, — признал он. — Но вкусно страсть... А то все греча да греча... Тошно от нее ужо!

— Та-ак... — протянула я, не понимая, как реагировать на это признание. Не спрашивать же, в самом деле, какого беса их только гречкой кормят. Я же вроде как Яга, значит, должна это и сама знать.

— Не сердчай, хозяйка. — Вперед выступил витязь чуть постарше остальных. Хоть богатыри и были похожи как братья, но не близнецы, слава богу. У этого переговорщика в кудрях уже сверкали несколько серебряных волосков. — Греча хорошо, да только надоела она нам хуже горькой редьки. Благодарствуем, порадовала, хозяйюшка. — Он вдруг размашисто приложил ладонь к груди и низко, в пояс поклонился. — А коли продукт перевели, так мы отработаем.

«Монодиета? — удивилась я, вспоминая популярные журналы для женщин. — Это же вредно».

— Благодарствуем, хозяйюшка! Отработаем, хозяйюшка, — загомонили витязи, кланяясь.

«А может, они какие твари волшебные? — вдруг подумала я, вновь на мгновенье залюбовавшись красавцами. — Не угробила ли я, походу, еще и местное войско?!»

— Ждите здесь!

Забыв про давящую на плечи многопудовую шаль, я метнулась обратно в избушку, вполголоса призывая своего хвостатого инструктора:

— Васька! Чем богатырей кормят?!

— Так гречей же, — донеслось сверху.

— И все?! Больше им ничего нельзя?

— Чего ж нельзя? — удивился кот. — Иногда на охоту ходят, мясцом балуются. Рыбку ловят, опять же...

— А человеческую еду им нельзя?! — окончательно перепугалась я. — Только гречу и сырые белки... То есть сырое мясо?!

— Почему сырое? — удивился кот. — Они жарят. А из рыбы знатная уха получается, ежели Ягуса на картошечку расщедрится.

— Так, стоп! Им что можно есть?! То, что люди себе готовят, можно?!

— А чего же нельзя? Только кто на этих проглотов готовить будет? Это же такие казаны надо...

— Фух... — немного успокоилась я. — Значит, от сырников им не поплохее?

— С чего бы?

— Понятно... — Я развернулась на сто восемьдесят градусов.

Через полчаса во дворе закипела работа. Воодушевленные обещанием и поужинать сырниками, богатыри забыли про дурные игры с Лешим и с готовностью выполняли мои распоряжения.

«Монодиета, надо же... — мысленно ворчала я, прикидывая очередное указание. — Ну, командиры чертовы! Себе-то готовить не лень! А личный состав и гречей перебьется! Тьфу!»

Чувствуя себя кем-то средним между Че Геварой и Лениным на броневике, я прямо с крыльца зычным, хоть и слегка хрипловатым голосом командовала нежданно-негаданно свалившимся на мою голову стройотрядом. Десяток уже копал пресловутые грядки «от забора и до заката». Еще парочка чинила покосившийся часток. Трое сидели на раскидистой старой яблоне, складировав яблоки в большие плетеные корзины.

О яблоках я предварительно узнала у кота. Ничего волшебного в них не было, если не считать, что при взгляде на румяные бока у любого из витязей глаза загорались каким-то плотоядным блеском.

— А я огород копать не буду, — раздалось вдруг у меня под ногами. — Витязю то зазорно!

Опешив, я опустила взгляд. На тропке, протоптанной любителями сырников, стоял щуплый парень лет двадцати пяти и, гордо подбоченясь, притоптывал красным сапожком. Впечатление несколько смазывалось широкими сметанными усами и тем, что росточком бунтовщик не вышел в отличие от чешуйных витязей и вынужден был смешно заирать голову.

— Да? А сырники лопать не зазорно? — фыркнула я, подбирая слова, чтобы пресечь бунт в зародыше.

— А сырники мне по чину! — Еще выше задрал нос парень и вдруг вытащил из сумки на поясе тонкую книжицу размером с ладонь. — И вообще. Что это ты, Яга, меня пытаться вздумала? — Он бросил короткий взгляд на страничку и продолжил: — Сперва надо добра молодца напоить, накормить, в баньке попарить и...

— Да ты кто такой?! — Я слегка обалдела от списка требований.

— Я? Я Илья Муромец!

— Илья... Илюшка... — задумалась я. Фамилия мне ни о чем не говорила, но вот имя я точно недавно где-то слышала.

Глава 6

ЯЗЫК МОЙ — ВРАГ МОЙ

— Илья Муромец, с вашего позволения, — недовольно поправил парень.

Согласиться с этим в принципе законным уточнением помешал писклявый голосок горе-богатыря. Я невежливо хихикнула и наконец вспомнила, где слышала про Илюшку. Именно это имя упоминал противный толстяк Мудлен. То есть Мерлин.

«Вот и возможность выяснить, какого беса меня сюда заташили. Не Ягу же замещать, в самом-то деле». — Я мысленно потерла руки и оскалилась самой гостеприимной улыбкой, на какую только была способна. Да не учла грим Яги. Точнее, попросту о нем забыла. А вот паренек от моей нежной улыбочки шарахнулся так, что чуть не плюхнулся на костлявую задницу.

— Эй! Не балуй! Мои косточки — народное достояние!

«М-да... Дружеский контакт не удался, — не особо расстроилась я. — Ладно, будем играть тем, что есть».

— Илюшка. Для Ильи тебе мясца не хватает. Ни поваляться, ни покататься... В общем, сам понимаешь. И чего тебе от бабушки надо?

— Дошло до меня, что прячешь ты у себя племянницу князя нашего пресветлого, нареченную мою, — приосанился юнец и тут же снова испортил все впечатление, скосив глаза в шпаргалку, — Василису Чернокосую. Отдавай ее подобру-поздорову! А то... — он опять заглянул в блокнотик, — мой меч — твоя голова с плеч!

Тут мне положено было испугаться. Наверное. Но не получилось. У меня за спиной три десятка лояльных богатырей, которые точно не дадут укоротить на голову добрую бабушку с сырниками. Да и сам «грозный» дрыщ вызывал только усмешку.

— Да? — Я наклонила голову и постаралась скопировать плотоядный взгляд одного из витязей на корзину с яблоками. — Интересно... А меч где?

Парень растерянно похлопал себя по карманам и расстроено протянул:

— Ну, вот... Так и знал, что что-то забыл.

— Записывать надо, — ухмыльнулась я.

— Так я записываю! — возмутился Илюшка и даже попытался протянуть мне свой блокнотик, но, рассмотрев мою ехидную ухмылку, передумал. — Так нечестно! Это не по правилам!

Я вспомнила, как сама еще пару дней назад примерно таким же обиженным тоном пыталась доказать настоящей Яге, что в ее игры не играю, и вообще сейчас домой пойду, и неприлично громко расхохоталась.

— Мой дом — мои правила. Касатик!

— Я вам не касатик! У меня нареченная есть!

— Ничего, к бабушке она ревновать не будет, — отмахнулась я, думая, как бы половчее вытянуть из гостя интересующие меня сведения.

С одной стороны, устраивать допрос с пристрастием в присутствии чешуйных богатырей не хотелось. Мало ли что они потом своему начальнику расскажут. Да и богатырскую солидарность никто не отменял, если она, конечно, сможет конкурировать со страстью к сырникам. С другой — выяснить хоть что-то уж очень хотелось, а прочих кандидатов вокруг не наблюдалось.

— Ну что? Будешь отдавать... Подобру-поздорову? — неуверенно напомнил о своем присутствии Илюшка.

— А нету. — Я даже руками развела для большей достоверности. — Никаких чернокосых тут не водится. Только я. Хотя я женщина одинокая, по мужской силушке стосковавшаяся...

— Эй! Бабка! — попятился Илья. — У меня нареченная есть. Эта... Как ее... Черноокая!

— Тьфу! — сплюнула я, сообразив, что увлеклась актерством, не зная не только роли, но и языка, на котором ставится пьеса. — Я ж не в том смысле!

— А... — с заметным облегчением выдохнул дрыщ. — И какая служба тебе надобна?

«Безупречная!» — ухмыльнулась я, припомнив военную часть, куда нас с мужем занесло сразу после свадьбы. Как раз такую «песочную» медальку в день приезда кто-то и обмывал, предоставив мне возможность узнать, что меня ждет в ближайшие семь лет.

— Сельскохозяйственная, — буркнула я. Неприятные воспоминания разом избавили меня от шутивого настроения. — Пойди туда, не знаю куда, принеси...

— ...то, не знаю что?! — перебил Илья.

— Почему «не знаю что»? — удивилась я. — Ведро мои найди. Они за водой ушли, да что-то задержались.

И, не обращая больше внимания на обалдевшего дурака, я ушла в дом. Прямо посреди комнаты стояли мои ведра... Я протерла глаза, пытаюсь понять, почему их четыре, а не два. Все остальное из представившейся мне картины осознанию не поддавалось вовсе.

Я ущипнула себя за руку и посмотрела направо. Два ведра. Те самые, по кромку наполненные чистой водой. Вроде все в порядке. Вот только напротив тоже стояли два ведра. И тоже те самые, наполненные сырниками и сметаной. И мало того что в глазах у меня двоилось, так еще в правом ведре расслабленно, как олигарх в джакузи, развалилась здоровенная зубастая рыбина. Плавниками она опиралась о кромку и пристально смотрела на сырники. Под ее взглядом сырник сам собой перепрыгивал из своего ведра в сметанное, кувыркался там, а потом, капая сметаной на половик, перелетал прямо в раскрытую пасть рыбине.

— Это что еще?.. — кое-как выдавила из себя я.

— А, хозяйюшка? — Рыба заметила меня, и забытый сырник шмякнулся обратно в ведро. — Ну, спасибо, уважила!

— Да... Как бы не за что, — пробормотала я.

— В другой раз гостинцы я сама заберу. В воде сметану есть несподручно. Так что уж не серчай, я тут слегка посвоевольничала. Просто кликни меня, мол, заглядывай, Щучка-внучка, в гости.

— Ну да... Учту, — кивнула я. А что тут можно было еще сказать?

— А в благодарность вот тебе моя награда. Коли что у тебя не сладится, скажи: «По щучьему велению, по моему хотению...» Ну и что там тебе потребуется. И ногой топни. Ты, конечно, ведьма знатная, но и я не малек беззубый.

— С-спасибо.

— Ну, бывай, хозяйюшка! — ухмыльнулась щука во все три ряда острых зубов и исчезла. Вместе с половиной моих ведер.

— Васька! — опомнилась я. — Это что такое было?!

Кот нарисовался мгновенно, свесив лоснящуюся морду с балки.

— Это Щука в гости заглянула. Смотри-ка. По вкусу ей сырники пришлись. А я уж думал, все. Быть Яге бессмертной.

— В каком смысле?!

— Ну, как Кошей бессмертным стал, знаешь?

— Что-то такое слышала. В зайце утка, в утке яйцо, в яйце игла... В общем, садизм с извращениями.

— Чего? — Васька чуть не свалился с балки.

— Ну, если не так, то как? — не стала вдаваться в полемику я.

— Он у себя в подвалах грибы новомодные выращивал. Их во всех окрестных царствах уважали. Грибочки вкусные, да еще круглый год. Кто откажется? А работать кому? Правильно. Некому. Вот он и сговорился с Ягусей. Она всяких кошееборцев, которые к ней за мечами-кладенцами почитай каждый месяц захаживают, к нему отправляла. Явится такой болтун, отработает год, Кошееюшка ему внушит, как он семь железных башмаков стоптал, утку поймал да его погубил, и восвояси отправляет. И все довольны. Болтунам, то есть героям — слава, Кошеею — дармовая рабочая сила и бессмертие. Он у нас экономный очень. Наверное, поэтому и богатый такой. Был.

— А почему «был»?

— Так помер, — фыркнул кот. — Ягуся маху дала: вместо героя-богатыря дурака к нему отправила. А с дураками ни колдовской, ни ратной силе не совладать.

— М-да. И как же теперь ваши сказки без Кощея?

— А бесы их знают, — махнул лапой кот. — Я не узнавал.

— Так... Подожди, — сообразила я. — Так ты что же... Думал, что меня щука на подводные огороды отправит?!

— Нет! С ума сошла?! — возмутился Васька. Даже лапой перед глазами помахал для наглядности.

— Фух... — расслабилась я.

— Я думал, что она тебя просто проглотит. Не любит Щучка, когда ей в ручей помои сливают. А ты, почитай, два ведра туда отправила.

— И не предупредил, скотина?! — обозлилась я, машинально нащупывая стоявшую у двери метлу.

— А что я мог сделать? — прижал уши котище. — Она бы и меня слопала. А так я бы потом всем рассказал, что с тобой, то есть с Ягой, приключилось. Была бы тебе слава народная на веки вечные. Ну не тебе, а Яге, но...

— А так я теперь расскажу, что с тобой приключилось, — прошипела я, схватив метлу. — Даже песню закажу сочинить, как хвостатый герой Ягу от щуки ценой своей шкуры спасал! Иди сюда, вредитель!

Кот рванул к двери. Я за ним... Но как всегда не учла одну милую мелочь: высокий порог, который однажды уже сыграл дурную шутку с Мерлином. Споткнувшись, я запуталась в длинном подоле сарафана и кувырком вылетела в короткий коридорчик. И как только не расшибла лоб, плашмя грохнувшись на высокобленные половые доски, до сих пор не знаю.

— Скотина! Ну лети, лети... — Я многообещающе погрозила кулаком вслед улетающему огромными скачками коту.

И тут подо мной вдруг что-то ощутимо завибрировало.

— М-ма-ма... — только и успела пискнуть я.

А больше ничего не успела. Потому что метла, на которой я лежала, взмыла в воздух. Через секунду я обнаружила, что она уже летит над частоколом, а я каким-то чудом все еще вишу на ней, как мокрое белье на заборе.

«Уж лучше бы я показала всем панталоны в цветочек», — мелькнула в голове бредовая мысль, прежде чем я завизжала во всю силу своих легких.

Точнее, попыталась завизжать. Видимо, какое-то волшебство для удобства полета все же было. Потому что боли от врезавшейся под ребра палки я не ощущала. Но законы физики тоже никто не отменял, и вдохнуть по-человечески мне не удалось. Из горла вырвался какой-то мышинный писк, на который даже работавшие внизу богатыри не обратили никакого внимания. А мгновение спустя поляна с избушкой и вовсе осталась позади.

Я мертвой хваткой вцепилась в собственные щиколотки и с трудом прохрипела: «Домой! Домой неси!»

Чертова метелка дрогнула и зарыскала в воздухе, как потерявшая след собака, норовя то и дело сбросить меня вниз.

Перепугавшись окончательно, я крепко зажмурилась, остатками не вытряхнутых помелом мозгов пытаясь придумать более внятный адрес:

— В избушку лети!

Ноль реакции.

— К богатырям!

Опять мимо.

— К Илюшке! К Илье Муромцу!

Вот тут метелка наконец перестала изображать дикого мустанга и, рыскнув напоследок пучком

сухих прутьев, встала на курс.

— Ну, слава яйцам. — В меру возможностей перевела дух я и рискнула приоткрыть один глаз. Как раз, чтобы успеть увидеть, как полянка с избушкой Бабы-яги скрывается за верхушками деревьев.

Глава 7

ИЗ ЯГИ В НЕЧИСТЬ

Метла тащила меня над лесом еще минут пятнадцать. К тому времени у меня занемели не только ноги-руки, но, казалось, даже волосы на голове, не говоря уже про мозги. А проклятая шаль, которую я потерять почему-то не сподобилась, загибала гудящую спину дугой, скручивая меня в подобие хрипло матерящегося бублика. К тому моменту, как проклятый веник все же начал снижаться, от прилива крови к голове у меня уже в глазах потемнело, а мысли и вовсе завязли одна в другой.

Впрочем, это было только к лучшему. Потому что, заметив, что до вожаемой земли осталось всего метра два, я поспешно попыталась освободить помело от своего присутствия. Если бы не занемевшие вконец руки, отказавшиеся мне подчиняться, тут бы Василисе Гороховой и конец пришел: подо мной зияли темные пятна бочагов и ярко-зеленые болотные кочки.

Но все когда-нибудь заканчивается. Закончился и мой бредовый полет. Я банально зацепилась сарафаном за какой-то куст, потом еще за один, и в конце концов между намертво сплетенными руками попала большая коряга. Она-то и сдернула меня с метлы. Основательно приложив прутьями по физиономии, своенравный веник плавно спланировал на траву на расстояние вытянутой руки.

Увы, на то, чтобы подняться на ноги, мне потребовалось время. Много времени и еще больше матюгов. Правда, материлась я тихонько и скромно. Вокруг возвышались темные стволы узловатых деревьев. За ними все тонуло в зеленоватом полумраке. И увидеть на этом фоне горящие глаза хищников, привлеченных моими искренними высказываниями, мне совсем не улыбалось.

Мое затекшее тело спасло заодно от безвременной кончины и проклятый веник. Подозреваю, что если бы мне удалось добраться до него сразу, то даже соображение, что он — собственность настоящей ведьмы, меня бы не остановило. А так, к тому моменту, как я снова смогла шевелиться, основной запал уже прошел.

Первым делом я избавилась от давящей на плечи волшебной шали. А за ней и от носа. Физиономия вроде не болела, так что я понадеялась, что основной удар колючими прутьями пришелся как раз на эту выдающуюся, но, к счастью, съёмную часть моей многострадальной тушки. Преисполнившись благодарности к крючковатому наморднику, я не зашвырнула его в кусты, как хотелось, а аккуратно завязала в шаль, которую приладила вместо пояса. Слава богу, в таком виде она весила именно столько, сколько ей и было положено, то есть практически ничего.

Расправившись с самым насущным, я подняла метлу и огляделась. Как возвращаться в избушку на курьих ножках, я не знала. Да вряд ли полянка была где-то далеко. Не так уж долго и быстро я летела. Но в какой стороне она находится, я не представляла. Помело доверия не внушало: летать мне не понравилось. Мало ли, вдруг снова не так поймет мои указания и доставит туда, куда ворон костей не заносил. Можно было, конечно, воспользоваться щучьим подарком и примерить на себя роль Емели. Но печки в обозримом пространстве не наблюдалось, а как по-другому колдовство может доставить мою тушку по назначению, проверять не хотелось. Тем более что воображение одну за другой подкидывало совсем уж дикие версии.

И тут я услышала конское ржание. «Лошади делать в густом темном лесу совершенно нечего, — обрадовалась я. — Значит, ее притащили сюда люди. Как там было у классика? „Отец, слышишь, рубит, а я отвожу...“» На всякий случай я поудобнее перехватила метлу и осторожно пошла на звук. А что? Палка толстая, увесистая. Как знать, кто там ржет и что рубит.

За деревьями открылась поляна. На краю журчал небольшой ручеек, а рядом, низко опустив голову, переступал копытами здоровенный конь.

— Доброго дня, красна девица!

Из леса с большой охапкой сухих сучьев вышел высокий широкоплечий мужчина.

— И тебе не хворать, — кивнула я, на всякий случай отступив чуть назад.

— Заблудилась?

— Гуляю, — вздернула нос я.

Не говорить же, что действительно заблудилась. Еще заведет черт знает куда. Я в свое время успела помотаться по городам и весям нашей необъятной Родины и одно знала точно: скажи таксисту, что не представляешь, где находишься, и экскурсия по городу обеспечена. Прогулка зигзагами по лесу мне была без надобности, а потому я в последнюю секунду решила попросту

увязаться за мужиком в отдалении. На отшельника он не похож, значит, точно к людям идет.

— Далековато от родного дома гуляешь, — покачал головой мужчина. — Я последнюю деревню почитаю третий день как миновал. Или тут какая заимка охотничья имеется?

— Не знаю, — буркнула я.

Мужик подошел ближе, и я вдруг сообразила, что он мало того что на две головы выше меня, так еще и шире в полтора раза. А на каждое его плечо можно было бы свободно посадить по Василисе Гороховой. И что-то мне подсказывало, что веса путешественник и не заметил бы.

— Да ты не бойся, — открыто улыбнулся он. — Я не обижу. Чай не тать лесной. Подходи. Накормлю, а потом пойдем дальше каждый своей дорогой.

Еще с минуту назад я жалела, что вообще показалась этому гиганту на глаза, а тут вдруг обиделась: «Даже помочь не предложил, скотина!»

— А почему это каждый своей? — вздернула бровь я. — А может, нам в одну сторону?

— Туда, куда я иду, тебе точно не надобно, — покачал головой он, ловко складывая сучья шалашиком, и начал стучать камешком о железную палку, выбивая искры.

— А ты за меня не решай!

— Так я и не решаю, — примирительно поднял ладони он, ненадолго прекратив свое занятие. — Только иду я к Бабе-яге...

Он сдвинул брови, то ли рассчитывая меня напугать, то ли, что более вероятно, сам недовольный целью своего путешествия. В моей голове зашевелились смутные подозрения: «Вот тебе и не сезон! Прямо аншлаг какой-то!»

— На Иванушку-дурачка не похож, на Аленушку тем более. И что ж ты тогда у Бабы-яги потерял?

— Что потерял, то обратно верну, — хмуро отозвался он. — Тебе-то что, девица?

— А я, может, помочь хочу? — фыркнула я.

Он приподнял одну бровь, смерив меня красноречивым взглядом от растрепавшейся куцей косы до босых ног, выглядывающих из-под мятого сарафана.

— Помочь? Мне? — усмехнулся он. — Да как ты поможешь, пигалица?

— А это посмотрим. — Я уперла кулак в бедро и посмотрела на грудку сухих веток. От нее шел едва заметный дымок. Какая-то искра все же попала на сухие травинки, но разгораться в пламя явно не желала. «Пигалица? — про себя ухмыльнулась я. — Сейчас узнаешь, что за пигалица!» И прицельно плюнула в будущий костерок.

Едва занявшийся огонек зашипел и потух. Мужчина удивленно посмотрел на сучья, потом перевел взгляд на меня.

— Ну, спасибо за помощь, нечисть лесная.

— Нечисть?! — опешила я. С одной стороны, уши горели от стыда: я же и правда помочь хотела. Кто ж знал, что зажигательная сила у моих плевков — явление непостоянное. С другой — нечистью меня даже бывший муж не обзывал.

— Не сердчай, не признал сразу. А только зря ты наказываешь. Ни одного живого деревца я не поранил. У меня и топора-то нет. Только сушняк собрал.

— А... Тогда ладно, — протянула я, не зная, что еще сказать.

— Присядь, хлеб-соль откушай, — предложил мужчина, снова принимаясь колотить по железке. — А коли подождешь, так и каша поспеет.

— Ладно, — согласилась я, мгновенно вспомнив, что и с хлебом, и с кашей, и вообще с едой отношения у меня в последнее время не складываются совершенно. — Подожду.

Он кивнул и занялся костром. Мы сидели молча. Я наблюдала за ловкими движениями незнакомца из-под опущенных ресниц. Он же, хоть и бросал на меня порой любопытные взгляды, но спрашивать тоже ни о чем не спешил. Минут через сорок по поляне поплыл несравненный аромат вареной гречки, каких-то трав и копченого мяса. Я сглотнула набежавшую слюну и постаралась сосредоточиться на чем-нибудь другом.

Пока каша доходила, мужчина выстрогал из толстого сука грубую ложку и развернул на пенке белую тряпицу с ломтями серого хлеба. Из седельной сумки он достал несколько луковиц и, разрубив их на несколько частей большим ножом, положил рядом с хлебом. Туда же, куда с большим пиететом водворилась маленькая, похоже, берестяная, коробочка с крупной серой солью.

Пока я рассматривала странную упаковку, мужчина принес котелок с ароматным паром и, поставив его между нами, вручил мне свежевырезанную ложку:

— Не побрезгуй, нечисть лесная.

Я не стала выделяться и почти одновременно запустила зубы в мякиш хлеба, а ложку в кашу.

— С каких это пор лесную нечисть кашей угощают? — мимоходом поинтересовалась я, когда первый голод был утолен.

— Так ты на меня не нападала, чтобы нам с тобой ратоваться, — пожал плечами он, смачно хрустнув луковицей. — Я вашего племени навидался уж. С кем вы из одного котла едите, тому не пакостите. Вот ты... Костерок мой не трогаешь, гнус от поляны отогнала. Да и говоришь по-доброму. Значит, угодил я тебе.

Я чуть не подавилась куском. «Так вот отчего он такой гостеприимный. Это я удачно за нечисть сошла. Только как теперь выйти? Мне же назад, на поляну с избушкой надо, а не гордо раствориться среди деревьев, как наверняка поступила бы настоящая нечисть».

— А может, это потому, что я не нечисть? — закинула пробный шар я.

— А кто ж тогда? — усмехнулся в густые усы он. — Только про гулянье не рассказывай. Тут люди отродясь не селятся — место колдовское, заветное.

— Так и я не поселилась же, — фыркнула в ответ. — Просто иду... По своим делам. Метлу вот несую.

— Еще скажи, что самой Бабе-яге ее несешь, — рассмеялся он.

Смех у так и оставшегося для меня безымянным мужчины оказался мягким, чуть раскатистым и очень добрым. Я машинально бросила в его сторону заинтересованный взгляд: всегда любила мужчин, которые умеют так по-доброму смеяться. Сразу хотелось верить, что они и в жизни добрые.

— Не смотри так, нечисть лесная, — тут же посерьезнел он. — Я, может, тебе и глянулся, али просто позабавиться хочешь. А только я за тобой не пойду, и не зови. Дело у меня к Яге важное. Затем и сюда пришел, и от своего не отступлюсь. Хотя...

Мужчина пристально посмотрел на меня и как-то даже весь подобрался.

— Ну, что еще? — проворчала я, сообразив, что убеждать его в чем-то — пустая трата времени. Меня уже записали в отряд нечисти, семейство — лесные, вид — обыкновенная.

— А не Яга ли тебя послала, лесовичка? — прищурился он. — С пути меня сбить, стежки-дорожки перевязать, перепутать, как у вашего племени заведено? Может, тут и болото где имеется?

— А вот там, за деревьями, — махнула рукой я и только потом сообразила, что именно ляпнула, и то лишь потому, что незнакомец мгновенно помрачнел и подобрался, сжимая в руке большой тесак, которым только что резал лук.

«Продам язык. Недорого...» — подумала я, судорожно пытаюсь казаться невозмутимой.

Глава 8

СЛОВО НЕЧИСТИ

Долго сохранять спокойствие, вопреки настойчивому желанию завизжать и убежать, мне не пришлось. Одно движение незнакомца, молниеносное настолько, что я даже отшатнуться не успела, не то что заорать, и бороться мне пришлось уже не с ужасом, а со смехом. Воин, а путешественник, без сомнения, был воином, мягко оттолкнулся ногами от пенька, заменившего нам стол, и, перекувыркнувшись через голову, вылетел на свободное место. Не помедлив даже мгновения, он так же, сидя на корточках, крутанулся вокруг своей оси, кончиком ножа очертив круг из вспоротого дерна. И только после этого снова посмотрел в мою сторону.

Я кое-как подавила смех и, приподняв брови, спросила:

— А почему не солью? Это, я так слышала, надежнее.

Где мне довелось набраться таких бредовых сведений, я бы не вспомнила даже под дулом пистолета, но выдавить из себя что-то другое и при этом не заржать на весь лес была просто неспособна.

— Могло не хватить, — едва заметно пожал плечами он и, воткнув нож в землю, сел на траву.

— Понятно. — Я с сожалением оглядела пустой котелок и взяла еще хлеба. — И долго так сидеть собираешься?

— А пока тебе не надоест, — усмехнулся незнакомец.

— И убедить тебя оттуда выбраться у меня не получится?

— Не-а. Дело у меня больно важное. Некогда по лесу плутать.

— А штаны просиживать, значит, есть когда? — хмыкнула я. — Ну сиди, сиди. У меня больно важных дел нет.

Я прикрыла глаза, демонстрируя крайнее равнодушие, и откинулась спиной на ствол дерева. Мужчина невнятно ругнулся и тоже умолк. Я же наблюдала за ним из-под опущенных ресниц и ругалась хоть и беззвучно, но куда более пространно. «Вообще-то, у меня тоже дела. И тоже на полянке Бабы-яги. Мне еще богатырям обещанные сырники надо выдать. И Ваське, паршивцу, хвост накрутить за то, что Щуке меня сдал!»

Конечно, я могла бы, с высокой долей вероятности, развеять миф о собственном нечестивом происхождении, попросту ввалившись в нелепый защитный круг. Но как-то мне не хотелось сразу выкладывать на стол все карты, а козыри так и вовсе выбрасывать. Когда боишься не ты, а тебя, в любом случае чувствуешь себя гораздо увереннее. Хотя ощущения, что воин меня боится, не возникало. Скорей уж он просто не хотел связываться. Так же, как я когда-то не огрызалась на склочниц в военном городке. Я их не боялась, но поговорка «не тронь — не завоняет» стала тогда просто моим девизом. В данном случае в роли того самого, вонючего, похоже, выступала я.

— Эй, лесовичка, — позвал вдруг мужчина.

— Ась? — с деланным равнодушием отозвалась я.

— Чем я тебе не угодил? Чем прогневал?

— Да вроде ничем.

— Тогда почему пускать меня к Бабе-яге не хочешь?

— Кто это тебя не пускает? — возмутилась я, услышав такие абсурдные обвинения. — Я, что ли, тебя кругом обвела и...

— Не ты, — невольно улыбнулся в густые усы воин. — Не обессудь, но так мне спокойнее.

— А по-другому никак? — скривилась я.

— Можно было бы еще тебя обвести, но...

— Но мела под рукой не оказалось, — перебила я. — А нет мела — нет тела.

— Мела? — удивился он.

Я не стала объяснять свою мысль, ухмыльнувшись двусмысленности, и сменила тему.

— А если я тебе слово дам, что экскурсию по лесу проводить не буду, вылезешь из своего круга?

— Это водить-морочить меня откажешься? — прищурился воин.

— Даже не рядом, а за тобой пойду. Чтобы ты не беспокоился.

— И слово дашь?

— Дам, — размашисто кивнула я.

— И не отступишься?

— И не отступлюсь. И не передумаю. И не... Ну, в общем, все, что ты там себе придумал — «не». Просто с тобой пойду. Посмотрю, чтобы ты в болоте не увяз.

— По рукам, — неохотно согласился он, поднимаясь на ноги.

Правда, за пределы своего круга выходить не спешил. Я сообразила, что «по рукам» в средневековье обозначало вполне осязаемое действие, и тоже встала. Пришлось подойти к самой границе его воображаемой крепости, чтобы он действительно протянул мне широкую ладонь.

— Смотри, нечисть лесная, ты слово дала! — напомнил мужчина, крепко пожав мою руку тремя пальцами. Больше мне обхватить не удалось. И пошел к своему коню.

— Кто же нечисти на слово верит? — слегка рассердившись, фыркнула я и в очередной раз обругала свой дурной язык. Воин ожег меня таким взглядом, что, будь я и вправду нечистью, уже провалилась бы под землю, или где там мои гипотетические сородичи обретаются, когда мужиков по лесам не пугают. — Да шучу я! Шучу!

— Добро, — ответил он, но настороженность во взгляде никуда не делась.

Спиной ко мне воин старался не поворачиваться. И вообще держал в поле зрения. Но меня это, впрочем, не особо нервировало. Я же не собиралась в самом деле водить его по лесу. А правильную дорогу он, в отличие от меня, знал, судя по всему.

Было бы сказано! Ни черта не знал этот перекачанный балбес! Мы шли с полчаса. Воин со мной больше не заговаривал и поглядывал с подозрением. Дважды я попыталась завести разговор, и оба раза потерпела полное фиаско. Плюнув, я стала присматриваться к едва заметной тропинке и окружающим деревьям. Не сразу, но мне все же удалось рассмотреть что-то сравнительно знакомое — островки слишком яркой зеленой травы. А тут и тропинка вдруг исчезла. Точнее, не исчезла, а вильнула в сторону.

Машинально я повернула, все еще пытаюсь сообразить, что такое напоминает мне эта необычная трава.

— Думала, за тобой пойду? — усмехнулся воин где-то у меня за спиной.

Опешив, я остановилась и обернулась. Он стоял метрах в десяти, придерживая за повод коня. Тот, кстати, был со мной солидарен и топтать в сторону яркой травы явно не желал. Тут до меня и дошло, что это за травка.

— На твоём месте я бы так и сделала, — сказала я, уже понимая, что черта с два уговорю случайного знакомого свернуть с ложной тропки, на которой он оставался. — Там, куда ты идешь, — болото. Честное слово!

— Кто ж нечисти на слово верит? — усмехнулся он и потянул коня прямо туда.

— Нет... Все-таки Иванушка-дурачок, хоть и симпатичный, — проворчала я себе под нос, разворачиваясь. Впрочем, кто сказал, что дурак не может быть красавчиком?

Громкое «хлюп!» и приглушенная ругань, то и дело перемежающаяся бульканьем, подтвердили мою правоту несколько секунд спустя. Но меня это не обрадовало. Подхватив основательно замызганный и обтрепавшийся подол сарафана, я побежала по тропинке обратно.

Достаточно было раздвинуть кусты, чтобы понять, что еще пара минут, и один гость до избушки на курьих ножках не дойдет никогда. Мужчина, рассердившись на назойливую нечисть, похоже, шагал довольно размашисто. И так же размашисто ухнул сразу с головой, судя по облепившим лицо мокрым прядям.

Каким-то чудом ему удалось поначалу немного выкарабкаться. Но успех явно был временным, потому что он медленно, но верно с каждым движением погружался обратно. Рядом испуганно ржал его конь, вместе с упрямым хозяином угодивший в топь и уже завязший по самую грудь.

Бедолага мотал головой, дергался, но ни выбраться, ни освободиться не мог.

«И мне его не вытащить! — мгновенно осознала я. — Он куда тяжелее меня. Сил не хватит! Это не собака и даже не коза какая-нибудь. Настоящий конь богатырский».

Матерясь сквозь зубы, я лихорадочно озиралась в поисках хоть какой-нибудь идеи, но на глаза попадались только все новые островки предательской травы: мы, похоже, с самого начала шли по болоту и даже не подозревали об этом.

На ближайшую кочку выскочила бородавчатая лягушка и посмотрела на меня большими янтарными глазами.

— Что смотришь? — буркнула я. — Помогай давай.

— Не, — вдруг отозвалась чертова жаба. — Ты не царевич.

И сиганула обратно в болото. Пока я соображала, что за бредовые галлюцинации меня посетили, от бедного коняги на поверхности осталась только голова. Как, впрочем, и от его дурака-хозяина.

— Ау! Нечисть лесная! Друга моего верного не губи! — крикнул вдруг мужик, о котором я чуть не забыла.

— Кто еще его губит! — обозлилась я и снова завертела головой по сторонам в поисках хоть какого-то шанса на спасение.

«Дурдом на выезде! Зубастые гуси! Летучие метлы! Говорящие коты и лягушки! — ругалась сквозь зубы я. — Рыбы, и те болтливые! И хоть бы кто полезное что сказал! Кста-а-ати!»

Я прекратила озиаться, как попавшая в мышеловку мышь, и постаралась сосредоточиться.

— По щучьему велению, по моему хотению — окажись ты рядом со мной на твердой земле!

Вы когда-нибудь слышали, как визжат кони? Я тоже до того момента не имела подобного опыта. Уши, скажу я вам, закладывает на раз. Особенно если этот звук бьет прямо по ним, а рядом колотит копытами во все стороны бешеная зверюга высотой два метра в холке. Видимо, в момент пожелания я смотрела именно на коня, его и вытащила. И как коняга не прибил свою спасительницу раньше, чем сообразил, что уже не тонет, до сих пор не понимаю.

— Тихо, тихо, — залопотала я, всем своим весом повисая на грязной узде.

И тут с болота донеслось тихое «бульк», и все стихло. «Оглохла?» — пронеслась в голове бредовая мысль.

Закинув поводья на куст, я несколько раз хлопнула в ладоши, с облегчением убедившись, что предположение не соответствует действительности: «Не... Все в порядке. Всего лишь мужика утопила...»

— Эй, мужик! — Я уставилась на опустевший омут, на поверхности которого то и дело лопались большие пузыри. — Тьфу ты черт! По щучьему велению, по моему хотению — окажись рядом со мной владелец этого коня!

Что-то тихо шелкнуло, и на свободном пятачке спиной ко мне появился некто в одеянии, богато расшитом золотом.

«Это еще что?! — ошалела я. — Конь в уgone числится, что ли?!»

На боку у новоприбывшего красовался здоровенный меч. А стою рядом с явно краденным конем. Неудивительно, что я резво затопала ногами:

— По щучьему велению! По моему хотению! Вернись, хозяин коня, туда, откуда появился!

Богатей, слава всем богам, особенно рыбьим, исчез, и я снова топнула по основательно утрамбованной конем и моими непотребными попытками колдовать траве.

— По щучьему велению, по моему хотению, окажись рядом со мной тот, кто меня сегодня днем кашей накормил!

На этот раз осечки не было. Воин, хрипя и кашляя гнилой водой, повалился на траву. Кое-как я перевернула его на бок, пытаюсь помочь, но не тут-то было. Глаза его закатились, вдохи булькали так, что слышала даже я. А конь так и вовсе косил бешеным глазом, явно отказываясь признавать в содрогающемся вонючем чудище не только хозяина, но и вообще человека.

Что велеть щучьим хотением, я не представляла: с моим дурным везением утопленник с одинаковым успехом мог выплюнуть как воду из легких, так и сами легкие.

«Ладно... — пробормотала я, пытаюсь собрать крохи решимости и человеколюбия, забившиеся куда-то в пятки от исходящего от почти покойника смрада. — Попробуем по старинке...»

Зажимая пальцами нос, я попыталась отвести с лица мужчины слипшиеся от грязи волосы и обнаружила такое же грязное ухо. «Главное теперь, чтобы не помер, пока я его рот в бороде ищу!»

Глава 9

ТЕАТР ОДНОГО АКТЕРА

Воин снова дернулся, оставив у меня на пальцах слой грязи. «И это ему в рот пихать? — поморщилась я. — А потом от дизентерии лечить придется? Как бы так извернуться, чтобы его поднять, как при спасении утопающих положено?»

Проигнорировав внутренний голос, настойчиво напоминающий, что спасение утопающих — дело рук самих утопающих, а меня вроде Ягой назначили, а не спасателем Малибу, я огляделась. Никакой достаточно высокой кочки, куда можно было бы перекатить водоплавающий топор, поблизости не оказалось. Зато мой взгляд упал на метлу.

«Хоть бы тебя не унесло на Северный полюс. Мне еще перед настоящей Ягой за инвентарь отчитаться придется, — подумала я, подпихивая метловище под живот уже почти затихшему утопленнику. Я добежала до ближайшей сосны и заткнула в щель в коре ленту со своей косы. — Надеюсь, ориентир достаточно внятный!»

Метла вредничать не стала, послушно подняв бесчувственное тело метра на полтора и доставив до дерева. Из рта и из носа у несостоявшегося покойника тут же хлынула вода, и он снова раскашлялся.

— А теперь обратно ко мне, — с облегчением выдохнула я.

Лучше бы я этого не делала. Корчащееся в судорогах тело соскользнуло с метлы на полдороге, шмякнувшись на кочку, как мешок с... Ну, скажем, с песком.

— Явилась! Нашумела! Мусора набросала! — возмущенно квакнула уже знакомая жаба, едва успевшая увернуться. — Всех царевичей распугала! Что тебе на вашей поляне не сидится?!

— Ну, извини, — развела руками я, обходя коня, чтобы посмотреть, спасла я в конце концов незнакомца или добила. — Так получилось.

Такими размытыми извинениями жаба не удовлетворилась и поскакала следом за мной, занудно квакая:

— Получилось у нее! У нее получилось, а на других — плевать! Натоптала тут конем. Намусорила мужиком! Придет ко мне царевич, а тут такое! И сбежит! Ищи его потом, доказывай, что это не ко мне богатыри со взморья захаживают!

— Если он и сбежит, то скорее потому, что ты сварливая зеленая жаба, — огрызнулась я.

— Да я красавица! — раздулась от злости лягушка. — И царевна! И...

Что еще возомнила о себе зеленая склочница, я так и не узнала, потому что в этот момент наглотавшийся болотной воды конь задрал хвост и...

— Ты... Ты... — проквакала большая навозная лепешка с выпученными глазами. — Убирайся с моего болота немедленно! И мужиков своих забирай! Ведьма!

— Э-э... Действительно, нехорошо получилось...

Я почесала макушку, пытаюсь придумать удобоваримые извинения, и тут обнаружила, что стою прямо перед грубо сколоченной калиткой и смотрю на знакомую табличку в аккуратной рамочке из костей: «Прием принцев, дураков и сироток каждое полнолуние с двенадцати до трех. Иванушки и Аленушки обслуживаются вне очереди». Рядом ошалело мотал головой конь, а поперек седла лежал мой несостоявшийся утопленник.

— Как, однако, вовремя у тебя несварение желудка случилось. — Я потрепала конягу по холке и, прихватив метлу, валявшуюся рядом, взялась за ручку калитки.

— Что у него случилось? — прохрипел вдруг воин и, тяжело упираясь в луку седла, сполз на землю.

Кое-как он утвердился на ногах, но седло пока отпускать не торопился. «Жить будет. А что ему тут надо, Яга выяснит, — решила я и толкнула калитку. — Сейчас мы ее быстренько доставим, пусть только отвернется».

— Здравствуй, красна девица! — раздалось у меня за спиной.

«Проходной двор», — прошипела я себе под нос, увидев, как из тени частокола появляется высокий стройный мужчина в богато расшитой одежде всех оттенков зеленого.

— Позволь слово молвить, — продолжил он, слегка поклонившись.

— В другой раз, — буркнула я и поспешно шмыгнула за калитку.

Хоть в чем-то мне повезло. Вокруг не было ни души. Я бросила короткий взгляд за спину. Мужики, временно потеряв ко мне интерес, настороженно рассматривали друг друга.

«Правильно, — пробормотала я, мелкими перебежками рванув к избушке. — Пока петухи выясняют отношения, куры перья чистят».

Тут выкосить траву еще не успели, и я под ее прикрытием быстренько перевоплотилась в скрюченную старуху. Теперь мне ничто не мешало спокойно дотопать до избушки с гордо поднятой головой. Ну, кроме волшебной шали, то и дело норовящей ткнуть меня фальшивым носом в землю, но это уже детали.

«Первым делом переодеться... — прикидывала я, шкандыбая по тропинке, протоптанной голодными богатырями. — Я воняю, как три болота. Потом...»

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом, — машинально буркнула я.

Лес тут был со всех сторон, так что равнение на нужный ориентир, то есть меня, изба взяла без проблем. Проблема состояла в другом: первая ступенька крыльца упиралась скрюченной лапой мне четко в лоб. Вот тут я таки обозлилась.

— Присядь, хамка бревенчатая! Как я туда залезать должна, по-твоему?!

Разумеется, избушка даже не пошевелилась. Только заскрипела насмешливо. У меня на глаза опустилась красная пелена ярости.

— Думаешь, это смешно?! — прошипела я, треснув по недостигаемой ступеньке кулаком. — Я вся провоняла болотом, устала как собака и хочу жрать! Я полдня ругалась с лягушками, спасала дураков и останавливала тонущих коней! И в горящую избу войду, если понадобится! Где топор?!

Видимо, что-то такое было в моем голосе, потому что с крыши посыпалась труха и избушка медленно опустилась на землю.

— Так бы и сразу, — буркнула я, шагнув на крыльцо. — Еще раз попытаешься выдрючиваться, и я вспомню, что в моде сейчас каркасное строительство! А Яга мне только спасибо скажет! Я ее дровами на десять лет вперед обеспечу!

Избушка поднялась так плавно, что я даже не пошатнулась, да еще и дверь предупредительно распахнула мне навстречу.

— То-то же. — Я оставила последнее слово за собой и поплелась к бадье с водой.

Кое-как смыв с себя потеки болотной грязи, я, как была голышом, прошлепала в комнату и достала очередной сарафан и рубаху. На этот раз наряд оказался зеленым, а на рукавах у рубашки красовались красные петухи, но мне было не до эстетики. Со двора уже в третий раз настойчиво звали:

— Хозяйка! Принимай работу!

Поспешно прилепнув обратно снятый было нос, я высунулась в окошко.

Чешуйные богатыри отработали сырники на все сто. Частокол с этой стороны избушки стоял ровно, подгнившие столбы заменили все до единого. Правда, это обещало мне очередной визит недовольного Лешего, но я решила об этом пока не думать. Зато забор выглядел замечательно. Парни даже начистили горшки, которые я когда-то в темноте приняла за черепа.

Огород тоже радовал свежевскопанными грядками. Похоже, против богатырей с лопатами не выстояла даже вездесущая удобренная трава.

— Молодцы! — похвалила я перемазанных землей работников. — На сырники точно заработали.

— Со сметаной? — уточнил кто-то.

— Со сметаной, — подтвердила я. — К ужину приходите.

Богатыри радостно загомонили и потянулись к выходу.

Возмущаться по поводу отложенной трапезы никому в голову не пришло. Видимо, я правильно сообразила, что сейчас им больше хотелось помыться.

Я захлопнула оконную раму и развернулась.

— Ну что, Васька? Вылезай, вредитель хвостатый, бить тебя буду!

Под потолком что-то зашуршало, и я кивнула собственным мыслям: значит, и раньше этот звук мне не чудился.

— Вылезай, говорю!

— Не вылезу. Нет меня, — отозвался кот, не показываясь на глаза. — Я убежал от злой самозванки, которая собралась драться.

— Да-а-а? — протянула я. — Ну, тогда мне никто не помешает стряхнуть пыль с балок. Где там моя метла?

Я сделала вид, что иду в коридор, и котяра молниеносно соскочил на пол, явно намереваясь дать деру.

— Избушка! Держи его! — рявкнула я.

Дверь захлопнулась прямо перед носом у хвостатого беглеца. Он зашипел, вздыбив шерсть, и бросился к окну. Ставни закрылись уже без моей команды, как, впрочем, и заслонка печки. Мало того, сундук, откуда я доставала сарафаны, хищно распахнул крышку и, мелко подпрыгивая, двинулся на загнанного в угол кота.

Васька озирался, но бежать ему было некуда.

— Ну что? — уперла кулаки в бока я. — Будем каяться?

— А я что? Ну что я-то?! — зашипел кот. — Вот была бы она мышью, я бы тебя спас! А рыбу я вообще не ем! Тем более такую зубастую, да еще колдовскую!

— А я мышей не боюсь, — фыркнула я. — И как ты собираешься сметану отрабатывать?

— Помурлыкать могу, — предложил тот.

— Обойдусь.

— Сказку рассказать.

— Сказки у меня тут вокруг бродят, хватает.

— Песню спеть...

— Вот этого точно не надо, — передернулась я.

Незадолго до моего попадания в соседний номер вселились туристы с котом, а кота посетило любовное настроение. Они-то целыми днями гуляли. А я успела наслушаться кошачьих песен на всю оставшуюся жизнь.

— Могу показать, где Яга семена для огорода держит, — затравленно попятился Васька.

— Показывай, — кивнула я.

Понятное дело, у меня и в мыслях не было ущемлять его в правах на сметану и уж тем более бить. Но шугануть оборзевшую с-с-котину явно стоило. А если в другой раз меня тут убийца какой-нибудь поджидать будет, а Василий опять с балки слезть поленился.

— А сметана? — тут же взял быка за рога нахал, продемонстрировав, что испугался куда меньше, чем изображал.

— Сначала семена, а потом уже сметана, — усмехнулась я. — А то ты, пользуясь моим невежеством, вместо картошки-морковки какую-нибудь плотоядную росянку мне вырастить поможешь. Знаю я тебя. Как там у классика было? «Вечером деньги — утром стулья». И никак иначе.

— Какие стулья? — прижал уши Васька. — У нас только лавки есть.

— Семена показывай, — махнула рукой я.

Но посмотреть на местный семенной фонд я так и не успела.

— Хозяйка! Отворяй! Гостей принимай!

— Черт! — ругнулась я, вспомнив про оставленных за калиткой татар, то есть гостей незваных.

— Нет ее, — пропищавший дискантом отозвался раньше, чем я успела дойти до двери, — говорил я уже.

— А ты как туда попал? — вплелся в разговор низкий баритон, в котором я без труда узнала голос своего лесного незнакомца.

— Меня впустила, а потом сгнула, — ответил неказистый Илюшка. — Отправила ведра для воды искать. А я в оконце заглядывал: два ведра посреди горницы стоят... Вот тебе и служба! Поди туда, не знаю куда, принеси то, что у меня и так есть! Непотребство!

«Ха! — догадалась я. — Значит, без моего разрешения им сюда ходу нет! Круто! Этого-то я как пустить умудрилась? С богатырями, что ли?»

— Так, может, тебе какие другие ведра искать велено? — пробасил мой недоутопленник, сбив меня с мысли.

— Нет тут никаких других, — пожаловался парень. — Я все облазил, крапивой пожегся, чуть в колодец не провалился и от какой-то невоспитанной шуки хвостом по лицу получил. Посмеялась надо мной вредная бабка!

— А ты кто вообще такой?

Я чуть приоткрыла дверь, чтобы как раз успеть увидеть, как давешний поклонник зеленого цвета опирается локтями на калитку, сверху вниз рассматривая недовольного юнца.

— Я Илья Муромец, — приосанился тот.

— Да ну? Неужто земляк? — во все тридцать два зуба заулыбался зеленый.

— Какой еще земляк? Я тот самый Илья Муромец! — На свет божий появился знакомый блокнотик, и я, несмотря на абсурдность ситуации, невольно захихикала. — Тридцать лет на печи лежал! Потом встал! И всем дал!

Тут уж я заржала в голос.

— Нет, парень. Ты что-то путаешь, — серьезно покачал головой тощий. — Это я — Илья Муромец. И на печи я лежал. Уж не знаю, кому ты там давал...

Я в истерике сползла на пол, размазывая по щекам наворачнувшиеся на глаза слезы.

— И что именно, — продолжал между тем мужчина. — Но знаменитый богатырь Илья Муромец — это я.

— Нет я! — пискнул мелкий, тыча тому в лицо свой блокнотик. — У меня тут записано!

— Мало ли что у тебя там записано. Да ты на себя глянь. Ну какой из тебя богатырь? Кожа, кости и молоко на губах не обсохло. Ну посмотри, брат. — Зеленый призвал на помощь моего утопленника. — Кто из нас Илья Муромец?

— Вообще-то я, — пробасил тот, и я подавилась смехом, впервые сообразив, что у меня тут вырисовывается.

«Да что ж такое-то? — схватилась за голову я, вскочив на ноги. — Только вроде жизнь налаживаться начала, и на тебе! Ну, держитесь, дети лейтенанта Шмидта! Сейчас бабушка расскажет вам страшную сказку про детскую комнату милиции».

Я пинком распахнула дверь и встала на крыльце, уперев кулак в бедро:

— А что у вас там, в Муроме, одни Илюшки? Других имен нет?

Глава 10

МАМА, ПАПА, ДЯДЯ, Я — ВОТ ВАМ НОВАЯ СЕМЬЯ

— Есть, как не быть, — ответил мне, как ни странно, лесной незнакомец.

— Но в гости только Илюшкам ходить можно, — подхватила я. — Ладно. Это детали. Рассказывайте, с чем пожаловали, Илюшки.

— Эй! — возмутился тощий Илюшка. — А как же накормить, напоить, а потом уже спрашивать?

— Да. Не по-людски, — покачал головой усатый.

— Это вы люди. А я ведьма, — отмахнулась я, окончательно входя в роль. — Мне можно. Так что надо-то?

— Один на один поговорить, — нестройным хором отозвались все трое.

— Ну хоть не трое на одну, и то хлеб, — скрипнула зубами я. — Ладно. С тебя начнем, раз уж ты тут.

Я поманила за собой юнца. Мы сели за большой стол под яблоней с другой стороны избышки. Понятное дело, что в дом я его приглашать и не подумала. Как, впрочем, и кормить. «Обойдется, — решила я. — И так с чешуйными богатырями подхарчился шустрик».

— И как тебя зовут? — спросила я.

От неожиданности юнец чуть не ответил, но, вовремя спохватившись, упрямо повторил:

— Илья Муромец.

— Допустим. — Я подперла кулаком подбородок и уставилась на него. — И что тебе надо, Илюшка-малолетка?

— Почему это я малолетка?! — возмутился тот. — Я совершеннолетний!

Кусочек пазла с щелчком встал на место, и картинка сложилась: «Попаданец!» Может, у местных и было понятие совершеннолетия. Но уж точно никто из них не понял бы вырвавшегося у меня слова «малолетка». «Могла бы и сразу сообразить... — с раздражением подумала я. — Ну какие тридцать лет на печи? Ему и всего от силы двадцать пять!» Вот только бросаться на шею собрату-попаданцу я спешить не стала.

— Это хорошо, — задумчиво протянула я. — И чего тебе надо? Видел же. Никаких чернооких-черноколых у меня тут нет. Сам же все облазил. Даже в окна заглядывал.

— Василису спасти, — воскликнул дурень и тут же стушевался. — Ну, если она здесь.

— Не здесь, — напомнила я, с трудом сдержав улыбку. Уж не знаю, как его там на самом деле звали, но определение «дурак» в его имени точно присутствовало.

— А где?

— А я откуда знаю? Это тебе она зачем-то понадобилась. Короче, так... Василис тут нет. Есть только я. Меня спасать будешь? — Я оскалила в улыбке свой выдающийся зуб и кокетливо захлопала ресничками.

— Нет! — отшатнулся малец. — В смысле... Вам же не требуется.

— Ну, в общем, да. Но иногда приятно, когда красивый молодой человек...

— Да, да... Так я скажу Мерлину, что Василисы тут нет, — поспешно поднялся парень.

«Значит, Мудлен... И зачем я ему понадобилась? Сам же меня Яге на массажный коврик оставил: покататься там, поваляться... Скотина! Хотя этому дурню он вряд ли что-то рассказал», — проворчала я про себя. Но вслух, разумеется, произнесла совсем другое:

— Так и скажи. Ну, прощай, добрый молодец. — Я приглашающе кивнула в сторону калитки.

Парень сделал несколько шагов к выходу, но каждый из них был короче предыдущего. Уже подозревая очередную пакость, я поморщилась и тут же услышала:

— Бабушка Яга, а можно, я завтра...

— Что завтра? — приподняла бровь я.

— Говорить пойду завтра! — выпалил лжебогатырь. — Вечер уже. Там лес темный. А я меч дома забыл.

«Еще скажи, что его собака съела, пионер фигов», — буркнула я себе под нос.

— Хорошо. Можешь в баньке переночевать.

— Понял! — закивал он и дернулся к видневшейся у частокола приземистой бане, в которую я до сих пор сунуться так и не удосужилась.

— Куда?! — притормозила я нездоровый энтузиазм. — А платить за ночлег кто будет?

— Сколько? — со вздохом полез в карман мальчишка.

— Пять грядок, — как ни в чем не бывало отозвалась я.

— Грядок?!

— Ну, если не хочешь... — Я красноречиво посмотрела в сторону леса.

— Копать? — сдался гордый богатырь.

— Сажать, — фыркнула я. — Жди здесь.

Избушка предупредительно присела, едва не подставив ступеньку крыльца прямо под ногу.

— Вот молодец! — Я похлопала ее по дверному косяку. — Будешь себя хорошо вести, еще и крышу перекроем. А то трясешь трухой во все стороны.

— Васька! — Кот тоже, похоже, уже убедился, что со мной лучше дружить, потому что появился мгновенно. — Где обещанные семена?

Разбираться с целым сундучком мелких мешочков без подписи я не стала, сразу остановив взгляд на большом ларе с картошкой. А что? У меня тут тридцать три голодных мужика, между прочим. Разумеется, таскать мешки я и не подумала, быстренько приспособив для этой цели бродячее ведро.

— И сколько сажать? — вытаращился мальчишка, увидев наполненное картошкой самоходное ведерко высотой ему почти до пояса.

— От забора и до... — чуть было не ляпнула я, но вовремя прикусила язык: до заката он мне одну картофелину посадит, если очень постарается. — От забора и до дна.

Горе-богатырь покосился на клонящееся к верхушкам деревьев солнце, потом на темнеющий за частоколом лес и поплелся к огороду.

— И ровненько сажай, — напутствовала я вслед.

Тот буркнул что-то невнятное, что я решила принять за согласие, и взялся за лопату.

Допросить парнишку можно было бы и подотошнее. Но, во-первых, я боялась выдать уже себя. А во-вторых, у меня за калиткой маялись еще два кандидата в богатыри, и с ними тоже надо было что-то делать. «Не кататься же, валяться», — ухмыльнулась я про себя и, убедившись, что мальчишка скрылся за дверью бани, пошла к частоколу.

Мой лесной купальщик все так же щеголял подсыхающей коркой вонючей болотной грязи. «Мог бы и помыться, — слегка рассердилась я, наморщив нос. Где-то же шукин ручей за частокол вытекает! Не иначе как тоже на баньку рассчитывает, паразит!»

— Ну, заходи, что ли. — Я кивнула высокому хлыщу в зеленом.

— Здрава будь, хозяйка, — поклонился тот, проходя во двор.

— И тебе не кашлять.

Этот Муромец долго мяться не стал. Мы еще до облюбованного мной стола не дошли, как наезды посыпались со скоростью пулеметных очередей.

— Прослышал я, что скрываешь ты Василису, мою нареченную и дочь Марьи Моревны единственную, — с пафосом заявил он. — Отдавай ее подобру-поздорову, а то...

— Твой меч — моя голова с плеч? — обозлилась я, даже не сообразив, что мне уже и матушку приписали. — Это мы уже слышали.

К таким наглым наскокам у меня за годы замужества выработался стойкий иммунитет. А к нему в придачу еще и рефлекс: бить первой. Муж-алкоголик, имеющий постоянный доступ к огнестрельному оружию, очень быстро отучил меня бояться подобных вещей. До сих пор помню обиженное выражение на его пьяной роже, когда в ответ на очередные обвинения в супружеской неверности и потрясение табельным пистолетиком я достала АК, специально выпрошенный для этого у жены нашего ротного, и щелкнула сектором переводчика.

— Эй, изба! — крикнула я. — Не хочешь на косточках поваляться-покататься?

Избушка, с которой у меня теперь было полное взаимопонимание, заскрипела и шагнула в нашу сторону.

— Бабуля! — попятился наглец. — Я же со всем почтением! Какой меч? Какая голова? У меня и меча-то нет, только шпага.

— Тогда тон сбавь, — приказала я, усилием воли заставляя себя успокоиться. — Избушка, на место!

Зеленый Илья перевел дух и уже куда скромнее продолжил:

— Не серчай, коли обидел. Слухом земля полнится. Вот и до меня дошло, что сумела ты, бабушка, нареченную мою похищенную найти. Вот и не сдержался, сразу сюда поскакал.

«Интересно, на ком поскакал, — подумала я, кивком показывая, что слушаю. — На мелком Илье? У него вроде тоже копытного средства передвижения не наблюдается. Коняга-то только у моего утопленника имеется».

— И матушка ее безутешна, — повысил голос зеленый. — Все глаза выплакала, родную кровиночку дожидаясь.

— А я при чем? — буркнула я. — Нет тут вашей блудной дочери. Сам видишь.

— Меня сюда сердце привело! — еще громче воскликнул он. — Значит, была здесь моя голуба, даже если сейчас нету.

«Да что ж ты так орешь?!» — недовольно подумала я, подавив желание поковырять в оглушенном воплях ухе.

Крикливый гость уже вещал какие-то сказочные банальности, глядя куда-то поверх моего плеча. Я скосила глаза, пытаюсь понять, куда он смотрит, но увидела только край бревенчатой стены. «Вот оно что... Придурак вообразил, что Василиса, то есть я, сидит в избушке. На нее работает, актер недоделанный! И мелкий такой же. Только вот роль они оба одну разучили, и ту плохо. Матушку мне приписали. К князю то в дочки, то в племянницы записывают. Чушь какая-то получается. Чертова Яга! Умотала на свои курорты и не рассказала ни фиги. Иванушки-Аленушки... А Илюшек не хотите? По три штуки за раз. Интересно, где настоящая Василиса, которую они все так жаждут найти?»

— Ори не ори, а нет тут твоей нареченной, — вполне искренне прошамкала я.

— Так подскажи, бабушка, где искать ее, — залебезил хитрец.

— Это подумать надо, погадать, звезды посчитать, — соорудила серьезную мину я. — Иди пока Илюшке мелкому помоги. А утром поговорим. Утро вечера мудренее, касатик.

Когда заносчивый болтун рассмотрел, чем там занимается парень, его буквально перекосило от отвращения.

— Работы много, ой, много — покачала головой я, кое-как подавив злорадную улыбку. — А не успеете... Ну, на нет и суда нет. Придется мне доделывать, а не звезды считать.

— Помогу, бабушка, — тут же поднялся он, слащаво улыбаясь.

От этой тошнотворно фальшивой улыбочки мне стало настолько противно, что я не поленилась вернуться в избушку и, избавившись от воды, в которой купалась говорливая щука, отправила помощникам еще одно ведро картошки вдогонку. Мелкая пакость? И вовсе не мелкая. Литров сорок точно будет. А что? У меня тридцать три едока!

— Ну, заходи, что ли, — буркнула я, мысленно прокручивая в голове странные оговорки своих незваных гостей. Что-то вокруг меня затевалось, и мне это что-то уже не нравилось. Кажется, этого Илюшку я отправлю не картошку сажать. Есть у меня для него дело поинтереснее.

— Здрава будь, хозяйка, — в пояс поклонился усатый.

— И ты не кашляй, — кивнула я.

— Дозволишь коня напоить? — спросил он, кивнув на длинную колоду у частокола, куда я только недавно опорожнила щукино ведро.

Получив разрешающий кивок, он тут же занялся конягой. Пока я хлопала глазами, пытаюсь сообразить, это демонстрация крайней степени хамства или так и надо, усатый быстро избавил коня от сбруи, дал немного попить и начал чистить скрученным пучком травы.

— Как закончишь, подойдешь, — буркнула я и ушла под яблоню.

Два обалдую сажали картошку и невнятно переругивались. Почему-то именно это зрелище примирило меня с действительностью. Я даже заулыбалась, наблюдая, как тощий норовит якобы случайно заехать мелкому черенком лопаты в лоб, а тот в отместку обсыпает влажной землей щеголеватые сапоги франта.

— Да здесь она! — повысил голос юнец. — Я одежки видел!

Я насторожилась, прислушиваясь.

— Такие Яга точно не носят! — огрызнулся он на какое-то замечание зеленого, и я чуть не выругалась вслух: «Мои джинсы! Я же их на кустах развесила!»

— Благодарствую, хозяйка, — пробасил рядом лесной Илюшка, сбив меня с мысли.

— Не за что, — сварливо отозвалась я, все еще ругая собственную забывчивость. — С чем явился?

— Шел я к тебе с одной надобностью, а пришел с двумя. — Илья ничуть не обиделся на мою неприветливость.

— А что ж не с тремя? — буркнула я. — Чего мелочиться-то?

— Вторую надобность я по дороге нашел, — чуть улыбнулся он. — Задолжал я нечисти вашей лесной, а долг платежом красен. Подсоби, бабушка.

— Нечисть лесная, — кое-как справилась с удивлением я, посмотрев на гостя совсем другими глазами. — Что ж ты ее у меня ищешь?

— Ты хозяйка на Буяне, — склонил голову он. — Коли ты не захочешь, я ее ввек не сыщу.

— Это верно, — задумчиво кивнула я, подумав, что мужик даже не представляет, насколько попал в точку. А вот хочу ли я, это вопрос.

Глава 11

БЫТ И РУТИНА НА СКАЗОЧНЫЙ ЛАД

Но задаться всякими отвлеченными вопросами мне не удалось.

— Хозяйка! — Над частоколом появилась русоволосая голова одного из чешуйных богатырей. — Поесть бы!

— Заходите. И в очередь, — махнула рукой я и снова перевела взгляд на лесного Илью. — Иди помоги своим тезкам. Ночевать в баньке можете. Утром поговорим. Утро вечера мудренее.

Не вдаваясь в детали, я поднялась и пошкандыбала в избушку: чешуйные богатыри, весело переговариваясь, уже выстроились в длинную шеренгу с мисками наготове.

Илья спорить не стал, послушно отправившись в огород. Я позволила себе только один короткий взгляд в ту сторону. Надо признать, с лопатой он обращался куда ловчее прочих невольных огородников. Хотя, может быть, это мне так казалось, потому что он единственный не морщился недовольно и не пытался подгадить товарищам по картошке.

Я же, машинально шлепая в подставленные миски сырники и сметану, впервые всерьез задумалась: а что дальше? Сейчас я делала все, чтобы выполнить пожелание Яги. Даже чешуйные богатыри вряд ли догадывались, с каких фигов вздорную Ягу обуяла любовь к кормежке, а заодно и к образу старухи. Но дальше-то что? Вот вернется эта безответственная молодоженька, и?

Она обещала мне выполнить любое желание вплоть до отправки обратно в реальный мир. Но вот туда-то я хотела все меньше и меньше. Уже совсем не хотела, если честно. Там меня никто не ждал, кроме матери. Да и та ждала ли? По крайней мере, за те семь лет, что я моталась с мужем по военным городкам, мы не виделись ни разу. А о том, что единственная родственница перебралась на постоянное место жительства в Штаты, я и вовсе узнала, только подав на развод и обнаружив в родной квартире чужих людей.

В новом мире мне нравилось. Но Яга-то я не постоянная. Так, исполняющая обязанности, и то с ограниченным функционалом. А настоящая вернется недельки через полторы, и еще неизвестно, как воспримет мои приключения. Полагаться на случай и добрую волю безголовой ведьмы с дурной репутацией очень не хотелось. Значит, надо было подстраховаться всеми доступными способами.

Я сфокусировала взгляд на очередном богатыре с миской и сказала:

— Как поешь, позови моих огородников. Пока они с голодухи не принялись выкапывать только что посаженное.

Тот кивнул и отошел.

Я убедилась, что вроде все чешуйные заняты едой, и пошла в дом за тарелками. Не в ладошки же этим балбесам угощение выкладывать. Илюшки об этом еще не знали, но мои планы в отношении них за последние полчаса здорово поменялись.

Первым, как и следовало ожидать, за дармовой жрачкой прискакал мелкий. Грязный, как черт, он хапнул предназначенную ему тарелку и только минут пять спустя с набитым ртом крикнул:

— Шпашибо!

За ним пришел и хлыщ. На сырники он посмотрел без особого энтузиазма, но тарелку взял и поблагодарил, как положено, обдав меня запахом трудового пота.

Мой лесной утопленник появился самым последним. Зато совершенно чистый и ничем предосудительным не пахнущий. В его волосах блестели капельки воды. Штаны были явно влажными, хоть и хорошо отжатыми, а рубашка так и вовсе отсутствовала. Подавая ему тарелку, я помимо воли порадовалась, что недавно получила качественную передозировку мужской красотой, насмотревшись на чешуйных богатырей. Иначе рисковала пронести сырники мимо миски. Хорош был чертяка. Мощный, как вековой узловатый дуб. Выгоревшие на солнце светлые пряди. Бронзовая от загара кожа, под которой перекачивались литые рельефные мышцы, так и манила провести ладонью, легко цепляя пальцами золотистые завитки волосков.

Я даже головой тряхнула, отгоняя наваждение. «Ты старая склочная бабка с гадким характером и еще более отвратительной репутацией, — напомнила я себе. — Изволь вести себя соответствующе». Илья поклонился со словами благодарности и тоже отошел. На его место тут же заступил один из богатырей.

— Спасибо на добром слове, хозяйюшка! — пробасил он. — Порадовала нас, побаловала.

— На здоровье, — кивнула я, усилием воли оторвав взгляд от троицы под яблоней.

— А завтра тебе никакая помощь не потребуется? — с легкой хитринкой в глазах поинтересовался воин.

— А вам так сырники полюбились? — невольно усмехнулась я.

— И сырники, и обхождение ласковое, — не стал юлить он.

— Вы еще траву недокосили. Да и частокол на той стороне кривоват, — прищурилась я.

— Все поправим, хозяйшка, — просиял он.

— Только не с самого утра, — поспешно уточнила я, представив, как просыпаюсь в пять утра от стука молотков и гомона тридцати работников. — К полудню приходите.

— Как скажешь, хозяйшка, — поклонился витязь и отошел.

Я бросила последний взгляд на уничтожающую сырники троицу и, прошептав волшебные слова, свернула скатерть-самобранку. В избе царили тишина и прохлада. Прикрыв поплотнее дверь и задернув шторку, я сбросила с плеч осточертевшую волшебную шаль и с наслаждением распрямилась. Живот тут же протестующе забурчал, напоминая, что и мне было бы неплохо поесть.

Ничего более подходящего, чем сырники, которыми, казалось, пропахла вся поляна Бабы-яги, мне в голову не пришло, и я снова разложила скатерку. С минуту полюбовавшись на пятна и дырки, я сплюнула и встала. «Нет уж! Пенициллин мне без надобности». Собрав скатерть и закинув по дороге нос Яги на полочку у маленького зеркальца, я вернулась в прихожую и занялась стиркой.

Отполаскивать волшебный артефакт пришлось долго и упорно, но я справилась. Сперва вода была просто грязной, затем белесой, как известковый раствор. Но, изведя полбадейки, я все-таки добилась мало-мальски удовлетворительного результата. И, похоже, исчерпала остатки сил: аппетит пропал напрочь, зато разболелась спина. Решив, что прекрасно обойдусь без ужина, я, постанывая, поплелась в комнату. Скатерть отправилась сушиться на веревку, куда крепилась шторка перед печкой, а я завалилась на лавку и, кое-как укрывшись пледом, отключилась едва не раньше, чем закрыла глаза.

Если я и надеялась поспать подольше, запугивая гостей и назначая четкое время чешуйным витязям, то сильно просчиталась. Глаза открылись сами собой, словно меня кто-то пнул, едва солнце выползло из-за горизонта. Я попыталась снова заснуть, но не тут-то было: сон не шел. Выругавшись, я сползла с лавки и, потирая ноющий от голода желудок, поплелась в прихожую умываться.

«И меня не миновала чаша сия, — подумала я, раскладывая на столе просохшую за ночь волшебную скатерку. — В смысле, миска».

Я прошептала волшебные слова и без особого энтузиазма уставилась на скудный ассортимент.

— Нет бы кусок голландского сыра произвести, — проворчала я себе под нос. — Но нет... Творог и сырники, сметана и молоко. Кефир и... А это что еще?!

Закусив губу, я уставилась на новую миску, раздвинувшую крынки с кефиром и ряженкой.

— Нет... Ну это уже ни в какие ворота!

— Ты чего разоралась с утра пораньше, — свесился с балки Васька.

— А ты посмотри, что наш пищеблок выродил! — проворчала я, ткнув пальцем в новую тарелку. — Сам заорешь.

— Мр-р-р, — заинтересовался кот. — Это твоя стирка, что ли, сработала? Скатерка отблагодарила? И чем порадовала?

— А вот этим, — скривилась я и гулко пристукнула по столу большой миской, доверху наполненной селедкой.

— Да ты еще это не видела, — фыркнул спрыгнувший с балки кот и лапой пододвинул в мою сторону круглую коробку из бересты.

— А что там? — с опаской уточнила я, не спеша открывать неплотно пригнанную крышку.

— Ничего рыбо-молочного, — тоном змея-искусителя ответил Васька.

— Да? — заинтересовалась я и все же открыла коробку.

На аккуратной подложке из травы лежали три колючих, словно минуту как с грядки, пупырчатых огурца.

Если бы не волшебная звукоизоляция избушки, мою ругань, наверное, услышали бы даже на Луне. А так только Васька, прижав уши, шмыгнул под печку.

— Ну, знаешь, — заявил он минут через пять, когда поток моего красноречия наконец иссяк. — Таких слов даже настоящая Яга не говорила, когда Черномор ей в подарок улей лесного меда приволок вместе с пчелами.

— Еще не то услышишь, если продолжишь шутки шутить, — огрызнулась я, слегка покраснев, и со вздохом принялась накладывать себе в тарелку теплые сырники.

Впрочем, такой уж сердитой я не была. Когда первый запал прошел, я сообразила, что если мне удалось внести в меню такие дополнения, то и другие возможны. Может быть, если я отстираю еще какое-нибудь пятно, то и хлеб появится. А за зашитую дыру, глядишь, и котлеткой отблагодарят. Жаль, что у меня не было времени поразмыслить над этим достаточно долго. Не успела я доесть, как со двора донеслось:

— Яга! Кончилось мое терпение! Отворяй, нечистая сила!

— Опять Леший, — вздохнул кот, подгребая поближе плошку сметаны. — Не пускай его.

— А Яга не пускала?

— Не пускала. Только ругалась сильно.

— Ну, значит, и мне можно. Еще не хватало, чтобы нечисть меня нечистой силой обзывала. Несolidно.

— Ну...

Что там хотел сказать Васька, я слушать не стала, поспешно прилаживая фальшивый нос. Голод я утолила, но ненавистное молочное, наложившись на раннее пробуждение и общий абсурд, творившийся вокруг меня в последние дни, требовали немедленно спустить на кого-нибудь всех собак. Поэтому появлению лесного склочника я почти обрадовалась.

Шаль, согнувшая спину дугой, хорошего расположения не добавила, и на крыльцо я вышла в самом отвратном настроении. Избушка плавно опустила меня на землю, и я, сердито сопя, пошаркала к калитке. Благо вытоптанная вчера голодными богатырями тропинка никуда не делась и соваться в утреннюю росу мне не пришлось. Но остывшая за ночь земля все равно неприятно холодила босые ноги. «Надо будет Ваську спросить, где Яга обувь брала. А то в кроссовках не побегаешь. Когда вокруг столько народу толчется, обязательно хоть один глазастый, но найдется. Доказывай потом этим Илюшкам, что я сама себя не съела».

Над калиткой маячило лохматое коричнево-зеленое, утыканное шишками нечто.

— Яга! Пришла пора... — заголосило оно, едва углядев меня на тропинке.

— ...косы и топора, — прошипела я.

— Топора? — опешило лохматое создание. — Да ты, негодная, совсем страх потеряла?!

— Это ты, чурка крикливая, страх потерял! Мало Яга... Я тебя сюда не пускала? Так могу и дальше глухой прикидываться, пока ты опять богатырей не докричишься.

Леший воровато оглянулся, блеснув ярко-зелеными глазами, и заговорил уже куда тише:

— Ты что творишь, нечистая сила? Кто тебе дозволил в моем лесу деревья рубить?!

— А что, нельзя было? — оскалилась я. — Ну, ладно. Больше не буду.

— Правда, что ли? — опешил от такой покладистости Леший.

— Правда, правда, — закивала я. — Пусть богатыри по старинке развлекаются. Шишки коллекционируют...

Леший снова начал озираться. Но вокруг, если не считать мерные удары, доносящиеся с огорода,

было тихо.

— Нет. Ну, если они у тебя делом заняты, — с сомнением протянул он.

— Нет, они от меня шишки отрывают, — фыркнула я. — Я думала и сегодня их занять, частокол подновить, но раз ты против...

Где-то вдалеке послышался многоголосый гомон, и Леший вздрогнул.

— Ну, если на частокол да сухие...

— Какие же еще, — пожала плечами я.

Разумеется, я ни малейшего представления не имела, какие деревья нужны на частокол. Но, судя по тому, что прорасти в удобренной гусе-лебединым пометом земле ни одно бревно не попыталось, все-таки именно сухие.

— Ну, так они ребята молодые, откуда им знать, сухое дерево или есть в нем еще немного жизни, — вкрадчиво продолжила я. — Ты бы, дед, позаботился, чтобы не обознались.

— Позаботился... — протянул Леший, опасливо косясь через плечо. — Дык...

— Эй, гляньте, это не Лешак там? — донеслось из-за ближайших деревьев, и лохматый хозяин леса подскочил как испуганный заяц.

— Позабочусь, — затараторил он. — Сам пришлю сухие! Но чтоб больше ни одного мухомора, ни одной поганки не брала, негодная!

— Точно Лешак! — крикнул кто-то.

— Сам пришлю, — пискнул тот, поспешно ввинчиваясь в землю.

— И смотри, чтоб ровные, — крикнула я в быстро затягивающуюся дыру на том месте, где незваный гость стоял еще секунду назад.

— День добрый, хозяйка, — пробасили в один голос двое чешуйных, прошагав мимо в одних штанах, но с полотенцами через плечо.

— Добрый, добрый, — кивнула я, не отказав себе в удовольствии полюбоваться красавчиками. Со спины, разумеется.

А когда перевела взгляд обратно на лес, то чуть не села, где стояла. Он шел ко мне.

Глава 12

МИНУС РАЗ

Огромные деревья с обломанными сучьями, а кое-где даже обугленные, медленно двигались вперед, вытаскивая из земли длинные узловатые корни. Расширившимися от ужаса глазами я следила, как все новые и новые лесные покойнички выбираются из небытия, раздвигая густой подлесок.

Если я и не заорала на весь Буян, то только потому, что дар речи забился куда-то в пятки вместе с бешено колотящимся от ужаса сердцем. А когда я вспомнила, что в таких случаях положено делать, лесные исполины уже перешли ко второй части Марлезонского балета. Ветки отлетали в стороны сами собой, словно под ударами огромного невидимого топора, длинные, действительно ровные стволы подскакивали в воздух, оставляя на земле низкие пни, и валились на землю как скошенная трава. Причем эта мечта термита еще и сама собой укладывалась в штабеля рядом с частоколом.

«Мать, мать, мать... — беззвучно пробормотала я себе под нос, чувствуя, как спина покрывается холодным потом. — Ты за языком-то следи, мать... Это Яга у нас всемогущая ведьма, наверное... А ты — беспомощная, хоть и офигенно наглая попаданка!»

Не прошло и пяти минут, которые я провела у калитки, застыв соляным столбом с отвисшей челюстью, как все пространство между частоколом и стеной живого леса было завалено буреломом из веток и выкорчеванных пеньков. А среди этого месива островками насмешливого порядка возвышались штабеля ровных бревен сорта «Хоть сейчас на мачту».

— Это чегой?! — Удивленный голос одного из витязей, возвращавшихся обратно на взморье, вывел меня из ступора.

Я прикусила кончик языка, стараясь поскорее очухаться, и медленно развернулась в его сторону.

— А это... Это ваша сегодняшняя работа, — отчаянно надеясь, что голос не дрожит, как заячий хвост, отозвалась я. — Леший вот бревнышек для частокола прислал. Ну и дровишек заодно. Так что сегодня с этой стороны... Подсобите...

— А! Ну, добро, — кивнул молодой богатырь, удовлетворившись моими объяснениями. — Тогда мы пойдем, братьев кликнем?

— Иди, касатик, иди, — закивала, как китайский болванчик, я.

Витязи, перебрасываясь шуточками, принялись скакать с одного штабеля бревен на другой, а я, передернувшись от запоздалого приступа ужаса, пошлепала по тропинке обратно к избушке. «Вот тебе, Васька, и наглядная демонстрация... А то заигралась ты в хамоватого прапорщика, а о том, что на всякого прапорщика есть свой замполит, подзабыла». Я трянула головой, отгоняя накатившую слабость, и присела за стол под яблоней.

Рядом стояли благополучно забытые вчера корзины с яблоками. «Надо будет самоходные ведра под перевозку приспособить. И у Васьки узнать, где у Яги сахар, — машинально отметила я. — И есть ли тут вообще сахар...»

Лесной исход, похоже, не обеспокоил никого, кроме меня. Вокруг все так же мирно жужжали пчелы и стрекозы. На крыше избушки невозмутимо вылизывал лапу Васька, явно основательно нажравшийся сметаны. За частоколом гомонили богатыри. А у баньки колот дрова лесной Илюшка.

Я невольно залюбовалась. Красавчик, что тут скажешь. Впрочем, вся эта троица отличалась выдающейся внешностью. Только если мелкий Илюшка был хорош какой-то юношеской красотой, красотой мальчишки, которого мужчиной воспринимать ну никак не получается, а зеленый — холодной неотразимостью классического образа эльфа, то мой лесной знакомец был совсем другим. Он не вызывал чувства собственной неполноценности и желания немедленно заглянуть в зеркало с глупейшими вопросами вроде: «Я ль на свете всех милее?» Упрямец был надежен, как скала, почему-то возникала уверенность, что если уж он выберет себе пару, то останется с ней навсегда вне зависимости от количества морщин или объема талии.

«Хех, — резко поднялась я, сообразив, что, несмотря на все рассказы про нареченных, у меня нет ни малейшего шанса. — Как раз на такой должности да с таким профессиональным макияжем и думать про охмурение всяких красавчиков. И вообще все они надежные да честные, пока штамп в паспорте не поставят. А потом оглянуться не успеешь, а от принца на белом коне остается один мерин, и тот при ближайшем рассмотрении оказывается козлом».

Козлов, маскирующихся под принцев, я в своей жизни навидалась с лихвой. А вот принцев пока не встречала. Наверное, поэтому мысленная оплеуха действовала отрезвляюще. Я встала и окинула двор хозяйским взглядом.

«Итак, чтобы не воевать с Лешим, которому мне, кроме поджигательских плевков, срабатывающих через раз, противопоставить нечего, надо избавить его от внимания дуреющих со скуки чешуйных витязей.

В свою очередь этих надо тупо занимать делом. Да так, чтобы на фигню вроде ловли лешаков по лесам ни сил, ни времени не оставалось. Правда, их, зараз, кормить придется. Но тут уж что-нибудь придумаем. — Я полюбовалась на кусты картофеля, вымахавшие за ночь почти мне по пояс и явно намеревающиеся зацвести, и кивнула собственным мыслям. — Васька и семена. И еще грядки. Плюс еда для витязей, минус время на дурь. И самое главное — гости... Этих надо выводить на чистую воду...»

«И топить», — ехидно добавил внутренний голос.

Я ухмыльнулась в ответ на выверты собственного подсознания и окончательно взяла себя в руки. «Топить — слишком кардинально. Щука, опять же, не обрадуется, если я ей ручей засорять вздумаю. Лучше так: выводить на чистую воду, потом за калитку, а дальше уж пусть Леший водит».

Из баньки вышли взлохмаченные и недовольные Илюшки и, вяло переругиваясь, потащились в сторону ручья.

— Илюшка мелкий, ну-ка, поди к бабушке, — крикнула я, когда уже откровенно грызущиеся парни вернулись обратно.

Поклониться и поздороваться обалдуй, как и положено воспитанному человеку, благополучно забыл и плюхнулся на лавку передо мной с самым независимым видом.

— А завтрак будет?

— Смотри-ка, заботливый какой. Будет завтрак, как не быть, — ласково улыбнулась я. Солнце сверкнуло на остром кривом зубе, и парень отшатнулся. — Вот выберу, кого из вас в печь отправить, и буду завтракать.

— Только не мной, — тут же воскликнул он, постаравшись отодвинуться от меня как можно дальше, то и дело поглядывая на калитку. — Я невкусный!

— А ты пробовал? — прищурилась я.

— Вот! — Парень прикусил костяшки и тут же начал картинно морщиться и плевать во все стороны. — Гадость какая!

— Другие, думаешь, получше?

— Еще бы, — запальчиво закивал он. — Особенно тощий. И косточек много. И вообще, — паршивец понизил голос, — он вас обманывает...

Если до сих пор мне было смешно, то сейчас стало противно. «Вот тебе и продукт двадцать первого века... Развитие, толерантность и общечеловеческие ценности. Была бы Ягой, есть бы не стала, но лопатой бы точно пристукнула! Тьфу!»

— А ты, значит, честный?

— Конечно! — кивнул он, не сумев скрыть ухмылку превосходства, проскользнувшую на губах. Мелкий паршивец явно решил, что надул глупую бабку. Ну, ну...

— Это ж надо, — прошамкала я в полном соответствии с ожиданиями мальчишки. — Вот ведь негодяй. Что же он такое задумал?!

— А вы мне Василису отдадите? — прищурился мелкий.

— Служба за службу, — усмехнулась я. — Ты мне про вруна этого расскажешь, а я тебе про Василису.

— У него зеркальце есть волшебное, — понизил голос парень. — И сегодня ночью он с теткой какой-то болтал. Так она его Радей называла, вот!

— Надо же! — всплеснула руками я. — А что за тетка? Не иначе как на мое место зарится, негодная!

Станиславского с его «Не верю!» тут не было, а мальчишка принял мою топорную игру за чистую монету и даже придвинулся ближе.

— Все-все расскажу! Значит, так. Я проснулся, потому что бубнеж услышал. Хотел уже его пнуть,

гада, чтоб спать не мешал. А потом слышу вроде девчачий голос. Ну, думаю, увели Мерлинову девку! В смысле нареченную мою увели. Стал прислушиваться. А он ее «ваше величество» называет. И про вас всякие гадости говорит.

— Это какие такие гадости? Я его приветила, накормила, спать уложила... А он...

— Неблагодарный, — поддакнул малолетний ябеда и подсел еще ближе. — Старуха дурная, говорил. Совсем из ума выжила. Ее обмануть, как два пальца об асфальт...

«Асфальт?» — фыркнула про себя я.

— А Моревна постоянно бесилась. Смотри, мол, старуха придушивается. Там где-то еще молодая должна быть, присматривайся. А он ей, да нет, мол, бабка простодушная да глупая... Ну, вы извините, тетя Яга, вы и правда простоваты, хотя неглупая, конечно!

— Да... Простодушие меня погубит, — сокрушилась я, старательно хмурия брови.

— Это он, падла такая! Мне вот вы сразу понравились! А они только ругали. Баба говорит: «Все разнюхай, в каждую щель нос сунь, но дочку мою чтоб нашел, живую или мертвую. Но лучше мертвую». Потом еще и яблочко наворовать велела.

— Яблочко? — опешила я.

— Ну да. И яблочко молодежное, что ли, прихватить не забудь, сказала. Дальше я, правда, не услышал, тощий гад насторожился и отрубил зеркало. Ворюга, короче. Еще меня обматерил, что я, видите ли, храпел! Брехун. Я сам из-за его болтовни проснулся, а он мне будет про храп втирать!

— Кошмар какой! — подхватила я, изображая возмущение. — Хорошо, что ты услышал и все мне рассказал. Ничего, мы с тобой им вместе покажем. Сразу узнают, где у нас тут раки зимуют, да? Как хорошо, что ты все услышал. Молодец!

— Да я только рад помочь! Вы мне, я вам: сотрудничество.

— Сотрудничество — это хорошо. По рукам, э... — Я замялась, делая вид, будто пытаюсь припомнить его имя, и малолетний дурак меня не разочаровал.

— Вася я. По рукам!

Он протянул узкую ладошку, но я, разумеется, даже не пошевелилась. Парень опешил, покосившись на нелепо вытянутую руку.

— А скажи мне, — задумчиво проговорила я, сбросив маску напускной дружелюбности, — тебе простодушные волки когда-нибудь встречались?

— Н-нет...

— И не встретятся. Такие даже в сказках не водятся. А простодушные ведьмы — еще более редкое явление. Уяснил?

— Н-нет...

— Хоть и не Иванушка, а все равно дурачок... — покачала головой я. — Дурак ты, короче говоря, Вася...

Парень спохватился, глаза забегали, и я поняла, что еще мгновение, и он сорвется с места.

— Сидеть! — вполголоса рявкнула я в лучших традициях нашего особиста. — Ты думал, старая маразматичка что угодно проглотит? Сидеть, я сказала!

— Так я же правду сказал, — заныл он.

— Особенно когда Ильей назвался, — хмыкнула я. — Значит, так. Рассказывай все как на духу. Кто такой, откуда взялся... В общем, все. И тогда, может быть, уйдешь отсюда...

— А вы мне Мерлинову девку отдадите? — сделал попытку поторговаться малолетка.

«Эх, парень... Я с нашим завсклада справлялась, куда уж тебе со мной торговлю начинать?»

— Можешь забирать, — махнула рукой я. — Все, что от нее осталось. Штаны синие, башмаки и...

— А девка?..

— А девки нет. Не спешили спасители. А кушать надо три раза в день, знаешь ли. Если не кушать,

знаешь, что случается?

— Вы ее... — Парень резко побледнел и зажал рот ладонью.

— Тьфу ты, — поспешно внесла ясность я, заметив, что его вот-вот вырвет. — Замуж я ее отдала, идиот!

— Ах, замуж... — с облегчением выдохнул он. — Замуж — это другое дело. Замуж — это даже хорошо.

— А если ты мне все не расскажешь, могу и тебя отдать, — мимоходом заметила я.

— Замуж?! — снова позеленел Васька.

«М-да... Касатик... Каждый, конечно, мыслит в меру своей распущенности, но ты, походу, распущен до предела. Ну и мысли...» — Я с трудом сдержала смех и как можно более равнодушно ответила:

— А че такова? У всех вкусы разные. Я одно предпочитаю, Леший — другое, а Змей Горыныч, дракон наш любвеобильный — третье...

— Я не из этого мира! — перебивая сам себя, затараторил окончательно деморализованный Василий. — И вообще к вам сюда не хотел! И девка мне эта даром не нужна! Это Мерлин, урод жирный! Это все он. Сказал, если не приведу к нему девку, обратно мне дороги не будет! А у меня сессия на носу, и батя новый комп обещал!..

Я мерно кивала, слушая историю, о которой в общих чертах и сама догадалась. Василий Пупков — студент, разгильдяй, геймер. Сидел на шее у родителей, кое-как учился в институте на библиотечном, потому как больше никуда не взяли, а все свободное время посвящал сражениям с виртуальными монстрами. Но, увы, когда маги, рыцари и привычный, столь любимый антураж вдруг вышли за рамки монитора, реальная жизнь внезапно стала невообразимо скучной.

Ваську притянул в этот волшебный мирок не кто иной, как мой старый знакомец — толстяк Мерлин. Притянул, обругал, забыл на неделю, а потом вдруг вытащил со скотного двора, куда парня отправили по приказу князя, и пообещал вернуть обратно на родину. Взамен требовалась только небольшая услуга: прогуляться к бабке-маразматичке, назваться Ильей Муромцем и забрать Василису Чернокошую. Девка могла быть и рыжекосой, и вообще лысой, главное, чтоб звалась Василисой.

Зачем это вдруг понадобилась Мерлину, который, как я помнила, сам же и оставил меня у Яги, парень не знал, да это его и не интересовало. Тем паче что съеденная девка патрона тоже вполне устраивала. Как я поняла, единственное, что его не устраивало, это чтобы девица так или иначе встретилась с настоящим Ильей, и уж тем более не появилась в стольном граде своим ходом.

Вытянув из мальчишки все, что смогла, я кивнула на калитку:

— Нет Василисы. Так Муд... Мерлину и передай. И замуж за Илью она не пойдет. Сам понимаешь почему.

«Потому что я не собираюсь выходить замуж ни за Илью, ни за Петю, ни за Федю, — мысленно добавила я. — Одной попытки мне хватило по самые уши!»

— А как же я пойду? — вытаращился Васька.

— Как пришел, так и иди, — нахмурилась я.

— А меня сюда Мерлин доставил колдовством. Может, и вы тоже...

— Еще чего не хватало, — буркнула я. — Много чести. Хотя...

Вовремя вспомнив, что велела выдавать всяким Иванушкам-Аленушкам настоящая Яга, я со всей доступной скоростью поплелась в избушку. Корзинка с обещанными клубочками стояла под лавкой. Я выбрала самый неказистый и вернулась к яблоне.

— Вот тебе клубочек волшебный...

— Это тот, за которым бегать надо? — скривился мальчишка. — Вот еще... Ноги ломать!

— Можешь идти так, — пожала плечами я, тут же пожалев о своей любезности.

— Не, не. — Парень поспешно сграбастал шерстяной комок и подозрительно потяжелевшей походкой рванул к калитке.

Пока я пыталась сообразить, что же в нем вдруг изменилось, он выскочил за частокол, кое-как перебрался через мешанину веток и пеньков и, протиснувшись между тесно стоявшими деревьями, скрылся в лесу. Только тут мой взгляд упал на основательно ополовиненную корзину с яблоками.

Я расхохоталась. «Слышал звон, да не знаешь, где он, да, Васька? Жаль, что нельзя посмотреть, как он будет эти „волшебные“ яблоки Мерлину втюхивать. Вот бы тот купился...»

Глава 13

ПО ПЛАНУ

Два оставшихся Илюшки вместо ожидаемого разговора получили от меня пакеты семян и целеуказание на оставшиеся грядки. Если лесной воспринял мое нахальство совершенно спокойно и флегматично отправился на огород, то Илюшка-Радя скривился так, будто укусил лимон.

— Я воин! Богатырь известный! А вы меня как холопа на огород сослали!

— И чем тебе мой огород не нравится? — прищурилась я.

— Хорош огород, — слегка сбавил тон воин, — только я не огородник и лопаты сроду в руках не держал.

— А чем занимался? — вкрадчиво поинтересовалась я: а вдруг проболтается, как мелкий.

— Сначала на печи лежал, думу думал. Потом подвиги ратные совершал, родную землю от супостата боронил, — с достоинством проговорил он.

«Не прокатило», — без особого, впрочем, разочарования подумала я. Ожидать, что хитрец проболтается так легко, было бы слишком оптимистично, но попытаться стоило.

— Понятно. Я все-таки женщина, мне такие тонкости незнакомы. — Я похлопала ресничками и оскалила в кокетливой улыбке выдающийся зуб. — Витязи мои, конечно, работники неплохие, но за ними пригляд нужен. А за всем не усмотришь, я же женщина одинокая...

— Да, тяжко, — кивнул паршивец.

На его лице не дрогнул ни один мускул, более того, он меня еще и по морщинистой руке погладил, скотина!

«План А провалился на старте, — мысленно хмыкнула я, отнимая руку и мимоходом порадовавшись, что волшебный нос уродовал морщинами и старческой „гречкой“ не только мою физиономию. — Придется переходить к плану Б. Только его надо сначала придумать».

— Вот и помоги бабушке, — заявила я. — Ну а если лень тебя одолела, то скатертью дорога. Ты ко мне пришел, а не я к тебе.

Илюшка-Радя скрипнул зубами, но все же поклонился:

— Как же не помочь, коли требуется?

С нечитаемым выражением на физиономии он поплюхал на огород, а я задумалась. Как ни крути, но получалось, что бабке хитрец ничего сверх того, что уже сказал, не расскажет. То ли получил на этот счет четкие инструкции от моей псевдомамаши, то ли просто умный. «Вот бы моя настоящая матушка обозлилась, — подумала я, глядя, как он брезгливо берет оставленную вчера у баньки лопату. — Она терпеть не может, когда кто-то зарится на то, что принадлежит ей. Хотя... Вряд ли я та собственность, которую она ценила».

Я тряхнула головой, отгоняя неуместные сожаления. «В любом случае моя мать в другом мире и зовут ее не Марья Моревна. Значит, и меня сюда точно затащили по ошибке, как вороватого Ваську-геймера. Главное, теперь успеть этой ошибкой воспользоваться, пока в холопки не выпнули, разобравшись».

Убедившись, что все при деле, а гениальных идей на горизонте не видно, я пошла обратно в избушку и в лучших традициях Яги крикнула:

— Васька! Вылезай, думу думать будем!

— Откуда вылезать? — поднял голову с лавки нахал. — Я никуда не залазил. Хотя от сметанки бы не отказался.

— Все б тебе пожрать, — хмыкнула я. — Обойдешься пока. На голодный желудок думается лучше. А у нас проблема.

— Какая еще проблема? — забеспокоился кот. — Самобранку ты все-таки своими стирками угробила?

— Тьфу ты! Кто про что, а Васька про сметану! — рассердилась я. — Хотя про скатерть тоже поговорим. Но потом.

— Можно подумать, в мире есть что-нибудь важнее сметаны, — проворчал он.

— Есть. Тот, кто тебе эту сметану дает, — огрызнулась я. — Съедят меня — тебе жрать будет нечего. Ну, в ближайшие дней десять так уж точно.

— Ну, если с этой стороны посмотреть, — снисходительно протянул нахал, но все-таки наострил уши и сел. — Что у нас за проблемы?

— Не верю я нашим Илюшкам. Одного на чистую воду вывела, а...

— Это которого Мудлен прислал? — фыркнул кот. — Дурак, даром что не Ивашка.

— Угу. А меня больше беспокоит, что у нас таких засланцев еще две штуки. И они, похоже, поумнее будут.

В двух словах я пересказала Ваське то, что он не успел подслушать, и незаметно выглянула в окно. Лесной Илюшка тыкал в грядку какие-то семечки, а Илюшка-Радька неумело ковырял тяпкой землю на одном месте. «Видимость работы создает, паразит, — неожиданно обозлилась я. — Помощничек фигов!»

— М-да... Дела... — покачал головой кот.

— Кто такая вообще эта Марья Моревна? То в матери набивается, а то мертвой меня видеть желает.

— Это бы Ягу спрашивать...

— Спросишь ее, когда она на курортах, — проворчала я. — Угораздило же меня чертово яблоко тогда слопать!

— Не поможет тут яблоко, хотя съела ты его зря. Я про старую Ягу говорю. Нынешняя-то тут без году неделя. Годков семь всего. А сама по себе, без бабки, так и вовсе года два, — качнул лобастой башкой Васька. — А вот старая Яга, может, чего и присоветовала бы. Про Марью Моревну я слышал только, что воевать она любит сверх всякой меры. Пару раз даже на княжество твоего батюшки налетала, да от богатырей его по сусалам получила. На Буян она не совалась. Такая дурь за все время только Ядвиге в голову приходила.

— М-да... И с какой радости она меня дочкой объявила? — поинтересовалась я.

Вдаваться в подробности я посчитала лишним. Василий, конечно, кот хороший, но за сметану душу продаст, не то что какую-то попадай ку.

— А я почему знаю? Надо ей что-то от тебя.

— Так надо, что аж угробить меня мечтает, — фыркнула я. — Хотя, может, и соврал мелкий, чтобы Яга Василису ему отдала?

— Все может быть. В любом случае тебе Радька правды не скажет, раз уж сразу чужим именем назвался. Вдвойне виноват получится. И соврал, и попался. А Яге врать, это надо решиться. Она тут полная хозяйка. Кого угодно в бараний рог свернет и не поморщится. Вон Леший в своем лесу как силен, а и он на Ягу только орать и может.

— Жаль, что я не Яга, — буркнула я, но, покосившись на усеянную коричневыми пятнами старческую руку, добавила: — И слава богу. Это ж с ума можно сойти с этим маскараром. Будем исходить из того, что имеем. Я не ведьма...

— Не ведьма? — прищурил зеленые глазищи котяра.

— Увы. Уж не знаю, что там твоя Яга намутила, но я всю жизнь была совершенно нормальной. Даже письмо из Хогвартса, и то не получила. — Я улыбнулась своей незамысловатой шутке. — А раз я не ведьма, то брать этих гавриков будем природным умом и сообразительностью. Яге Радька правды не скажет. А кому скажет?

— А никому не скажет. А если и скажет, то как ты узнаешь, что именно это — правда? — резонно заметил кот. — Может, он и хозяйке своей брешет как собака. Если тут и правда Марья Моревна замешалась.

— Может, такие красавчики все могут. Особенно со старушками и глупыми девицами, — хмыкнула я, и в мозгу забрезжила идея. — Никому Радька правды не скажет. Каждому будет врать то, что ему выгодно. А мы... А мы — слушаем. И сравним.

— Василиса, — прижал уши Васька, — ты что надумала? Лучше прогони его, и дело с концом. Мало ли что он тебе наплетет. Мир у нас, конечно, по твоим словам, сказочный. Хотя не знаю, не

замечал. Но помереть тут можно совсем по-настоящему. Это точно.

— А помирать нам рановато, есть у нас еще дома... То есть в избушке дела, — фальшиво пропела я и открыла крышку сундука, из которого доставала скатерку. — Вася, а тут еще какой-нибудь колдовской утиль имеется?

— В смысле? — не поспел за скачками моих решений кот.

— Ну, еще одна скатерка ломаная, шапка-невидимка какая-нибудь...

— Размечталась, — хмыкнул Вася. — Тут тебе что, склад мировых сокровищ? Ничего там нет. Только ковер-самолет. Его как-то ухажер старой Яги забыл, да так и не забрал.

— Ну да, склероз и возраст обычно приходят вместе, — невнимательно отозвалась я, оглядываясь в поисках сундука побольше, куда можно было бы засунуть ковер.

— Чего озираешься? Ковер ищешь? Так его с тех пор моль пожрала волшебная. Пока Яга это безобразие заметила, один половичок остался: меня и то не подымет.

— Но сейчас-то в этом половичке моли нет? — радостно потеряла руки я.

— Нет, конечно. Где бы это Яга таких приживалок приветила. Вот он лежит, на дне.

Но я уже сама заметила искомое. Иголки мне попадались и раньше, так что особой проблемы я не видела: надергать из летучего половика ниток и зашить скатерть-самобранку. Нитки волшебные, значит, проблем быть не должно, а зашитая скатерка, глядишь, и расщедрится на что-то удобоваримое.

— А с Радькой что делать будешь? — напомнил о своем присутствии кот.

— На чистую воду выводить, — хищно ухмыльнулась я. — И топить.

— Да... — протянул Вася, отодвинувшись от меня подальше. — Кровь не водица...

— Да не в крови же топить! — возмутилась я. — Что у вас тут за живодерские замашки у всех? Топить будем в его же собственном вранье.

— Это как?

— А вот так. Бабусе Ягусе этот хитрован уже свою позицию высказал предельно ясно: «Я — Муромец. Отдавай Василису». Версию тихуюшную про коронованную мамашу, которая спит и видит возвращение дочурки в свои любящие объятия, мы тоже слышали...

— Я себе «любящие объятия» как-то по-другому представлял, — с сомнением протянул кот.

— Ну, в любящий удушающий захват, — отмахнулась я. — Какая разница. Тут смысл в том, что Илья вовсе не Илья, а якобы любящая матушка вовсе не против увидеть дочурку покойницей. Хотя тут еще не все ясно. Мелкий и соврет — недорого возьмет, а если на такое вранье у него умишка не хватило бы, так приукрасить мог, краски сгустить. Так что и тут бабушка надвое сказала.

— И что делать?

— Витязей чешуйных кормить, — хмыкнула я.

— Вася! — надулся кот. — Вот тоже тебе больше ничего подсказывать не буду, вредине.

— Твоих подсказок пока дождешься, с голодухи огурцов с молоком нажрешься, — парировала я. — Ладно. Не злись. Потом мы с тобой послушаем, что он своей якобы нареченной скажет.

Я отцепила нос и подмигнула котяре, который ухмылялся во все клыки.

— Но сейчас кормежка витязей: они моя единственная защита, если что не так пойдет. У нас тут еще один Илюшка. Он, может, и Илюшка, но конь у него ворованный. Согласись, это наводит на определенные размышления.

Глава 14

АНГЛИЦКИЙ ИЛЮШКА, А ЦЕНА — ПОЛУШКА

Время уже подошло к обеду, и я решила разобраться сперва с кормежкой богатырей. Нос я, разумеется, приладила обратно и, прихватив скатерть-самобранку, отправилась под облюбованную яблоню.

Грядущая рискованная афера с Илюшкой-Радькой добавила в кровь изрядную долю адреналина и куража, поэтому свист получился залихватский и совсем как у Бабы-яги.

— Эй! Работнички лесозаготовок! Пожалуйста к столу!

Чешуйные богатыри себя дважды просить не заставили.

Минут через десять, ровно столько им понадобилось, чтобы сбегать ополоснуться в щучьем ручье, у яблони уже выстроилась очередь. И одним из первых стоял Илюшка-Радька, уже где-то разжившийся миской. Я тут же воспользовалась случаем и привела в действие первую стадию своего, как я надеялась, хитрого плана: приказала ему выкосить траву на задворках. Туда еще не добрались богатыри, а вокруг все так заросло ивняком, что место не просматривалось ниоткуда. Я и сама-то узнала об этой поляне совершенно случайно, наткнувшись на нее, когда искала, где бы помыться-постираться. Зато у этого уединенного уголка был весомый плюс — частокол там стоял самый высокий во всей моей временной вотчине. Авось Радька не вздумает схватить мнимую дочурку хозяйки в охалку и попросту махнуть через забор.

Накладывая в подставленные миски тройные порции сырников со сметаной и разливая по кубкам молоко, я задумалась. Пора было как-то разнообразить меню. Да и как щедро я ни раздавала собранные яблоки, а в корзинах их оставалось еще предостаточно, и на деревьях уже висели мелкие завязи. Чертово гусе-лебединое удобрение подгадило мне и здесь. А хомячий инстинкт не позволял просто оставить гнить готовый урожай. Высмотрев среди витязей знакомого, с которым уже как-то обсуждала насущные проблемы, я поманила его к себе.

Планируемые нововведения витязь воспринял на ура и пообещал не только притащить из казармы на взморье запасной котел, но и найти печника, который сложит мне местный аналог плиты. Вовремя спохватившись, что готовить на такую ораву мне явно не понравится, я затребовала и постоянный кухонный наряд.

— Яга на уши встанет, — едва слышно сообщил Васька, запрыгнув на лавку, едва витязь отошел. — Разбалуешь богатырей. Жиром зарастут.

— Ничего подобного, — отмахнулась я. — Мы им полосу препятствий организуем и полигон.

— Не знаю, о чем ты, — буркнул Васька, — но чую, осатанеет не только Яга.

— Но, но... Мы им тут передовой опыт армейской подготовки вводим. Благодарить должны, — фыркнула я. — Но если что, съедем на главное оправдание любой армии: инструкции были нечеткие. Хотя о чем это я? Мне вообще никаких инструкций не дали.

— М-ре...

— Вот тебе и м-ре. Кстати. А что это наш огородник-конокрад обедать не идет?

— А пес его знает. — Кот покосился на опустевший огород.

— Сбежал, что ли?

— Отсюда не сбежишь, пока ты не выпустишь, это ж место колдовское, зачарованное.

— Ты меня с Ягой-то не путай, — понизила голос я.

— А чего путать? Ты — она и есть.

— Временная, — уточнила я.

— Избушка тебя слушается, значит, и частокол послушает, — отмахнулся Васька.

— Ну да, если я ему дровяником пригрожу, — ухмыльнулась я и поднялась. — Пойдем посмотрим, где наш конокрад, и займемся Радькой. На поляну со мной пойдешь. Если что, сразу витязей зови.

— Куда ж я денусь. Буяну без Яги нельзя.

— Угу, угу, — невнимательно покивала я и, сложив скатерку, пошла к огороду.

Илюшка лесной нашелся в тени у частокола. Он сидел, откинувшись спиной на потемневшие от времени бревна, и то ли дремал, то ли просто отдыхал. Увы, я заметила его гораздо позже, чем он меня, и даже задуматься не успела над тем, чтобы удрать, как он уже оказался на ногах.

— Здрава будь, хозяйка, — поклонился Илья.

— И тебе не кашлять. Почему обедать не пришел? — спросила я, чтобы хоть как-то оправдать свое появление.

— Так не звали, — едва заметно пожал плечами он. — А лезть к обеду незванным-непрошеным — последнее дело.

— Ишь ты какой... — Я чуть было не ляпнула «культурный», но вовремя прикусила язык и закончила немного иначе: — Воспитанный.

— Как матушка наказывала. Вот сидел, ждал, пока закончишь, да сам бы к тебе пошел.

— Огородничать надоело, домой собрался? — усмехнулась я.

— Не вольно мне домой, пока дело свое не сделаю, — твердо возразил он. — Я твою службу исполнил. Помог и ты мне.

— Ну, спрашивай, — кивнула я.

Беседа с лесным конокрадом не планировалась, но в чем-то он был прав: огород, как я и хотела, был засажен, а кое-где уже зеленел свежими ростками. Хочешь не хочешь, а слово держать надо.

— Спасибо на добром слове, хозяйка, — снова поклонился он.

И вдруг рассказал мне о моих лесных приключениях. Причем, что самое интересное, не соврав в мелочах. Даже собственное упрямство, в итоге чуть не утопившее его в болоте, скрывать не стал. Я слушала со всевозрастающим удивлением: зачем он мне это рассказывает?

— Вот и первое мое дело, — закончил рассказ он. — Спасла меня нечисть лесная да сгинула. Значит, душа у нее живая. Подсоби найти ее да отблагодарить по-божески.

— Много просишь, гость незванный, — неожиданно влез в разговор Васька.

Я уже открыла рот, чтобы осадить нахального котищу, лезущего не в свое дело. И тут же закрыла его обратно, потому что кот продолжил:

— С чего бы тебе души дарить? Служба службе рознь.

— Не дарить, а освободить, — покачал головой богатырь. — И не за так прошу. Отработаю.

— На огороде? — фыркнула я, мысленно делая зарубку в памяти: в первую очередь разобраться, что вообще такое нечисть, которой меня назначил конокрад, пока не ляпнула что-то непоправимое. Надо же... Душами они тут раскидываются.

— Огород — дело нужное, да ведь не отдашь ты мне душу ее за грядки да картошку, — усмехнулся в ответ Илья.

— Не отдам, — согласилась я.

— А за что отдашь? — тут же взял быка за рога Илья.

— Это подумать надо, — солидно прошамкала я, а про себя проворчала: «Откуда мне знать, почему у вас тут души?» — Но у тебя вроде и другое дело было?

— Было, — нахмурился Илья. — Да перво-наперво надо с долгами рассчитаться, а потом уже в новые залезать.

— Тоже верно, — буркнула я.

Попытка выяснить, что от Василисы нужно этому Илюшке, провалилась даже не на старте, а на стадии оглашения участников. Мой противник попросту отказался выходить на ринг. Он продолжал смотреть прямо мне в лицо до отвращения честными глазами. Под этим взглядом мне стало настолько неуютно, что я, передернув плечами, отвернулась.

— Вечером приходи. Скажу, что мне от тебя надобно.

— Как скажешь, хозяйка, — согласился он, снова присев в траву.

Я же со всей доступной поспешностью направились в избушку. И так уже задержалась сверх всякой меры, того и гляди свалит Радька из тихого уголка, где я его собралась к стенке, то есть к частоколу прижать. Но Васька плевать хотел на мои планы.

— Услать его надо куда-нибудь! — заявил он, едва за нами закрылась дверь избушки. — А ну как разглядит в тебе свою нечисть? Где это слыхано, чтобы Яга бродяг из болота доставала? Да еще с конями вместе?

— Удар по репутации? — невольно рассмеялась я.

— Какая еще путация? — обозлился не понявший новомодное слово кот. — Слава дурная о Яге по миру пойдет! Слухом, как известно, земля полнится!

— Чем же дурная? — уточнила я, быстро переодеваясь. — Наоборот, хорошая. Спасла и...

— Так хорошая и есть дурная! — рявкнул Васька. — Хочешь, чтобы тут очередь из попрошаек выстроилась? Яга — злая ведьма! Аленушками завтракает, Иванушками обедает, а на ужин кого-нибудь в козленочка превращает. К ней идут очень редко, от большой нужды, когда уже жизнь не мила да не нужна. Понятно тебе?

— Так уж и редко, — огрызнулась я, понимая, что в чем-то хамоватый котяра прав. — Вон Илюшки по три штуки за раз захаживают.

— И что? Всех облагодетельствовать надобно?!

— Угу. — Я натянула приметный красный сарафан и, завернув нос в волшебную шаль, завязала ее на поясе. — Всем причинить добро в особо жестокой форме и подарить счастье в особо крупных размерах. Ладно. Душу свою я никому ни дарить, ни продавать не собираюсь. Так что согласна. Что ты предлагаешь?

— Услать его надо куда-нибудь! — повторил Васька, вдруг успокоившись.

— Куда? — уточнила я, гадая, что так умиротворяюще повлияло на разбушевавшуюся зверюгу.

— Куда подальше.

— Вот так ему и скажу! — обозлилась я, тут же забыв о загадках кошачьего настроения. — Чертова Яга! Хоть бы объяснила, что здесь к чему, курортница хренова! И ты не лучше! «Поди туда, не знаю куда, и сделай мне хорошо!» Задача поставлена — выполнять! А уточнить, что такое в этом дурдоме «хорошо», что такое «плохо»? А зачем? Тьфу! Сказала бы я ей...

Тут мой взгляд упал на аналог местного смартфона, яблочный зарядник от которого я сгрызла в первый же день, и щелкнула пальцами. «Услать, говорите? Ладно!»

— Пошли на поляну к Родьке, — кивнула я коту.

— А Илья?

— Ушлю. Мне самой с ним разбираться не с руки. Богатырь с седла — коню легче.

— Это про баб говорят.

— Пошли уже! Мне еще со скатертью разбираться, а я уже так есть хочу, что готова слопать селедку и закусить ее огурцами в молоке.

Я вышла в коридор, и коту ничего не оставалось, кроме как последовать за мной. Озираясь и пригибаясь, мы пробрались почти к самому ручью. Радьку нигде видно не было. Но я только что умудрилась не заметить куда более габаритный вариант Илюшки, а потому не обольщалась.

Распрявившись, я постаралась придать самое беззаботное, читай туповатое, выражение своей физиономии и, выдернув с корнем какой-то сорняк с мелкими голубыми цветочками, потопала к ручейку. «Жалко, песню русскую народную не знаю, — подумала я, нюхая цветочек, основательно подванивающий рыбой. — Не Сердючку же петь. Представляю, какой фурор бы я произвела, напевая: „Даже если вам немного за тридцать, есть надежда выйти замуж за принца“. Принцы разбегались бы так, что только копыта коней сверкали бы. А это, кстати, идея. Может, и на нареченных подействует?»

— Василисушка? — Вкрадчивый голос Радьки сбил меня с мысли, и я, с облегчением уронив вонючий инвентарь, оглянулась.

— Кто здесь?

— Я.

«Очень информативно», — мысленно проворчала я, но старательно захлопала ресницами.

— А вы кто?

— Рыцарь Радион Лепердок Таврический! — гордо задрал нос лже-Илюшка.

Чего мне стоило не заржать в голос, одни боги знают. Да еще Васька. Иначе с чего бы он вдруг под прикрытием кустарника запустил когти мне в ногу. Да так, что смеяться моментально расхотелось. Правда, промолчать мне все равно не удалось.

— Ах ты ж, гад! — взвыла я.

— А? — опешил Таврический. — Что?

— Кот гад, — кое-как выкрутилась я. — Он мне сказал, что к Яге одни Илюшки приходят. Других она не пускает.

— Да? — заинтересовался хитрец. — А почему?

«Потому что я это только что придумала. Почему же еще?» — подумала я, кляня когтистую скотину последними словами.

— Не знаю.

— Странно. Ну да ладно. — Радька снова приосанился. — Я ведь на помощь тебе прибыл, Василисушка.

— А ты самый настоящий рыцарь? Заграничный? — старательно изображала дурочку я.

— Да. Меня посвятила в рыцари на поле брани сама Марья Моревна, матушка твоя.

— Матушка? Но я ее не знаю.

— Это происки врагов ее могущественных, — доверительно понизил голос Радька. — Князя негодного да бабки твоей, до власти да силы колдовской жадной.

— Какой ужас!

Я прижала ладошки ко рту, но вовсе не от приступа мифического ужаса, а потому, что чертов Васька какого-то лешего снова запустил когти мне в ногу. Не материться же второй раз за пару минут: из образа невинного цветочка вывалюсь.

— Но твоя матушка врагов к ответу призвала, да поздно. Сбежала зловедная бабка и доченьку ее ненаглядную, тебя то есть, украла.

— Но я ничего не помню.

— Так ты маленькая была. Уж как ее величество Марья тебя искала, как искала. Все глаза выплакала, мешок золота на богатырей да колдуний извела, сама денно и ночью волшебство творила. Но тщетно. Как в воду канула зловедная бабка вместе с младенцем. Много лет прошло, матушка тебя искать не уставала. И вот... — Радька еще больше понизил голос, приблизив губы к самому моему уху, отчего по коже прокатилась неприятная дрожь, — ...и вот она узнает из книги своей колдовской, что вернула тебя в наш мир другая ведьма злобная и уже планы черные, сети злые на душу твою невинную готовит вместе с князем кровавым!

— Да зачем я им? — подпустив в голос подобающей к случаю дрожи, проблеяла я.

— Это тебе матушка расскажет, — обломал меня хитрец.

— А где она?

— Она тебя в замке у себя ждет.

— Заграничном? — восхитилась я.

Прикинув, не стоит ли похлопать в ладошки, но решив не переигрывать, я ограничилась восторженным взглядом.

— В самом настоящем, англицком! — заверил меня Радька.

— Ой... А не врешь? Откуда у матушки англицкий замок? Я же русская, значит, и она русская.

Лже-Илюшка, как я и планировала, окончательно уверился в моей беспросветной глупости и расслабился.

— Был там шарлатан один. Великим колдуном себя мнил. Ну, Марья Моревна ему быстро показала, кто из них колдун, а кто болтун. Мерлин сбежал, а замок остался. Не пропадать же добру. Ты мне лучше расскажи, как ты сюда попала?

— А я не помню... — покачала головой я и на всякий случай добавила: — Ничего не помню.

— Это плохо. Не иначе как чары на тебе страшные и черные, — постарался еще больше запугать дурочку Радька. — Бежать тебе надо. Только матушка твоя такую черную волшбу снять сможет.

«Ну да, конечно», — подумала я, не глядя, дернув ногой назад в попытке отпугнуть разошедшегося Ваську. Судя по подозрительно зашуршавшим кустам, он снова вознамерился запустить в меня когти. Попасть не попала, но равновесие потерять умудрилась. И тут же оказалась в объятиях Таврического Пердеца. Вот уж кто даром времени не терял и тут же полез целоваться.

— Яга! — взвизгнула я, увернувшись так, что мокрые губы только мазнули по виску.

— Где? — перепугался гордый рыцарь, уронив меня на траву.

Мало того, эта сволочь даже не смотрел в мою сторону. А я, между прочим, ощутило приложилась копчиком.

— Здесь, — прошипела я, молниеносно прилепив волшебный нос.

Когда лже-Илюшка опустил взгляд на оброненную «Василисушку», с земли уже, кряхтя, поднималась до крайности злая Яга.

— Здесь я, касатик.

Глава 15

ИНИЦИАТИВА И ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

— Б-бабуся... Ягуся... Это не то, что вы подумали... — попятился Радька.

— А тебе откуда знать, что я подумала? — прошамкала я, наконец утвердившись на ногах. Пришлось, правда, остаться в согнутом положении: шаль, придававшая мне осанку буквы «зю» автоматом, пока так и болталась на поясе. — Я тебя, змей зеленый, пригрела. Спать уложила, сырниками накормила и даже денег не попросила. А ты мне, Пердюль Таврический, врать вздумал?!

— Так я это... Я не то...

— То, — возразила я, наступая на перетрусившего рыцаря. — Очень даже то... То самое, на что мухи слетаются!

— Мед? — глупо хлопнул глазами он.

«И я еще пыталась уверить его, что дура здесь Василиса», — слегка офигела я.

— Значит, я — бабка злобная да глупая? Обмануть меня ничего не стоит? Василиску у меня утащить — проще простого? Так ты своей хозяйке врал, скотина?

— Так я ж не знал, что девка вам нужна, — попытался выкрутиться Радька. — Думал от обузы вас избавить...

— А меня ты спросил?!

— Простите дурака, — заюлил мерзавец, слегка оправившись от первого шока. — Виноват, исправлюсь!

— В детстве роняли часто?

— Да, да, очень часто, и все головешкой моей бедной. Вот и забываю все на свете. А ее величество Марья мне прямо так и велела. Мол, перво-наперво к бабушке подойди, все ей обскажи, совета спроси...

— Да ну? — прищурилась я. — Слыхала я твои советы. А в мои планы никакое семейное счастье для Васьки не входит.

— Так и в мои тоже! — подхватил Радька.

— Неужели? А кто собирался Василису в материнские объятия доставить, целоваться кто полез? Тьфу, гадость какая!

— Так я ж для пользы дела! Чтобы девке глупой голову задурить. Никакого счастья! Марья Моревна сроду ни одной слезинки не проронила. Какие там объятия?

— Тогда зачем ей моя Василиса? — прищурилась я в ожидании ответа на тот вопрос, ради которого, собственно, весь этот фарс и затеяла. — Правду говори, скотина!

— Не знаю я! Жизнью клянусь! — снова перепугался Радька. — Только никакого счастья там точно не будет. Королева Марья счастье никому не дает!

— Что ж ты ей служишь тогда?!

— Денег дает. Много, — признался мерзавец.

Вот тут мое терпение и лопнуло. Всю жизнь ненавидела продажные шкуры. Наверное, я бы разозлилась куда меньше, если бы он назвал любую другую причину вплоть до самой кровожадной гадости. А так мне стало просто противно до тошноты.

— Давай-ка ты, касатик, — прошипела я, — вали отсюда, пока цел. Меча у меня нет, но голову можно и голыми руками оторвать, было бы желание. А ну, брысь!

Окрик послужил спусковым крючком. Радька сорвался с места как перепуганный заяц и понесся к калитке.

— Катись колбаской до самой Англии! — крикнула я ему вслед. — Нет тут Василисы! И не было никогда! Так своей королеве и передай! И дорогу сюда забудь на веки вечные!

В небе как по заказу блеснула молния, ударил гром и хлынул почти тропический ливень. Взвизгнув,

я рванула к избушке со скоростью, совершенно не соответствующей мнимому возрасту. Как раз успела увидеть, как Радька кубарем вылетает за калитку, видимо поскользнувшись на мгновенно размокшей земле, и вскочила на крыльцо, даже не дождавшись, пока избушка опустится ниже. Калитка, плотоядно лязгнув щеколдой, захлопнулась за спиной хитреца, и я, с удовлетворением кивнув, уже степенно вошла в прихожую.

Впрочем, свидетелей моего безумного забега не нашлось — все попрятались от внезапной грозы. Бормоча ругательства, я кое-как стащила с себя насквозь мокрые шмотки и, стуча зубами, завернулась в одеяло.

«Надо бы волосы расчесать, — подумала я. — Отросли, заразы, не раздери же потом...»

Но это была последняя связная мысль. А в следующую минуту я уже спала, отрубившись, едва голова коснулась чего-то мягкого.

Проснулась я от громоподобного чиха. «Простудилась?» — мелькнула заполошная мысль, и я кое-как подняла голову. Оказывается, заснуть я умудрилась лицом вниз, да еще и подушкой мне послужил не кто иной, как Васька. Его-то шерсть и щекотала мою физиономию, пока не угодила в нос.

— Ну, наконец-то! — проворчал кот, плавно соскользнув с лавки. — Я уж думал, помру под тобой! Это ж надо было так вцепиться! Всю ночь пошевелиться не давала. Одной сметаной не отделаешься. Придется тебе витязей на рыбалку отправлять и меня, бедного, рыбкой кормить.

— Посмотрим, — отмахнулась я.

Мне было не до стенаний кота. Судя по его воплям, я умудрилась проспять весь остаток вчерашнего дня, всю ночь и еще кусок утра захватила. По крайней мере, солнце было уже достаточно высоко. Вот черт! Я моментально вспомнила про пропущенный ужин богатырей и обещанный Илье разговор о лесной нечисти. Да еще чертов Лепердок, или как там его, с новой сказочкой для каждого слушателя... А главное, я сильно подозревала, что до очередного «Хозяйка!», требующего горе-Ягу на сцену этого театра абсурда, осталось не так уж и много времени. Я покосилась на нервно вылизывающегося котяру, больше обсуждать насущные проблемы было не с кем.

— Вась?

— Чего тебе?

— Ну хватит нализываться. Я ж тебя обнимала, а не полы тобой мыла.

— Угу, — недовольно отозвался кот. — А еще храпела в ухо и слюни всю ночь на меня пускала.

— Я не храплю! — возмутилась я.

— Хорошо, что хоть слюни отрицать не пытаешься, — с удовлетворением констатировал Васька, но на лавку все-таки запрыгнул.

Я проглотила закономерное возмущение: еще не хватало, чтобы единственный источник информации разобиделся и сбежал.

— Извини.

— Так-то лучше, — тут же сменил гнев на милость кот. — Рассказывай, что там у тебя за беда приключилась?

— Сам знаешь. Лесной Илюшка нечисть требует, а зачем, не говорит. Да и где я ему возьму эту нечисть, если сама она самая и есть. Зато Лепердок наплел столько, что не разберешь, где правда и есть ли она там вообще.

— Илюшке признаваться не вздумай, — тут же отрезал кот. — Угроишь славу Бабы-яги, никто тебе за это спасибо не скажет. Хороша злая ведьма, которая по болотам утопленников спасает! Собиралась его услать, так и ушли.

— Ушлю, — кивнула я, решив не вдаваться в подробности. Сейчас у меня были более актуальные проблемы. — А с Пердоком что делать будем?

— А ты уже сделала, — ухмыльнулся Васька. — Уж как я боялся, что ты уши развесишь... Все когти об тебя ободрал. Но нет. Кровь не водица... Пока он до своей Англии докатится, уже настоящая Яга вернется.

— Вась... — скрипнула зубами, но говорить старалась спокойно, — я обратно в тот мир не хочу. Нечего мне там делать.

— Нечего, — легко согласился кот.

— Вот, — подхватила я, ободренная отсутствием возражений, — вот вернется наша курортница, и меня отсюда попросят. А куда я пойду, когда вокруг одни чертовы тайны и вообще непонятно, кто и что от меня хочет, и вообще от меня ли. Вдруг настоящая Василиса какую-нибудь тайну знала важную, и все эту тайну раскрыть хотят. Но я-то...

— Тут подумать надо, — перебил вдруг кот, взглянув на меня как-то по-особому пронзительно. — Не мешай мне.

— Ладно... — проворчала я. Минут пять я сидела на лавке, ожидая, что такого надумает кот, а потом, потеряв всякое терпение, ткнула его пальцем в пушистый бок. — Эй! Ты вроде подумать хотел, а не поспать!

— А я во сне думаю, — недовольно отмахнулся Васька. — Будешь мешать, вообще ничего не надумаю!

«Мели, Емеля, твоя неделя... Ничего... Я тебе это припомню», — проворчала я себе под нос и встала. Это кот спит... то есть думает, а мне раздумываться некогда.

Нацепив нос и ведьмину шаль, я быстренько сбегала в будочку у частокола, по пути кинув короткий взгляд на баньку. Лесной Илюшка ковырялся на огороде и меня, к счастью, не заметил, чему я была только рада. «Успею еще уснуть, а пока как-то спокойнее, когда он на глазах».

Вернувшись, я снова обругала дрыхнувшего, то есть думающего кота и достала скатерть-самобранку и остатки ковра-самолета: хоть с одним делом разобраться пока.

Иголки я нашла быстро. И даже нитки из ковра надергала довольно длинные. Вот только они оказались шерстяными, очень толстыми и к тому же отвратительного болотного цвета. Даже просто приложенные к тонкой льняной скатерке, украшенной вышитыми красными петухами, выглядели они дико. Но выбирать мне было не из чего.

Минут через сорок я заштопала самую большую дыру и с гордостью посмотрела на дело рук своих. Впрочем, гордиться было особо нечем: грубая грязно-зеленая клякса, будто на скатерть плеснули болотной жижей. «Зато дыры нет, — успокоила я себя. — И вообще... Не до эстетики нам, не до эстетики!»

Я прошептала волшебные слова, гадая, чем порадует меня чудесная скатерка. И она порадовала... С тихим щелчком на скатерти возник всего один предмет. Ни мисок, ни горшков с ненавистным молоком. Вместо этого четко по центру стола появился здоровенный колючий кактус. Моргнув, я обошла стол по кругу, пытаюсь понять, чем же странный серо-зеленый булыжник размером с баскетбольный мяч и густо утыканный острыми колючками кажется мне знакомым.

Васька фыркнул во сне. Потом нервно зашевелился и подскочил, осоловело поводя лобастой башкой.

— Ты сортир взорвала?! — вытаращился он на меня.

— Нет, — опешила я.

— Тогда почему такой запах?

— Нет никакого... — начала было я, но тут тоже почувала это...

Описанию «это» не поддавалось. Аромат общественного туалета, приправленный нестираными носками и какой-то тухлятиной. С трудом сдержав рвотный позыв, я зажала нос пальцами.

— Что это?!

— А я откуда знаю?! Что ты тут натворила, пока я спал... то есть думал?!

— Скатерть зашила, — растерянно прогундосила я.

Мы одновременно посмотрели на серо-зеленый булыжник.

— Что это?! — расчихался Васька, поспешно отступая к двери.

И тут я вспомнила...

— Это фрукт. Дуриан называется. Очень полезный, кстати. Только запах...

— А сметана? — опешил кот.

— Нету, — развела руками я. — Вот это вот дали...

— Вот это? Вот это?! — Котyra, сверкая глазами, пошел на меня, оставляя на деревянном полу глубокие царапины. — Возвращай все взад! Дурианиха! Ведьма злобная! Так мстить даже Ядвига не додумалась! Верни мою сметану!!!

В его вое было столько неподдельного отчаяния, что я попятилась.

— Вась, я ж не нарочно... — Я прошептала волшебные слова, и зловонный фрукт испарился. — Я ж как лучше хотела...

— Моя сметана... — продолжал выть кот, не обращая на мои оправдания никакого внимания. — Молочко... Творожок... Погубила вас ведьма злобная, Василиска проклятая... На кого ж вы меня покинули? На кого сиротинушкой оставили...

— Васька! — От воплей закладывало уши. — Уймись! Это не я, а скатерка...

— Скатерка? — взвился он. — А кто ее зачаровал! Кто свои руки кровавые приложил?! Была кормилица, а стала — убийца! Это ты так врагов своих извести надумала?! Так и отправляла бы сразу к ним, не рвала бы душу!

— Как я... — начала было я, но Васька понял меня по-своему.

— Кто вас, ведьм, знает, как вы простые радости губите?! — Кот одним ударом когтистой лапы сдернул со стола многострадальную скатерть-самобранку. — Кормилица моя, погибшая безвременно... Не смог я тебя спасти-защитить... Лети! Лети к душам безгрешным в...

Но договорить он не успел. Скатерть вдруг плавно взмыла в воздух, шлепнув кота по морде.

— Это как?! — вытаращилась я. — Она еще и летучая?!

— Лови ее! — заорал Васька, подпрыгивая и пытаясь вцепиться лапами в свисающую бахрому. Но не тут-то было. Скатерть ловко увернулась и поднялась под самый потолок. Сделав над нами круг, она спикировала прямо в окно.

— Лови! — взвыл кот, прыгая следом, но промахнулся, пробуксовав когтями по столу.

Тут я опомнилась и прошептала волшебные слова. Здоровенный вонючий фрукт прибил парящую тряпку к подоконнику с неотвратимостью бетонной плиты. Скатерка слабо дернула уголками и затихла.

— Долеталась... — со смесью облегчения и отчаяния прошептал кот и картинно упал в обморок.

Правда, глазами продолжал следить за каждым движением скатерти, поэтому в обморок я не поверила. Сняв скатерку с подоконника вместе с вонючим подарочком, я, смаргивая навернувшиеся на глаза от ядреного запаха слезы, положила ее на лавку и для надежности села на край. Только после этого я рискнула снова отправить в небытие убойные витамины. Поспешно убрав все следы своего рукоделия, я, нервно сглотнув, снова прошептала волшебные слова. И обнаружила, что сижу в большой миске с сырниками, а Васька нежно обнимает крынку с молоком и плошку со сметаной.

— Хозяйка! — в довершение донеслось со двора. — Поесть бы!

— Твою мать... — только и смогла произнести я.

Глава 16

ПОДСТАВА

В тот раз я опять выдавала сырники с крыльца. И не потому, что мне было лень спуститься к яблоне. Просто я умудрилась вспомнить, куда угодила, активировав скатерку, только после того, как крикнула из-за шторы: «Да, да, заходите и в очередь!» Оголодавшие витязи ломанулись на двор, и времени у меня осталось только нос пришлепнуть да шаль накинуть.

В общем, я орудовала мисками на крыльце, стараясь ни в коем случае не поворачиваться спиной. Жирные пятна на мадам сию нанесли бы непоправимый урон репутации всемогущей и злой ведьмы, чьи обязанности я тут выполняла. С этим даже Васька согласился, когда перестал наконец обниматься с большой плоской сметаны.

Машинально раздавая порции сырников, я раздумывала над сложившейся ситуацией. Была ли я той самой Василисой, которую разыскивали все вокруг, или меня лишь принимали за нее, роли не играло. От перемены мест слагаемых сумма не меняется, но положение усугубляется, как любил говаривать мой препод по бухгалтерскому учету. У настоящей Василисы был хотя бы один козырь в рукаве: то, ради чего все мечтали ее заполучить. У меня же не было и этого. И я даже не представляла, что это могло бы быть. Соответственно, в первую очередь требовалось выяснить, о чем, собственно, речь.

Из всех доступных источников информации в относительной досягаемости имелся только кот, и вывод буквально напрашивался: допросить с пристрастием и вытрясти из пушистой шкуры все подробности. «Допросишь тут, — проворчала я про себя, очнувшись от размышлений и обнаружив перед носом очередную пустую миску и улыбающегося витязя. — Пока эти тридцать три рыла накормишь, сама поесть не успеешь, не то что глобальные проблемы решать. Тридцать четыре, — поправила я, покосившись в сторону баньки. — Огородного робинзона тоже кормить надо».

Положив сырники в последнюю, тридцать третью миску, я убедилась, что за добавкой никто не идет, и свернула скатерку. Ясно было одно. Хватаясь за все подряд, как делала до сих пор, ничего путного я не достигну. Значит, проблемы нужно решать поэтапно. Бочком убравшись с крыльца, я первым делом сменила заляпанный на заднице сарафан на новый, мимоходом подумала, что пора бы уже заняться стиркой, и тут же об этом забыла и позвала Ваську.

— Котяра! Давай думу думать!

— Если опять вредительскую, то я заранее отказываюсь, — отозвался с балки кот.

— Ладно, ладно, — слегка смутилась я. В комнате до сих пор пахло тухлыми яйцами — отголосками моей неудачной попытки починить самобранку. — Про нечисть мне расскажи. Чего от меня Илюшка лесной хочет?

— Известно чего, — лениво мрякнул кот, и не подумав спуститься. — Душу нечестивую.

— В каком смысле?

— Ой, темнота мне досталась в ведьмы, — вздохнул Васька и спрыгнул на лавку. — Как нечисть получается, знаешь?

— Не-а, — помотала головой я, примерно сложив руки на коленях, и приготовилась слушать.

— Есть такие дурни, кто душу свою духам или колдунам в заклад отдает. А взамен чего-нибудь выпрашивает. Штуку какую волшебную или помощь в чем. Потом та душа нечистью и становится — привязана она к этому миру договором.

— Неравноценный какой-то обмен получается, — пожала плечами я.

— Так каждый же уверен, что ему это не грозит, — хмыкнул Васька. — Мол, уж он-то куда умнее и обманет-обхитрит глупых духов. А о том, что эти духи да колдуны за свою жизнь долгую таких хитрецов сотни повидали и ни один не ушел, не думает. Мряк-ряк, и вот уже новый болотник с огоньком по толям шастает или тач-спотыкач лестницы паскудит. И у каждого свой договор: сколько душ погубить, пока сам освободится.

— М-да... Человеколюбию такая ситуация вряд ли поспособствует, — передернула плечами я.

— Ну да. Я даже слышал, что порой они и уходить не хотят потом: нравится им людей губить. Но есть и другие. Редко, конечно, но встречаются. Те, кто на сделку с потустороньим от безысходности пошел, а то и вовсе ради кого другого.

— И что? Тоже людей в болото заманивают?

— Когда как. Какое-то время противятся, конечно, но рано или поздно всякий ломается.

— Илья меня за такую принял? Он меня лесной нечистью называл.

— Наверное, — равнодушно согласился Васька. — Ты же его от болота отвести пыталась. И потом спасла. Вот он и решил, что душа у тебя чистая и надобно ей помочь.

— В чем?

— На тот свет отправиться, — ухмыльнулся кот, явно наслаждаясь моей отвисшей челюстью. — Прибить, проще говоря. Только ни одна нечисть без дозволения хозяина из этого мира не уйдет. А иных в шею гонят, и то не желают, но это не про тебя. Вот Илюшка Ягу и расспрашивает. Узнает, кто твой хозяин...

— Нет у меня хозяев! — возмутилась я.

— Ну он-то того не ведает. Он же как думает: договор твой выкупит али отберет, тогда уже и тебя на головушку укоротит. Ради твоего же блага.

— Обойдусь я без таких благ, — скривилась я.

— Кто ж спорит, — фыркнул Васька. — Потому и услать его надо поскорее. Пока не вообразил, что Яга твоя хозяйка. Хочешь с настоящим богатырем ратоваться?

— Еще чего не хватало!

— Правильно. Это настоящей Яге он на один зуб. А тебя пока по травке размажет и не запыхается.

— Догонять запыхается, — огрызнулась я.

— Ну разве что, — ухмыльнулся кот. — Так что гони его в шею и наподольше.

— Именно это и собиралась сделать, — буркнула я с некой долей сожаления, удивившей меня саму.

«Тебя тут из самых лучших побуждений убить планируют, а ты дурью маешься», — одернула я себя и снова расстелила скатерку. Сырники не лезли в горло, несмотря на ощутимый голод, и я ограничилась парой огурцов.

— И как наши чешуйные витязи их в который раз подряд есть согласны, — проворчала я себе под нос. — У нас бы уже часть взбунтовалась на такой кормежке.

— А чего им сделается? — отмахнулся кот. — До того гречу ели. И нормально.

— И сколько они ее ели?

— Да уж, почитай, годков...

— Только гречу?! — опешив, перебила я.

— Да я ж тебе рассказывал! Еще рыбу варят и дичину жарят на вертеле!

— Угу, рассказывал.

«М-да... Если бы я год жевала гречу с мясом, то, наверное, и на дуриан бы с голодными глазами бросилась. Хотя о чем это я? Я бы вообще сдохла на такой монодиете! Так. Питание личного состава — задача номер два. Сразу после усластья Илюшки. У меня тут витязи голодные, а он меня убивать вздумал, паршивец!»

Придя к такому выводу, я налила в чашку молоко, наполнила еще одну тарелку ненавистными сырниками со сметаной и, не удержавшись, положила туда же два свеженьких пупырчатых огурчика. «Вот тебе, маньяк!» Хихикнув, я сунула в карман псевдоволшебный клубочек и пошла во двор.

Илья, как и в прошлый раз, нашелся в тени частокола рядом с грядками. Надо признать, огород под его неусыпным присмотром выглядел превосходно. Все выданные мной семена отлично взошли и сейчас радовали глаз яркой зеленью. «Гусе-лебединое удобрение — это сила», — невольно подумала я, полюбовавшись на розовеющие в тени листы бока помидоров, заросли укропа, моркови и еще бог знает чего, что я опознать без внимательного осмотра была просто не способна. Ну что тут поделаешь, если все мои познания в агрономии ограничивались тем, что окна нашей общаги в военном городке выходили на ротный огород. Признаться, там же стоял и свинарник, так что неудивительно, что в окно я смотрела редко. Очень редко.

Тарелку богатырь принял с уважительным поклоном, но ел так охотно, что я даже заподозрила, что он не тронул на моих грядках ни одного огурца. Глубоко в душе зашевелилась совесть, но стоило вспомнить, как меня собираются облагодетельствовать, как она, будто поджав хвост, затихла.

— Под яблонькой тебя подожду, — только и сказала я. Не стоять же у жующего человека над душой, даже если он и планирует тебя убить.

Впрочем, из виду благодетеля я все равно не выпускала, из-под опущенных ресниц наблюдая, как он аккуратно завернул огурцы в чистую тряпицу и сунул в карман. «Не прокатило, — ухмыльнулась я. — О сочетаемости продуктов тут уже знают».

— Спасибо на добром слове, бабушка, — поклонился Илья, подходя.

— На здоровье, — буркнула я, вовремя подавив желание обернуться в поисках упомянутой бабушки. — Подумала я над просьбой твоей.

— Поможешь? — обрадовался он.

— Помогу, если ты мне поможешь. Служба за службу, так сказать. — Он кивнул, соглашаясь, и я продолжила: — Есть у меня волшебная тарелка. Каталось по ней яблочко и все мне показывало. — Я запнулась, подбирая слова. Не говорить же, что сама сожрала чертово яблоко. Не поймут. — Каталось, каталось да сгнило.

— Сгнило? — заметно опешил он.

— Колдовство такое было, — выкрутилась я, понимая, что с причиной явно промахнулась.

— А...

— Вот. Найди мне такое яблочко. Тогда помогу тебе с нечистью разобраться.

— Освободить, — уточнил он.

— Освобождать сам будешь, — проворчала я, припомнив, как именно предполагается освобождать мнимую нечисть.

— Но где и у кого искать ее, расскажешь? — не отставал дотошный богатырь.

— Расскажу. Даже, может, и покажу, если успеешь вернуться вовремя, — хмыкнула я.

— Если успею... — задумчиво повторил он, бросив в мою сторону проницательный взгляд. — Значит, верно мне привиделось. Недолго светлой душе осталось.

— Яблоко, — напомнила я, не желая вникать в богатырские фантазии.

— Яблочко наливное, молодильное... Где же искать его?

— Все тебе расскажи... Может, еще и сходить самой? — слегка рассердилась я. Илья озадаченно моргнул. Я поспешно достала из кармана клубок и заговорила, импровизируя на ходу и приплетая все сказки, которые только способна была вспомнить: — Вот тебе клубочек волшебный. Зайди подальше в лес да брось его на землю. Он тебя к яблочку и приведет.

Я кинула клубок ему в руки. Илья поймал его на лету и бережно засунул в карман.

— Ну все, отправляйся, — поторопила я и на всякий случай уточнила: — Меч-кладенец тебе не полагается.

— Своим обойдусь при нужде, — едва заметно усмехнулся Илья и в очередной раз поклонился. — Спасибо на добром слове!

— Не за что пока. Иди, — буркнула я.

Через пять минут за калиткой уже гарцевал красавец-конь, которого я недавно вытаскивала из болота. Вот уж кто в гостях стесняться не стал и наел гусе-лебединой травой такие бока, что аж лоснился.

— Я скоро! — крикнул Илья, взлетев в седло.

— Можешь не торопиться, — проворчала я ему в спину и поплелась к избушке.

Надо было напомнить легкомысленным витязям про обещанный котел. Да и про сахар у Васьки выяснить. Но взгляд нет-нет да и возвращался к едва заметной тропке, на которой скрылся всадник. «Нет... Все-таки что-то в нем есть, — с долей сожаления подумала я. — Не лентяй, симпатичный...

Даже не врал вроде... Один недостаток... Убить меня мечтает, скотина! Все у тебя, Васька, не как у людей. Даже поклонники!»

Я сплюнула и ускорила шаг. «Привезет яблоко — хорошо. Попробую Ягу вызвонить. Пусть объясняет, что тут творится. А „нечисть“ ему можно и из-за забора показать. Не зря же Васька говорил, что без моего разрешения никому сюда хода нет. А не привезет... Ну, на нет и суда нет...»

— Ну, ты даешь! — встретил меня на пороге кот.

— Что опять не так? — насторожилась я.

— Все так! Наконец-то начала добрую славу Бабы-яги хранить.

— В каком смысле? — вздернула бровь я.

— Ну, так клубочек — штука волшебная, но безмозглая.

— Не поняла.

— Только не говори, что это у тебя случайно вышло, — прижал уши кот. Но, увидев мой непонимающий взгляд, спрашивать дальше не стал. — Это ж надо... Не-э... Правду говорят. Кровь не водица...

— Да о чем ты, черт тебя дерит?! — рассердилась я.

— Ты богатыря за яблочком наливным молодильным послала?

— Ну послала.

— Клубочек ему дала?

— Ну дала. И что?

— А то, что единственная на весь свет яблонька, на которой такие яблочки рождаются, растет в саду у злой и страшной ведьмы... — Кот сделал многозначительную паузу. — Которую зовут Баба-яга.

— Вот черт... Это он не сегодня завтра обратно заявится?!

— Не-а, — махнул лапой кот. — Волшебная яблонька цветет раз в сто лет. Так что будет клубочек твоего утопленника по лесу водить еще лет десять. — Васька помолчал, что-то высчитывая на когтях, и уточнил: — Двенадцать. Но не важно. К тому времени уже настоящая Яга с курорторов вернется, и пойдет Илюшка на лопату, если не отступится.

— М-да... — только и сумела проговорить я, присев на лавку.

Вопреки логике никакой радости я не испытывала. «Надо ж было так хорошего мужика подставить...»

Глава 17

ДУМАТЬ ИНОГДА ПОЛЕЗНО

Впрочем, долго страдать я себе не позволила. Не до того. Желудок неприятно поднывал от постоянного голода, а свои старые джинсы я даже мерить опасалась: свалятся в самый неподходящий момент.

«Это у меня с голодухи мозги не работают, — сказала я себе, старательно не замечая угрызений совести. — Срочно надо озаботиться нормальным рационом. Скатерть мои попытки игнорирует... Значит, будем действовать по-человечески».

Порадовавшись, что в кои-то веки во дворе никто не толчется, я отправилась в огород. Осмотр меня порадовал. Я разжила огурцами и помидорами на салат, нашла с краю несколько рядков клубники и, подкопав куст картошки, убедилась, что ее вполне можно уже убирать.

«Где там мои витязи?» — с нежностью вспоминая огромный морозильный ларь в подполе, подумала я, возвращаясь к избушке. Но едва я поставила ногу на ступеньку крыльца, как из-за калитки донеслось ставшее уже привычным: «Хозяйка!» Чертыхнувшись, я сгрузила у двери большой лист лопуха со своей добычей и вернулась во двор.

В первый момент я даже не сообразила, кто меня зовет. За калиткой маячил какой-то общипанный куст. Но и только. Издалека донеслись голоса чешуйных витязей.

— Матушка-заступница! — проблеял куст, нервно передергиваясь. Прищурившись, я опознала непривычно присмирившего Лешего. — Оборони меня, горемычного...

— Не поняла, — приподняла бровь я. — А где «Яга! Выходи, окаянная!» и все такое?

— Прости матушка, бес попутал!

— Ну и чего надо? — насторожилась я. Если уж хамоватый Лешак вспомнил, что такое вежливость, значит, точно чего-то от меня хочет. Много хочет, скотина.

— Займи ты этих оболтусов проклятых! — взмолился Леший. — Угробят же меня, бедолагу! Кто за вековым лесом присмотрит? Кто тебе дровишек пришлет, мухоморчиками угостит...

Голоса витязей слышались уже гораздо ближе, и я начала догадываться, в чем дело. Пока чешуйные трудились на ниве моего домашнего хозяйства, вздорный Лешак был предоставлен сам себе. Но сегодня я им никаких заданий не выдала, и они, похоже, занялись любимой игрой «Достань Лешака до белого каления!».

— Займи, матушка! Век тебе благодарен буду! — снова взвыл ободранный лесной хозяин. — Лучшие поганки выбирать буду. Без твоего дозволения никого в чаще не заморочу! Гадюк пришлю, чтоб сами яд сцеживали...

— Вот он! — крикнул кто-то за деревьями, и Леший мгновенно провалился сквозь землю. «Займи проклятых...» — донеслось из быстро затягивающейся дыры, а на поляну перед частоколом уже выскакивали витязи.

— Только что тут был!

— Ничего! Под землей он далеко не ходит. Сейчас...

— Сейчас вы мне кое-что объясните, — вмешалась я.

— О! — просветлел лицом один из молодых обалдуев. — Хозяйка! А что, уже обедать пора?

Миски появились как по волшебству. Откуда их могли выудить одетые только в сапоги и полотняные штаны парни, я не представляла, и задуматься над этим феноменом себе не позволила: злобной Бабе-яге краснеть не положено.

— Обедать... Да нет. Обедать, пожалуй, не пора. А вот слово свое держать пора, — нахмурилась я, высматривая среди прибывающих на поляну новых витязей того, с проседью, с кем недавно обсуждала нововведения. — Дрова почему-то кучей у частокола лежат. Ветками всю опушку забросали. А летнюю кухню мне кто обещал? Кто мне помощников сулил? Котел обещанный тоже по дороге потерялся?

— Дык это... Запомятавали. — Искомый витязь сам вышел вперед, пристыженно потирая затылок.

— Ну, так я напонила. И?

— Сей час все поправим.

— Сделайте одолжение, — процедила я, распахивая калитку.

Работа закипела почти сразу. Большая часть проштрафившихся обалдуев занялась дровами, еще парочку я отправила копать картошку и прочие корнеплоды, выяснив, что лари в подполе у Яги безразмерные, да еще и как-то хитро зачарованы, чтобы овощи в них не портились. Вместо самосвалов я приспособила самоходные ведра. Это, правда, удалось не с первой попытки. Пару раз шустрые бадейки вываливали картофель прямо в горнице, а еще разок одна из них наделась на голову тому самому седому витязю. Но тот только поржал, восприняв это как наказание от развеселившейся Яги. А больше сюрпризов не было. Впрочем, этого парня я от греха подальше с огорода погнала, усадив чистить картошку на обед. Селедку я намеревалась позаимствовать со скатерки, а укропа вымахали такие джунгли, что хватило бы накормить стадо слонов.

Раздав, так сказать, всем сестрам по серьгам, то есть всем витязям по наряду вне очереди, я сама умоталась так, будто лично переделала все дела, которые поручала другим. Кое-как ополоснувшись в бадейке в избушке, я плюхнулась на лавку у стола и снова уставилась на своенравную скатерть-самобранку. Несмотря на все неудачи, у меня так и чесались руки ее починить. И новая идея меня действительно посетила. Воровато оглядевшись, не видно ли где Васьки, я уже взялась было за иголку, но остановилась, не донеся острие на пару сантиметров до ткани. Рисковать снова оставить без обеда и чешуйных витязей, и себя саму все-таки не хотелось.

«Ладно, — проворчала я себе под нос. — Вечерком займусь...»

За окном все так же кипела работа, и моего присутствия явно не требовалось. С удовлетворением кивнув, я полезла в подпол. Васька не соврал: ящики и короба точно были безразмерными. Наслаждаясь прохладой, я так и сяк вертела в голове рассказни зеленого Илюшки.

Где-то среди откровенного бреда и лжи затаилась правда. Или хотя бы часть ее. Но как я ни прикидывала, выцепить истину не могла. Все упиралось в ключевые постулаты. Если это именно меня так мечтают заполучить сильные мира сего, значит, я должна иметь к ним хоть какое-то отношение. Но Василиса Горохова обладала самой банальной биографией на свете. И ни папочки-князя, ни мамаша — воинственной колдуньи там не наблюдалось. Единственное, что могло бы считаться относительным совпадением, это то, что мою матушку нет-нет да и называли ведьмой. Но, учитывая, что она отличалась яркой красотой натуральной брюнетки, полной атрофией совести и мужчин меняла как перчатки, невзирая на ранги и семейное положение оных, ничего удивительного в этом не было.

Невольно усмехнувшись такому притяннутому за уши аргументу, я окончательно отбросила предположение, что могу быть именно той Василисой, которую все ищут, и занялась более реальными вариантами: Яга банально притащила в сказочный мир не ту девицу. А что? Мерлин вон вообще парня умудрился приволочь, и ничего.

— Ты чего там засела? — свесилась вниз кошачья морда.

— Думу думаю, — машинально отозвалась я.

— Давай вместе думать, — спрыгнул вниз Васька. — Одна голова хорошо, а полторы — лучше.

— Какая самокритичность.

— Это я о тебе, — спустил меня с небес на землю кот. — Согласись, в этой жизни я разбираюсь куда лучше тебя. А значит, именно моя голова...

— Ладно, ладно... — отмахнулась я. — И вообще ты гений, а все вокруг идиоты.

— Этим отличаются все коты, — скромно пояснил Василий.

— И с чего вдруг такая готовность помочь? — прищурилась я.

— Ну а кто, если не я. Ты же голову ломаешь, а она у тебя и так не очень хорошо работает: перенос, новый мир, чародейство. Тут у любого ум за разум зайдет. Да и жарко там.

— Вот с этого и надо было начинать, — рассмеялась я, присаживаясь на ларь с морковкой.

Картофельный короб был куда удобнее, но, однажды едва не получив по голове самоходным ведром весом килограмм в тридцать, я старалась держаться от него подальше.

— Ну что? О чем дума? — Котяра как обычно проигнорировал сарказм и улегся на бочку с каким-то соленьем.

— О том, что им всем от меня надо, — не стала ломаться я. Несмотря на гипертрофированное

чувство собственной важности, Васька действительно разбирался в местных реалиях куда лучше меня, и этим надо было пользоваться. — Смотри. Не успела я тут появиться, как незваные гости прямо толпой повалили. Мелкий явился по приказу Мудлана. Подавай ему Василису, то ли дочку, то ли племянницу княжью. Радька от самодержицы прискакал. И тоже подавай ему Василису, только уже для безутешной матушки. Еще хорошо, что когда я на него возле калитки напоролась, то вся в грязи была. А то схватил бы меня в охапку, и поминай как звали...

— Тебя, пожалуй, схватишь, — фыркнул кот.

— Ну, послушно свисать с плеча похитителя я бы, конечно, не стала. Но получить кулаком в висок... — покачала головой я. — Сам понимаешь. Я все же девушка, а он мужик. Хотя и тощий, но жилистый, скотина. У ручья так вцепился, что, если бы я его Ягой не напугала, черта с два бы вырвалась. Настоящая Василиса, наверное, ведьма, раз у нее мамаша такая. Но я-то — нормальная, трах-тибидохам всяким не обученная.

— Дурное дело нехитрое, — непонятно отозвался Васька, но развивать тему не стал, и я вернулась к своим проблемам.

— Ну и, наконец, лесной Илюшка. Тот вроде попрличнее первых двух. Был. Но ведь так и не сказал, зачем приперся, кто послал. Про то, что к Бабе-яге идет, он мне сразу сообщил, едва мы только познакомились. Так что не только и не столько из-за лесной нечисти он тут нарисовался. А теперь главный вопрос. Что им всем надо?

— А тебе какая разница? Ты же говоришь, что не та Василиса.

— Не та, — обозлилась на кошачью непонятливость я. — Но тебе не кажется, что пока рано об этом вопить на весь свет? Мне чужого имени и родственничков даром не надо — своих на всю оставшуюся жизнь накушалась. Но и кончить, как Васька-мелкий, холопкой в свинарнике я не имею ни малейшего желания. А Яга мне помочь обещала, если об ее отсутствии никто не узнает. Дошло? Домой я не хочу. Нет у меня там ничего хорошего. Вот и попрошу ее, чтобы научила меня какому-нибудь травничеству, например. Буду где-нибудь на отшибе жить и людей лечить. Я не жадная. Мне корон ни княжеских, ни королевских не надо. Впрочем, ступа Бабы-яги тоже без надобности. Хочу своей жизнью пожить спокойно и без затей.

— Так от меня-то ты что хочешь? — после долгой паузы спросил кот. — Со мной эти захожане тоже своими планами поделиться забыли.

— Расклад хочу. Общий. Вот как думаешь, мелкий действительно от Мудлана явился, а Радька от Моревны?

— Думаю, да, — степенно кивнул Васька. — Мелкий врать не умеет. Дурак потому что и память дырявая. А чтоб к Яге от Марьи Моревны заявиться, это надо быть или очень смелым, или очень глупым...

— Значит, Радька соврал?

— Значит, у него другого выбора не было. Действительно его Моревна послала. А она очень не любит, когда ее посланники... Стесняются, скажем так.

— Ни фиги не поняла, — помотала головой я.

— Ладно. Пошли. — Васька легко запрыгнул на верхнюю ступеньку лестнички и исчез в комнате.

Заинтригованная до крайности, я последовала за ним. И, разумеется, пока влезла наверх в своей несуразно длинной юбке, опоздала. Откуда он достал толстую тетрадь в мягком кожаном переплете, я увидеть не успела.

— Вот, — он положил когтистую лапу на темную обложку, — тут про наш мир хорошо расписано. Читай, раз уж ты тут оставаться надумала.

— Ты еще и читать умеешь? — восхитилась я, соображая, какое богатство вдруг упало мне в руки.

— Врать не буду. Это — не читал, я вашу буквицу иномирную не разумею. Но что там написано, знаю. Яга сама говорила.

— Порадовал. — Я сграбастала тетрадку. — С меня миска сметаны.

— Лучше пообещай скатерку не чинить, — проворчал кот.

— Угу, угу, — невнимательно отозвалась я, поспешно устраиваясь на лавке и открывая титульный лист.

«12.07. Я так и не поняла, куда угодила. Вроде бы ничего такого мы на той вечеринке не глотали, но... Но вокруг бревенчатые стены, и колченогая старуха шурует в большой печке ухватом...»

ДЕЛА МИНУВШИХ ДНЕЙ

Почему Яга соврала коту о содержании черной тетрадки, я так и не узнала. Спрашивать об этом Ваську было бы бессмысленно: он пребывал в блаженной уверенности, что подсунул мне краткое описание сказочного мира. А выяснять у нее самой я бы не рискнула. Прочитав от корки до корки и кое-что даже выписав, я вернула тетрадку коту и попросила убрать на место. Мол, неизвестно, как хозяйка отреагирует, что мы ее вещи без спросу трогали, лучше ей об этом вообще не знать. Васька со мной согласился, и больше я старый дневник никогда не видела. Но вот содержимое коротких скупых записей на многое открыло мне глаза.

Для начала я с удивлением обнаружила, что девица, законопатившая меня в избушку исполнять обязанности злой ведьмы, была такой же призванной попаданкой, как и я. Старая Яга, которую так любил поминать Васька, приходилась ей ни много ни мало родной бабкой. Дочь ожидания бабули не оправдала, не только уродившись без намека на магические способности, но и удрав от пристального внимания матушки сразу после свадьбы. Да не куда-нибудь, а в безмагический мир. Ребенка она родила уже там.

Каким образом старая ведьма почуяла родную кровь и узнала, что внучка получила наследственный дар, в дневнике написано не было. Вместо этого стояла непонятная фраза: «Не войдет тот, кто раньше не был». Философия Яги была мне чужда, поэтому задумываться над этим долго я не стала.

Пространное описание отношений молодой Яги и богатыря Черномора меня тоже не заинтересовало, и эти места я просматривала по диагонали. Не смотрела бы вовсе, но боялась пропустить что-то действительно важное.

О мире, хранительницей которого стала, Яга писала мало. Но учитывая, что я не знала вообще ничего, то фразы вроде: «Достала бабка. Вот зачем нужна эта сказочная география?! Какая мне разница, что Англия на западе, а царство Кощеево граничит с берендеями. Вот уж куда точно в отпуск не поедешь!» — становились для меня одновременно и откровением, и источником новых вопросов. Где именно на западе? Близко? Или у черта на куличках? И почему к берендеям не стоит ездить в отпуск? С Кощеем-то все ясно, а эти? В отпуск я, понятное дело, не собиралась, но рано или поздно мне придется искать свое место в этом мире, и такие детали оченьгодились бы при выборе.

Зато я разобралась, кто такая Марья Моревна и почему никто в здравом уме не стал бы так рекомендоваться старой Яге. Оказывается, моя мнимая матушка приходилась дочкой родной сестре Яги, Ядвиге. А вот с этой особой старушка воевала долго и вдумчиво. И, похоже, чуть не проиграла. Но Ядвига вдруг исчезла в неизвестном направлении, и война успокоилась сама собой. Однако до этого счастливого события та успела основательно попортить нервы хозяйке Буяна. Так что неудивительно, что доченьку ненавистной сестрички тут тоже вряд ли встречали бы хлебом-солью, хотя дочь, в отличие от мамы, свои завоевательные амбиции на Буян не распространяла, довольствуясь обычными царствами-государствами.

Марья Моревна вообще предстала в дневнике персонажем довольно гротескным и неприятным. Ну, на мой вкус. Возникнув словно ниоткуда, она стала королевой Англии и довольно быстро захватила все окрестные земли, превратив захолустное королевство в довольно большую и серьезную державу. Но тут ее экспансия наткнулась на Русское княжество. Не сумев захватить «варваров» с наскока, она, недолго думая, с помпой вышла замуж за русского князя. Описанию свадебного наряда, вычитанному в какой-то книге, Яга уделила почти две страницы, так что у меня чуть ум за разум не зашел, пока я разобралась, какая финтифлюшка была присобачена к какому месту скороспелой невесты.

А вот с «долго и счастливо» у царственных молодоженов наблюдались проблемы. Князь оказался мужиком крепким и к управлению своим княжеством заграничную королеву не допустил. Мол, любовь любовью, а короны врозь. После чего неприятности посыпались на его голову как из рога изобилия. То грибочками едва насмерть не отравится, то потолок в тронном зале на него рухнет, то мостки под любимым конем провалятся. Марью, как я поняла, в открытую так никто и не обвинил, но когда она вдруг убралась обратно в свою Англию, концентрация опасных случайностей быстро сошла на нет. Увы, о том, были ли у этой пары дети, Яга ничего не написала. Как, впрочем, и о том, когда вообще случилась эта печальная история.

Так или иначе, но с тех пор воинственная королева еще дважды пыталась захватить запиравшее ее на западной оконечности материка княжество, и оба раза неудачно. Пришлось ей осваивать и развивать находившееся здесь в зачаточном состоянии мореплавание.

Старая Яга обучала преемницу без малого пять лет, постепенно перекладывая на ее плечи свои обязанности, а потом и вовсе ушла куда-то на покой. По скупым намекам из дневника я поняла, что

именно ушла, а не померла от старости. Такая опция Бабкам Ежкам вообще, походу, была недоступна. Убить их можно, хоть и сложно, а вот своей смертью они не умирают: и ведьминский срок бесконечный, и яблонька волшебная недаром именно здесь растет.

Вот только детишки у хозяек Буяна рождались редко, о чем с плохо скрытым восторгом упомянула моя курортница. Вот уж кто становится матерью не спешил от слова «совсем». Я вспомнила, какой трагедией для меня оказалось собственное бесплодие, и только головой покачала: нет, с вами, девушка, мы точно не родственницы.

Чудом не забыв накормить богатырей и пропустив мимо ушей их восторженные благодарности, я снова вернулась к своим заметкам.

— Если принять предположение, что дите у Марьи Моревны и русского князя все-таки получилось, то вопрос, кто такая Василиса, снимается, — пробормотала я себе под нос, задумчиво покусывая кончик гусиного пера, которое мне выдал Васька вместо ручки. — Для князя она, конечно, наследница так себе. Да у него, может, уже давно другая жена появилась, а вместе с ней и детки. А вот за разменную монету еще как сойдет. Как там, в сказках, обычно: жалую тебе дочь свою в жены и полцарства в придачу. С полцарством, это, конечно, погорячились, а вот дочкой наградить кого-нибудь особо отличившегося это пожалуйста. Тем более что дочка так себе, некондиция, однако.

— Не кто? — напомнил о своем присутствии Васька.

— Некондиция, — машинально отозвалась я. — Неудачная дочка, скажем так. Королю какому-нибудь в жены не годится. А вот советнику или военачальнику — самое то.

— Ну, неудачная, это как посмотреть, — муркнул кот. — А вообще да, на всех княжеских дочек царьков заграничных не напасешься. Так что советнику или вою знатному вполне могут пожаловать. Слыхал я о таком. Пожалуй, Илюшка потому и явился. Не поверил князь, что Яга не справилась.

— Помедленнее, — притормозила я разболтавшуюся животину. — Князь вспомнил о дочурке, потому что ему срочно невеста-награда понадобилась? Хитро. И наградил, и казна цела.

— А ты как хотела? Породниться с князем всякий рад.

— А девица за всякого замуж идти рада? — слегка рассердилась я, на минутку представив себя на месте княжеской дочки.

— А девицу никто не спрашивает, — парировал кот.

— М-да... — протянула я, помянув недобрым словом условное средневековье, в котором оказалась.

Первоначальный план обучиться у Яги какому-нибудь травничеству и осесть на отшибе выглядел все более заманчиво. «Пусть думают, что я ведьма. Понавешаю под потолок трав сушеных, заведу черного кота... А самых недоверчивых можно будет щучьим велением шугануть. Главное, внимание поменьше привлекать. Теперь бы еще придумать, как домиком разжиться. Ну и Ягу прикрыть, а то ничему она меня учить не станет».

Вспомнив о насущном, я поморщилась. Пока не привлекать к себе внимание получалось из рук вон плохо. Одного посланника «сильных мира сего» я выставила чуть ли не пинками, напугав до икоты этой самой Ягой, другого и вовсе отправила погулять по лесу на ближайшие десять лет, третьего... Кста-ати...

— Васька, а чего Мерлин тогда...

— Хозяйка! — донесся со двора молодецкий бас, перебив меня на полуслове.

Я привычным движением прилепнула на место крючковатый нос и высунулась в окошко. За калиткой маячила румяная рожа, про какие говорят «поперек себя шире».

— Хозяйка! Отворяй! Гостя принимай!

«И кому эта табличка на калитке повешена?» — покосившись на алеющее закатом небо, вздохнула я и накинула волшебную шаль.

— Хозяйка!

— Вот нетерпеливый какой, — буркнула я и уже куда громче добавила: — Иду я, иду! Чего надобно?!

«Хорошо, что тут забор есть, — подумала я, шаркая по тропинке к калитке. — А то в сказках обычно как? Ни тебе здрастье, ни до свидания — сразу: „Избушка, избушка, повернись к лесу задом...“ И

летела бы лже-Яга вверх тормашками...»

Но гость попался вежливый. Разве что еще разок оповестил весь лес о своем желании войти, а потом о моем появлении.

— Здравствуй, хозяйка! — Грузноватый парень с румянцем в обе щеки зашел на двор как к себе домой.

Никакого пиетета перед злой ведьмой он явно не испытывал, тут же плюхнувшись на поваленное бревно у частокола.

— Уф... Заморился, пока дошел, — сообщил он, утирая лоб.

— Кормить тебя не буду. В баньке парить тем более, — поспешно сообщила я, припомнив, что Яга велела побольше ругаться. — Говори, чего пришел на ночь глядя?

— Это я помню, — заулыбался гость.

— И? — опешила я.

— Дык это... — Он почесал в затылке.

— Слушай! Ты или говори, чего надо, или иди вон за калитку, там думай. А я спать пойду, — уже по-настоящему обозлилась я минуты три спустя. — Заодно и расписание прочитаешь. Специально для дорогих гостей там висит.

— Дык я грамоте не обучен, — развел ручищами-лопатами гость. — Да и не в гости я, а по делу великому. Я ж Иван!

«Дурак, — дополнила я. — Царевичи, по идее, хотя бы читать должны уметь».

— Ладно. Пришел-то зачем, Иван?

— Дык это... — Пятерня снова вернулась к затылку.

Я заскрипела зубами, но решила, что если буду прерывать такое сложное дело, как мыслительный процесс дурака, то простою тут неделю, и промолчала. Мое терпение было вознаграждено минут через пять.

— Надумал я злую ведьму воевать, — сообщил он наконец.

— А от меня чего надо? — поинтересовалась я, припоминая инструкции. Где-то там, в коридоре, стоял деревянный бочонок, из которого торчали разнокалиберные мечи. Вроде как кладенцы.

— Поможешь, бабка? — сбил меня с мысли молодецкий бас.

— Помогу, помогу. Дам я тебе меч волшебный и клубочек. Он тебя к... Кого ты там воевать собрался?

— Дык это... — Парень снова почесал в затылке и выдал: — Бабу-ягу, вот!

Глава 19

СРЕДСТВО ОТ ДУРАКА

— Кого? — ляпнула я, чуть не подавившись собственным языком.

Иван-дурак снова почесал в затылке, посмотрел на меня пристально и снова почесал в затылке.

— Бабу-ягу воевать буду, — тупо повторил он опять.

— И пришел ко мне за помощью? — еще более тупо переспросила я.

— Ну да! — кивнул он. — Ты же мне в подвигах ратных завсегда помогала. Кощя уморить помогла! — Иван растопырил пятерню и загнул один палец. — С Горынычем помогла.

— Ты и Горыныча победил? — только и смогла проговорить я. Если о смерти якобы бессмертного Кощя мне уже кто-то говорил, то о Змее я только недавно с котом болтала. И вроде это были не поминки.

— Не! — махнул лопатоподобной ручищей парень. — Я до него еще не дошел!

— Та-ак... — протянула я, лихорадочно соображая, как выставить «героя» за калитку, пока до него не дошел весь абсурд его просьбы.

— Да ты не серчай, бабка. — Иван понял меня по-своему. — И этого супостата изведу, дай только срок. Но тут такое дело... Безотлагательное, вот!

— Это где ж ты таких умных слов нахватался, — проворчала я.

Прикинув, что за клубочком надо будет идти в избушку, я немного успокоилась. Оттуда Ваську и отправлю к богатырям на взморье. Пусть бегут спасать свою повариху. Главное, отвлечь дурака, чтобы не успел понять, что ни меч-кладенец, ни тем более клубочек на фиг не нужны, когда жертва рядом сидит.

— Дык я по миру хожу, умных людей слушаю. Вот и набираюсь, — приосанился Иван. — Я ж, грешным делом, думал, что Баба-яга — это ты!

Парень расхохотался так громогласно, что у меня аж в ушах зазвенело.

— И кто ж тебя надоумил Бабу-ягу воевать? — прищурилась я.

— Шел я, значит, по лесу, — охотно начал рассказывать он. — Давно шел. Уже и брюхо подвело с голодухи, а я все иду да иду. Змея, значит, окаянного разыскиваю. Тут почуял — едой пахнет. Ну, я клубочек в карман и на запах. Выхожу на полянку, а там сидит добрый молодец, кручинится да яблочки жарит.

— Что делает? — моргнула я.

— Кручинится. Лицо у него такое грустное-грустное. Я аж сам чуть не заплакал, — пояснил дурак.

Я мысленно чертыхнулась, но уточнять не стала.

— Ну, я вышел да говорю, так, мол, и так, я — знаменитый Иван Победитель Кощя Бессмертного, что у тебя приключилось, добрый молодец? Он и рассказал, что злая Баба-яга у него нареченную украла да силком за нелюбимого замуж и выдала.

— О как! — не сдержалась я, сообразив, кого встретил в лесу дурак.

— Вот горюшко, да? — закивал Иван. — Я сперва и не понял, что к чему. Осерчал даже. Думаю, чего мне, победителю Кощееву, Яга девку не предложила? Судили мы с добрым молодцем, рядили да решили, что пойду я злую ведьму воевать, а он родителям безутешным горькую весть понесет.

— Ух ты, какие страсти, — обозлилась я, пожалев, что так легко отпустила паршивца Ваську.

— Так поможешь злую силу извести, бабка? — напомнил парень.

— И как же я тебе помогу? — язвительно проворчала я. — Повеситься, что ли?

— А что, дорога к ней только через Навь? — снова полез в затылок Иван-дурак. — Это плохо. У меня тут еще столько подвигов недоделано и вражин не... не... не обращено.

«Не... об... что?!» — попыталась вникнуть я в его словесные выверты, но, не преуспев, только

выругалась. Идея идти через некую Навь клиенту явно не понравилась, и я, хоть и не понимая, о чем, собственно, речь, решила настаивать именно на этом. Иван же сосредоточенно чесал в затылке, стимулируя мыслительный процесс, потом еще и в носу поковырялся, видимо, для усиления эффекта, и под конец выдал:

— А по-другому никак до той Яги не добраться? А то ж кто, может, и не такой умный, как я. Не поймет, что к чему. Пойдет к тебе за советом, да к ней явится по ошибке.

«Та Яга? — Я зацепилась за оговорку, постепенно начиная понимать, что себе надумал настойчивый дурень. — Ну, правильно... Тут ему помогали. И девок тут не было...»

— А тебе так к спеху ту Ягу воевать? — вкрадчиво уточнила я.

— А чего?

— Так девка ведь уже замужем. Чего теперь торопиться?

— Это верно...

— Вот! — обрадовалась такой быстрой победе я.

— А ну как какой дурачок бабок перепутает? — тряхнул головой Иван. — Не... Надо злую Ягу повоевать!

Он рубанул воздух ладонью, да так, что я с трудом подавила желание пригнуться.

— Ягу победу, а потом и Горынычем займусь! А то распоясался, негодный! Клубочек меня к нему ведет-ведет, я иду. Р-раз, тень над головой мелькнула. Клубочек скок! И в другую сторону поскакал. Ну и я за ним. Как дурак. Не дело это. Удирает, гадина трехголовая! Нет бы на месте посидеть недельку, пока я приду на честный бой с лопатой своей верной!

— Ох, какой Змей хитрый, — поддакнула я.

— Ничего, не уйдет, — выкатил грудь Иван-дурак. — Семь пар сапог стопчу, а его догоню.

Я покосилась на босые ноги парня, но от комментариев воздержалась.

— Вот только ту Ягу изведу и...

— И? А Горыныч тем временем улетит неведомо куда, — перебила я. — Не дело это.

— Не дело, — согласился парень и снова полез в затылок. — Поможешь, бабка?

— Помогу, — кивнула я. — Зачарую-заколдую ту Ягу, чтоб с места не сошла и тебя ждала.

— О! Ну, тогда я побежал! — вскочил Иван. — Быстренько ее победу, пока Горыныч далеко не улетел.

«Придется все-таки ему клубочек давать, — мысленно вздохнула я. — Пардон, коллега, испорчу вам отпуск, но своя рубашка, как известно, ближе к телу».

— А Навь как пройти? — притормозил вдруг дурак.

— А никак. Только обойти, — отозвалась я, гадая, что же это за страна такая, что даже дурак туда соваться не хочет.

— Обойти? — вытаращился он, и я заподозрила, что промахнулась. Но отступить было некуда.

— А как же. Туда же ты не хочешь?

— Не хочу.

— И отступить не хочешь?

— Русские герои не отступают! — бухнул себя пудовым кулаком в грудь дурак.

— Нормальные герои всегда идут в обход, — проворчала я себе под нос.

— Чего?

— Ничего! Отступать не хочешь, в Навь не хочешь. Значит, только обойти. Но долго это.

— Долго — это сколько?

— Семь лет, — ляпнула я первое, что пришло в голову.

— Сколько?! — опешил парень.

— Это ж куда Горыныч залетит за это время?.. — подлила масла в огонь я.

— Далеко... А ты точно ее заколдовать сможешь, чтобы ни одной девки больше не украла? — прищурился Иван.

— Смогу. Отчего же не смочь. Будет тебя ждать, пока не явишься. Хоть сто лет Горыныча лови.

— Тогда я пошел! — кивнул дурак и взялся за калитку.

— Иди, касатик, иди, — кое-как подавив рвущийся наружу смех, закивала я.

— Спасибо тебе за науку! — поклонился он и наконец убрался.

Убедившись, что горе-герой действительно скрылся в лесу, я расхохоталась-таки и поспешно, насколько позволяла пригибавшая к земле волшебная шаль, пошаркала к избушке. «Ну, если у Яги хотя бы половина клиентов такие, то я не удивляюсь, что она так о курорте мечтала. Тут и о курятнике размечтаешься. Лишь бы там таких вот гостей не было», — подумала я, взбираясь на крыльцо.

— Ловко ты его, — приветствовал меня Васька, сверкая в полумраке зелеными глазищами с подоконника. — Хотя вернее было бы на лопату и...

— Чего? — вытаращилась я в лучших традициях Ивана-дурака.

— Да шучу я, шучу, — ухмыльнулся кот. — Надо было его к Марье Моревне отправить. Двух мышей одной лапой...

— А он бы с Моревной этой справился? — недоверчиво прищурилась я.

— А тебе какая разница? — удивился котяра. — Это уже его забота. Твое дело маленькое: хотели злую ведьму — получите.

— Этот скорее от злой ведьмы получит, — фыркнула я.

— Ага, Яга то же самое думала, когда его к Кощею отправила, — парировал Васька. — И где теперь Кощей?

— А черт его знает, — отмахнулась я. — Ты мне лучше скажи, что такое Навь.

— И чему вас только в ваших других мирах учат?

— Чему нас только не учат, — с притворной грустью вздохнула я. — Котам хвосты крутить учат. Крестиком вышивать... По скатерти...

— Да понял уже, понял, — вздыбил шерсть на спине Васька. — Сразу угрозы какие-то. Так бы и сказала, что интересно. Навь — это потусторонье. Тот свет, если по-простому. Помер — туда отправился, если никакому некроманту не попался.

— А тут и некроманты водятся? — опешила я.

— Кто тут только не водится. Даже мы с тобой, — ухмыльнулся повеселевший кот. — Кощей, ты думаешь, кто был? Самый настоящий злой колдун, что нежить поднимать обучен, некромант по-научному.

— Ну и гадость, — поморщилась я. — Но Васька-то каков гад. И двух дней не прошло, а он мне уже мстителя отправил.

— Ну и хорошо. Слухом земля полнится...

— Да помню я, помню, — отмахнулась я, пытаюсь выудить из памяти, что такое, связанное с глупым Васькой, меня беспокоило.

— Ладно, — сбил меня с мысли кот. — Давай спать ложиться. Завтра витязи тебя рано подымут.

— С чего бы это, — буркнула я.

— Так ты же им какую-то полоску препятствий обещала.

— Полосу препятствий?! Черт! И когда только успела, — выругалась я. Подобное

времяпровождение было совсем неуместно. Мне бы посидеть, подумать над записями из дневника, а тут... Я широко зевнула и махнула рукой. — Ладно... Утро вечера мудренее.

Я разделась, натянув широкую рубаху, найденную утром в сундуке, и залезла под шубу, служившую мне одеялом. «Очередной день в должности Бабы-яги закончился, и слава богу».

— Хозяйка! — донеслось со двора, едва я донесла голову до подушки.

— Вась... — простонала я, чувствуя, что снова вешать на плечи многопудовую шаль просто не способна. — Глянь, кто там? Если это не Аленушка, то пусть идет к черту.

— А если Иванушка?

— Тем более. По Иванушкам я на сегодня план уже выполнила!

— Басовитая какая Аленушка, — проворчал кот.

Но мои угрозы насчет сметаны еще не успели выветриться из пушистой башки, и он послушно вскочил на подоконник.

— Это не Аленушка, — сообщил мой соглядатай, когда я уже наполовину задремала. И в его голосе было нечто такое, что сон слетел с меня как по волшебству.

— Ивашка?

— И не Ивашка, — отозвался кот.

— А кто, черт возьми?! — обозлилась я.

— Илюшка, — понизив голос, сообщил Васька.

— Да что ж такое-то?! — простонала я, с головой накрываясь тулупом. Спрашивать, о каком Илюшке кот мог доложить таким вот тоном, было излишне.

Глава 20

ДОЗРЕВШАЯ ПРОБЛЕМА

Во двор я той ночью так и не вышла. Илья больше не выкликал хозяйку лесной избушки, и я охотно поверила коту, что это, возможно, и вовсе пересмешник развлекался, и вообще утро вечера мудренее.

Но утром с первыми лучами солнца из-за частокола снова прилетел чертов зов:

— Хозяйка!

Проснуться-то я проснулась, а вот к калитке не пошла: никаких гостей я видеть не желала. Да и обозлилась, что греха таить. Что, раз я Баба-яга, то мне и спать уже не положено?! Благо избушка стояла к калитке задней стеной, и я, пользуясь тем, что меня не видно, сбегала на огород и набрала огурцов с помидорами себе на завтрак. Салатик, сварганенный на скорую руку, унял бурчащий живот и слегка примирил меня с действительностью.

— Как думаешь, зачем он вернулся? — спросила я у Васьки, задумчиво потягивая из глиняной кружки ключевую воду.

— А бесы его знают, — сердито проворчал кот.

— Может, забыл чего?

— Нечего ему тут забывать. Я банника спрашивал — голь перекатная. Всего добра — одна котомка.

— И конь.

— Думаешь, коня забыл? — насмешливо прищурился Васька.

— Конь не его, — фыркнула я и рассказала коту про свой конфуз на болоте. — Ворованный конь, похоже.

— Да не... Это Илюшку, видать, князь в поход снарядил. Так часто делают.

— Узнать бы, зачем им этот поход понадобился. — Я простучала ногтями по кромке кружки какой-то брагурный марш. Известие, что мой лесной знакомец, возможно, и не конокрад вовсе, меня неожиданно обрадовало. Но задумываться над этим мне было некогда. — Так ведь не скажет. А если и скажет, то правду ли?

— Не вздумай его обратно пустить, — предупредил Васька. — Слово Яги крепче гранита. Сказала с яблочком возвращаться, значит, так тому и быть.

— А ничего, что яблочко тут растет? — покачала головой я. — И еще лет десять расти будет. Заведомо невыполнимое задание получается.

— А это уже не твои проблемы. Взятся за гуж — не говори, что не дюж.

Я не стала читать коту лекции о морали. Тем более что все равно не собиралась пускать Илью обратно. Сказать ему мне было нечего, как, впрочем, и дать. Класть на алтарь справедливости собственную голову хоть в виде лесной нечисти, хоть в роли потерянной княжны Василисы я была не готова.

«Скорей бы уже Яга со своих курортов вернулась», — проворчала я себе под нос, расслабленно вытягивая ноги под столом.

— Хозяйка!

«Хоть бы она вообще вернулась, — поправилась я, со вздохом поднимаясь. — Я бы на ее месте очень хорошо подумала, стоит ли!»

— Заходи, Ростислав! — крикнула я, прилепнув на место нос Яги и высунувшись в окошко.

Витязь, еще в первый день привлечший мое внимание каким-то основательным спокойствием и вдумчивостью, несвойственными другим обалдуям в чешуе, вошел во двор, аккуратно прикрыв за собой калитку. Вопреки смутным опасениям, он пришел один и ошивавшийся где-то там за частоколом Илюшка с ним не просочился. «Значит, и правда не войти сюда без моего разрешения, — отметила я, натянув вчерашний сарафан прямо на широкую рубаху, в которой спала. — Надо повнимательнее за языком следить, когда гостей приглашаю».

Я накинула на плечи волшебную шаль и вышла во двор к гостю. Несколько часов мы провели за

большим столом под яблоней, обсуждая будущую полосу препятствий. Голова у витязя оказалась светлой, и мою идею он ухватил сразу. А вот йотом началось бурное обсуждение каждого этапа. До финального плана мы договорились только тогда, когда под калиткой уже собрались все тридцать два балбеса с мисками наперевес.

Накормив эту братию сырниками и прихватизировав пяток богатырей для домашних дел, остальных я отпустила вместе с Ростиславом. Подняв гам, как стая добравшихся до помойки ворон, они потащили на взморье пожертвованные мной бревна. Сомневаться в том, что вскорости там вырастет целый тренировочный городок, не приходилось. Витязи, хоть и вели себя порой как разгулявшиеся дети, руками работать умели и любили.

Свою пятерку я разогнала по двору. Двое отправились докапывать картошку. Еще двое — косить вымахавшую за ночь траву. А один, самый невезучий, засел чистить овощи на вечернее рагу. С удовлетворением понаблюдав за их суетой с полчаса, я вернулась в избушку и снова позвала Ваську. За утро светлая макушка Ильи мелькала за калиткой несколько раз, и с этим надо было что-то делать.

— Что делать, что делать, — фыркнул кот. — Горыныча высвисти, он тебя быстро от такого соседства избавит.

— В смысле? — опешила я.

— А что такого? Ты от Илюшки избавиться хочешь? А у Горыныча одна мысль на троих — поесть бы. Головы у Змеюшки три. Жрет, соответственно, в три горла. Но ему Яга запретила без своего дозволения путников трогать. Вот и летает голодный. А так и свое дело решишь, и животинку порадуешь...

— Нет, нет! — перебила я. — Не такими кардинальными методами!

— Тогда Лешему скажи. У вас с ним вроде как мир? Пусть заведет незваного гостя подальше. Пока тот выберется, пока то да се, и Яга с курортортов вернется...

— Леший, пожалуй что и заведет, — нахмурилась я. — Только утопиться Илья и без Лешего успеет. Он по болоту ходить не умеет.

— А тебе-то что за дело?

— Так, все! — обозлилась я. — Еще только не хватало начать смертные приговоры направо и налево раздавать! Давай что-нибудь попроще и погуманнее.

— А это как? — Васька склонил набок лобастую башку и посмотрел на меня с искренним интересом.

— Без неизбежного «мементо мори» в финале, — буркнула я и от дальнейших вопросов просто отмахнулась. И так было понятно, что кот мне не помощник.

Котяра спорить не стал и, тут же свернувшись на лавке в мохнатый клубок-переросток, задремал. Я даже на какое-то мгновение заподозрила, что он специально предлагал самые дикие варианты, чтобы от него поскорее отстали.

— Хозяйка, — к окну подошел один из витязей, — задний двор косить?

— Опять зарос? — всплеснула руками я. — Вчера же...

Неожиданная догадка заставила меня умолкнуть на полуслове, невидящим взглядом уставившись в пространство. «Вот почему он мог вернуться! Чертово удобрение!»

— Хозяйка? — вывел меня из задумчивости парень.

— Косите, — махнула рукой я и дернула кота за ухо.

— А? Чего?! — встрепенулся Васька.

— А покажи-ка ты мне волшебную яблоньку, Васенька, — ангельским тоном пропела я. — Ту, что через десять лет яблочко нам родит.

— Зачем? — не понял кот. — Яблоня как яблоня.

— Покажи, я сказала! — рывкнула я, спихивая лентяя с лавки.

— Так бы сразу и сказала... Шумит сразу... — проворчал кот, брезгливо встряхнув хвостом. — Вот ведь дикая кровь...

— Ты поговори мне еще, — рассердилась я. — Тебе Яга что велела? Мне помогать советами так?

— Ну, так.

— А ты только сметану лопать всегда готов. А так из тебя каждое слово клещами тянуть приходится! Пошли к яблоне!

Васька пробурчал что-то совсем уж тихое, но из комнаты все же вышел. Я накинула волшебную шаль, которую старалась снимать при любом удобном случае, и пошаркала следом.

— Это как? — Кот остановился в укромном уголке маленького садика на заднем дворе, о существовании которого я даже не подозревала.

— Это я тебя должна спросить, — язвительно отозвалась я, воочию увидев то, о чем догадалась еще в избушке. — Кто у нас мудрый сказочный кот, а кто бестолковая девица, без году неделя как сюда угодившая?

— Бесовы птицы, — помотал лобастой башкой котяра. — И тут отметились!

— Что делать будем? — Я привалилась плечом к узловатому стволу старой вишни, не отрывая глаз от хилой яблони в самом центре этого фруктового царства.

Яблоня, прямо скажем, не удалась. Тонкий прут, три веточки и полтора десятка листочков. Зато среди них висело самое прекрасное яблоко, которое я когда-либо видела. Желтое, с ярко-красным бочком, оно будто светилось изнутри и словно манило запустить зубы в сочную и, без сомнения, ароматную мякоть.

— Убрать его надо подальше, — буркнул кот, обходя вокруг яблони. — Тут место заповедное, чарами сокрытое. Но ты девка молодая да глупая. Пускаешь кого попало, в душу не заглядываешь.

— Что ты несешь?! — оскорбилась я. — Что мне сказали, то и делаю!

— Ну да, ну да, — невнимательно отозвался кот. — Убрать его надо с глаз долой.

— Тьфу ты, черт, — выругалась я и, уже растеряв все благоговение, подошла к яблоне.

Яблоко исчезло в кармане сарафана, и мы с котом вернулись в избу. По дороге я заметила мелькнувшую за частоколом светлую голову Ильи. Да не только его, а еще и парочки витязей. Настроение испортилось окончательно.

«Неудивительно, что Ягу все злой ведьмой считают, если у нее такие оказии случаются. Я тут и недели не просидела — приперлись четверо. Из них один — подлец, другой — дурак, третий — и дурак и подлец сразу, — бормотала я себе под нос, сердито расхаживая из угла в угол. — Вроде как один-единственный порядочный человек явился. И тот честный до тошноты. Вот что ему стоило забыть про лесную нечисть? Нет, спасать надо, долги отдавать! А кто ему в долг давал? Кто по счетам платить просит? Кредиторы? Не, не слышали!»

Я вспомнила про яблоко и сунула его в пустой горшок на полке «Теперь еще это сокровище охраняй! Так я к приезду Яги или параноиком стану, или настоящей злой ведьмой, которая на любого гостя сразу цепных витязей спускает».

В окно запрыгнул Васька. От неожиданности я споткнулась на ровном месте: в нервах и не заметила, как он удрал.

— Придется тебе Горыныча высвистать, — заявил кот, спрыгивая на лавку. — Не уйдет добром Илюшка!

— Что еще?!

— Ты яблоко куда дела? В подпол спрятала? — Васька не обратил на мое раздраженное восклицание никакого внимания. — Это ценность великая. Про него если узнают — все колдуны тут соберутся. А ты силу Буяна направлять не умеешь...

— Да спрятала я, спрятала! — огрызнулась я. — Тоже мне ценность! Я вон такое же вроде с тарелки волшебной схарчила и ничего, желания срочно захватить мир и сделаться владычицей морскою в себе не ощущаю!

— Ой, дура... Я ж тебе тетрадку про мир наш давал читать! Уж об этом-то там точно было написано!

— Не помню, — фыркнула я.

Не объяснять же мне было коту, какие именно записи содержались в тетрадке. Конечно, рано или

поздно он все равно проболтается. Или Яга сама заметит, что ее дневник кто-то трогал. Но к тому моменту, когда она узнает, что я читала подробные описания ее «сградашек» по коротышке Черномору, мне хотелось оказаться от нее как можно дальше.

— Тьфу! Безголовая! — Васька огляделся, словно ожидал, что из-за печки вот-вот кто-то выскочит, и, понизив голос, продолжил: — Ты яблочко для тарелочки волшебной слопала. Его совсем по-другому зачаровали. А это не зачарованное, да еще свежее, на что угодно повернуть можно. Хоть жизнь вечную из него вытянуть, хоть черный мор на весь мир, это уж на что начаруешь и в какое зелье отправишь. Ясно тебе?

— Да? — слегка сбавила тон я. — А в сказках вроде только...

— В сказках, может, и только. А на самом деле не только! — перебил он. — И вообще сто-о-олько, что мало никому не покажется. Яблочки эти — волшебные. От ран вылечат, молодость вернут. Но коли чары знать да наложить правильно, то...

— Понятно... — Я села на лавку, запуская пальцы в волосы. — Так, может, его сразу на тарелку...

— С ума сошла?! — возмутился кот. — Одно уже слопала, и все мало?!

— Так я ж не есть его буду! — невольно расхохоталась я. — На волшебную тарелку. Вызовем Ягу. Пусть возвращается, раз тут такие страсти из-за этого чертова фрукта разгореться могут.

— А зачаровать ты его сможешь? — фыркнул кот. — Без слова верного да зелья чудного катать тебе это яблочко по тарелочке до морковкина заговенья. И ничего не выкатать.

— Что ж так все сложно-то?

— А ты думала, в сказку попала?

— Ты не поверишь, но, увидев говорящего кота и настоящего Лешего, именно так я и подумала, — огрызнулась я. — Что с Ильей делать будем? Про болото и Горыныча даже не заикайся! Я не убийца!

— А жаль. Проще было бы работать.

— Все претензии к Яге. Кого она выцепила, с тем тебе и работать, болтун.

— Ей, пожалуй, выскажешь претензии, как же, — проворчал кот. — Хоть действительно у Лешего какую нечисть выкупай и отдавай Илюшке на расправу... То есть на спасение. Так ведь нету там чистых душ. Яга года три назад последнюю откупила да выпустила.

— Нечисть, говоришь... — задумчиво повторила я, уставившись в окошко. В голове забрезжила какая-то не оформившаяся еще идея, и я, опасаясь ее спугнуть, замерла без движения. — Нечисть... Будет ему нечисть!

Глава 21

ПО ГРАНИ

Остаток дня и большую часть ночи я ломала голову, пытаюсь до мелочей продумать свою аферу и исключить даже самые невероятные случайности. От недосыпа под глазами залегли синяки так, что я и правда стала похожа на какую-нибудь нечисть вроде утопленницы. Но какое-то подобие плана я все же сварганила и, за неимением лучшего, уже с обеда следующего дня принялась претворять его в жизнь.

Чешуйных витязей я раньше времени освободила от работ во дворе и выдала ужин сухпаем в виде двух ведер с сырниками. Ваську накормила сметаной до полной потери ориентации. Дорвавшись до такого счастья, кот обожрался настолько, что был способен только лежать лохматой тряпкой на лавке, но уж никак не смотреть, куда отправилась «безголовая» заместительница его любимой Яги. В том, что кот мою идею не одобрит, я не сомневалась.

Впрочем, я и сама свою идею не больно-то одобряла, чувствуя, как холодеет от страха спина всякий раз, когда на глаза попадается частокол. Но проблема состояла в том, что других идей у меня не было. После возвращения Яги жить я собиралась все-таки в этом мире. И желательно долго и счастливо. А это было явно невозможно, пока я не разобралась в хитросплетениях местных интриг и политики.

Час икс настал куда быстрее, чем мне бы хотелось. Солнце приблизилось к верхушкам деревьев, окрасив их в пока еще едва заметный багровый оттенок, и я поднялась. Убедившись, что кот дрыхнет не то что без задних лап, а и без хвоста, я перекинула через плечо широкую лямку полотняной торбы, куда затолкала несколько огурцов и полтора десятка картофелин, и, спрыгнув с крыльца, подошла к частоколу. Ильи нигде видно не было, но с лесной опушки доносились приглушенные удары топора.

«Отлично», — кивнула своим мыслям я и поспешно отправилась на задний двор, на ходу заворачивая накладной нос в волшебную шаль и убирая этот реквизит на дно котомки.

— По щучьему велению, по моему хотению, перенеси меня, сила волшебная, через частокол! — топнула я ногой о землю, едва калитка скрылась из виду.

С формулой я в очередной раз не угадала. Невидимая рука схватила меня за шкурку, как нашкодившего котенка, и, подняв в воздух, потащила вперед. Я захрипела, хватаясь за врезавшуюся в шею горловину рубашки, а в следующую секунду со всей дури плюхнулась в покрытую вечерней росой траву.

«Надо было метлу брать!» — мысленно ругалась я, пытаюсь отдышаться.

«И опять улететь в неизвестном направлении», — парировал внутренний голос.

Сплюнув, я встала и пошла по опушке на звук топора, стараясь не терять из виду частокол. Заблудиться в ночном лесу мне крайне не хотелось. «Ладно, хоть теперь деревья перед моим носом не сдвигаются, как в первый день», — подумала я мимоходом, машинально потирая саднящее горло, и тут же об этом забыла: между темными стволами показался огонек костра.

Ходить по лесу тихо я не умела. Мне негде было этому научиться. Но то ли помогло перемирие с Лешим, то ли мне просто повезло, но, когда я подходила к костерку, под моими ногами не шевельнулась ни одна травинка. «И правда за нечисть примешь, — невольно поежилась я, останавливаясь на границе света и тени. — Ну что, с богом». Подавив неожиданное желание перекреститься, я уставилась в спину Ильи. Он сидел на корточках и ворошил разгорающиеся сучья.

— Ну и зачем ты сюда явился? — постаравшись подпустить в голос потустороннего тумана, проговорила я. — Мало было того, что по дороге чуть не помер?

На этот раз кувыркаться Илья не стал, но на месте развернулся довольно резво и посмотрел очень настороженно.

— И тебе привет, душа лесная. С чем пожаловала?

— С разговором, — сообразив, что нападать парень вроде не собирается, я осторожно присела на выступающий корень.

— Что ж, давай поговорим, — степенно кивнул он. — Только поначалу позволь мне сказать... За жизнь мою и друга моего прими поклон и благодарность. Что должен...

— На том свете угольками сочтемся, — ляпнула я, желая поскорее прервать бесполезную болтовню.

Илья моргнул и осторожно уточнил:

— Так то еще когда будет...

— А я не тороплю, — хмыкнула я. — Своим ходом каждый дойдет.

На лице у мужчины отразилось облегчение, и плечи слегка расслабились.

— То-то и оно, что своим ходом. А на этом свете чем тебе отплатить?

«Расскажи об этом свете, да поподробнее», — мысленно проворчала я, но вслух, разумеется, сказала совсем другое:

— Скучно мне. Ничего, кроме этого леса, не вижу. Поговорить не с кем. Только Леший да лягушка склочная, даром что царевна.

«Еще есть ленивый кот и тридцать три обалдуя, но тебе об этом знать необязательно».

— И каша у тебя вкусная, — добавила я.

Не зная, чем именно может интересоваться «нечисть с пока еще чистой душой», я еще ночью решила упомянуть и еду, и общение: если где-то и промахнусь, то пусть думает, что это так, для красного словца.

— Кашей тебя не порадуя, — развел руками Илья. — Кончилась каша. Грибов Леший не дал, чуть опять в болото меня не завел. Травяной отвар будешь?

Он кивнул на стоящий у костра котелок с водой и пучок каких-то листьев. Я поднялась и подошла ближе, пытаясь рассмотреть, что мне там предлагают. Вряд ли настоящая нечисть стала бы пить все подряд. Илья настороженно следил за мной напряженным взглядом.

— Давай лучше картошки сварим, — поморщилась я. Листики выглядели неаппетитно, а пахли и того гаже.

Я выложила на траву прихваченные в избушке овощи и отошла к облюбованному корню.

— Из болота меня вытащила, кормишь теперь, — снова расслабившись, усмехнулся Илья и стал собирать картофелины. — Век мне будет с тобой не расплатиться.

— Картошка недорогая, расплатишься, — фыркнула я, прикидывая, как бы половчее вывести разговор на интересующую меня тему.

— Кому как, — пожал плечами он.

На какое-то время воцарилась тишина. Илья возился у костра, прилаживая над огнем котелок с картошкой. Я молча наблюдала за этим действием, ожидая подходящего момента. Но особым терпением никогда не отличалась, поэтому, стоило ему снова сесть на траву, заговорила:

— Ловко у тебя получается. Откуда ты тут такой взялся?

— Из княжества русского, — спокойно отозвался он.

— И зачем пришел?

— Все тебе расскажи, — хмыкнул Илья, слегка насмешливо посмотрев на меня.

— Скучно мне, — завела я, надувшись.

— Да уж не весело. Людских радостей тебе нет, а нечестивые не радуют. Так ведь? — будто невзначай поинтересовался он.

Не то чтобы я поняла, о чем он говорит, но на всякий случай поддакнула:

— Ну да.

— Как же тебя угораздило душу в чужие руки отдать?

«Кажется, что-то тут не так, — проворчала я про себя. — Это мне положено вопросы задавать, а тебе отвечать! Откуда мне знать, что ты услышать хочешь?!»

Сочинять сказку по мотивам куцых Васькиных объяснений я не стала. Слишком велик был риск ляпнуть что-нибудь не то, да и врать Илье без особой необходимости мне тоже не хотелось.

— А моего согласия никто не спрашивал, — буркнула я и мысленно добавила: «Вот тебе. И понимай, как хочешь!»

— Ишь ты, как... — протянул он с сочувствием. — И давно ты по этому лесу бродишь?

— Все тебе расскажи, — усмехнулась я, вовремя вспомнив его собственную присказку.

— И то верно, — тихо рассмеялся Илья. — Тебя спрашиваю, а сам не отвечаю.

— Вот, вот. Нечестно.

— И что тебе рассказать? — сдался он.

— Про княжество расскажи, откуда родом, — тут же взяла быка за рога я, по горло насытившись съехавшей совсем не в ту степь болтовней. — Русское. Значит, ты ру...

Я запнулась, сообразив, что не представляю, как тут могли называть жителей Русского княжества. Славяне? Русские? Или, может быть, вообще какие-нибудь русы?

— Правильно, русич, — не заметил заминки Илья. — Только родом я из царства Берендеева. Там и матушка моя до сих пор живет, и братья.

— Это там, где Кощей обретается? — округлила глаза я.

— Нет. Кощей, это с другой стороны. А мы на самой границе с Русским княжеством. Там спокойнее. Впрочем, и Кощей в последнее время не больно-то воду мутит: на западных границах поспокойнее стало. Не иначе как большую гадость готовит, супостат.

— А может, помер? — предположила я, припомнив Васькины рассказы.

— Слыхал я такие сказки, — усмехнулся Илья. — Да только не может он помереть — бессмертный. Отец мой о нем сказывал, когда делу ратному меня учил. И дед. И прадед.

— Большая у тебя семья, как я посмотрю.

— Как у всех, — пожал плечами он. — Давненько я там не был...

— И зачем тебя от берендеев в наши края занесло? — поддержала тон я. Действительно интересно.

Илья ответил не сразу. Будто взвешивал, стоит ли откровенничать. Я чуть не начала грызть ногти от нетерпения, старательно рассматривая траву у себя под ногами: продемонстрировать излишний интерес явно не стоило. Но когда я уже набрала воздуха, чтобы переспросить, он все-таки заговорил:

— Служу я князю русскому. Он меня сюда и послал.

— Что ж ты, берендей, а служишь чужому князю? — спросила я, в последний момент прикусив едва не слетевший с языка возглас: «Да скажешь ты наконец, какого черта явился, или нет?!»

— Это длинная история.

— Ничего. У меня время есть, — с деланным равнодушием отозвалась я. — А если за тайны свои боишься, так разболтать мне их некому. Но если хочешь, слово даю, что никому не расскажу.

— Ладно. Слово твоё верное, — тряхнул головой Илья. — Слушай тогда. Может, и присоветуешь чего. А то сам я... А...

Он махнул рукой и ненадолго умолк, собираясь с мыслями. Мне даже стало немного стыдно: развела ведь мужика на откровенность.

«А что? — огрызнулась я на воспрянувшую было совесть. — Я ведь действительно никому не скажу. Все, кому надо, уже тут: и Яга, и Василиса, и нечисть. А то, что все они — это я и есть, не суть важно».

Совесть попыталась брыкаться, напоминая, что для Ильи это, скорее всего, еще как важно, но русич все же заговорил, и я забыла про приступ самоедства, превратившись в одно большое и очень внимательное ухо: в кои-то веки мне расскажут хоть что-то!

Глава 22

ПО ГРАНИ (продолжение)

Старая как мир история в сказочной интерпретации поначалу меня не заинтересовала. Жил-был мальчик, и было у него два брата. Все прочее тоже было, но это не важно. Важно то, что братья — старшие, и сидеть постоянно в их тени мальчику ох как не нравилось. «Илюшка? Это который? А, Алешкин да Ивашкин брат. Как же, знаем, знаем...» Вот только знали именно Алешку да Ивашку, а Илюшка шел к ним довеском, что его совсем не радовало. В довершение неприятностей девица, которая понравилась невезучему младшенькому, дала ему от ворот поворот, чтобы через пару недель выйти замуж за его старшего брата. Тут уж у парня, как говорится, упала планка, и он отправился «славу искать».

Разумеется, так эта история звучала в моем вольном пересказе. И о большей части мотивов странничающего богатыря я догадалась сама. Жаловаться Илья и не думал, зато несколько раз ругнулся на дурную голову, которая ногам покоя не давала. Так или иначе, но в поисках своего места под солнцем, подальше от тени старших братьев Илья забрел в стольный град Русского княжества.

До изысков двадцать первого века тут еще никто не додумался, и сильные мира сего с удовольствием разделяли радости простого народа. Разве что оставляли всякие короны да златотканые пиджаки дома. К тому же они не чурались и дурной задиристости, будучи в подпитии. А может, этот конкретный князь не чурался, тот, которого мне так настойчиво прочили в папашу, не знаю. В любом случае только этим можно объяснить то, что с князем залетный берендей познакомился в пригородной корчме, подбив ему глаз.

Всю эту предысторию я выслушала без особого интереса, отметив для личного пользования только упоминания о довольно свободных нравах в царстве Берендеевом. Там, судя по Илюшкиному рассказу, для нормальной жизни муж девице не больно-то и требовался. По крайней мере, силой замуж не гнали и незамужних одиночек остракизму тоже никто не подвергал, если они вели себя прилично.

А вот дальше стало куда интереснее и, увы, гораздо менее словоохотливо.

— В общем, так получилось, что оказал я князю услугу. Марье в руки ему в том бою попадать никак нельзя было. Не отпустила бы вздорная баба его живым. Обменялись мы с ним платьем, и я погоню за собой увел. А князь до дружинников добрался.

— Аж досюда погоню вел? — ухмыльнулась я, с трудом сдерживаясь, чтобы не поторопить задумчивого рассказчика, подпихнув к более интересным темам.

— Шутишь, — хмыкнул Илья. — То полгода назад было. Вот князь, на мою беду, и вбил себе в голову, что отплатить мне должен. Меня только спросить забыл, как у них, высоких да знатных, водится, надо ли мне такое благодеяние.

«Не только у них, — мысленно проворчала я. — На себя бы посмотрел! Кто бедную нечисть облагодетельствовать надумал?!»

— И чем тебя князь порадовал?

— Женой, — с непередаваемым выражением на лице пояснил Илья. — Будущей.

— А, ну да, — закивала я. — Ты ж влюблен.

— Да нет, — отмахнулся он. — Какая там любовь? Дурь по малолетству в голове гуляла. Но все едино, у нас так не принято: жениться незнамо на ком. Я ж ее не видел ни разу. Вдруг у нее нрав злой да склочный, али я ей не люб буду. Но у князя на все один ответ: «Я князь и отец, как сказал, так и будет!» А с князем спорить... Сама понимать должна.

— Да уж понимаю, — кивнула я, вспомнив, разумеется, не гипотетического папашу, а Ягу. С ней тоже спорить было бесполезно. Иначе не торчала бы я сейчас в этом мирке, пытаясь усидеть одной попой на трех стульях.

— Знала бы ты, какой шум был, — невесело усмехнулся Илья, — когда англичий этот вместо княжеской дочки парня худосочного откуда-то вытащил. Вот и смех и грех. Все ахают-охают, а я чуть на всю башню его бесовскую не заржал. Думаю: не, князь, на этом даже ты меня жениться не заставишь. Да рано обрадовался. Не успокоился властитель русский. Сперва Мерлина к Бабе-яге отправил, а как тот вернулся да сказал, что не справилась Яга, меня в путь отрядил. Аж на Пушином тракте нашел меня гонец его с грамоткой. Так, мол, и так, езжай, Илья, отбивай у ведьмы мою дочку да свою нареченную. А какая она мне нареченная, коли я ее в глаза не видал?! А!

Он раздраженно махнул рукой и отвернулся.

— Да уж, — убедившись, что продолжать рассказ Илья не спешит, хмыкнула я. — Девушка бы тоже не обрадовалась, удайся англичию его чары. Была она где-то, вдруг раз, как морковку из грядки выдернули незнамо куда и сразу: «Пожалуйста к венцу».

— То-то и оно. Я, грешным делом, подумал, что коли дочка княжеская ножкой топнет, то и не придется нам жениться. У нее-то нрав, чай, не сахарный с такими-то родителями. Ну и поехал ее выручать.

— И как успехи? — не сдержала сарказма я.

— А никак, — поморщился он.

— Яга прогнала?

«Хорош выручатель, — злорадно подумала я, наблюдая, как на приятном лице богатыря проступает виноватое выражение. — Поехал спасать девушку, по дороге чуть не утопил от большого ума, а потом и вовсе про нее забыл!»

— Да, глупо вышло на самом деле, — сказал Илья наконец. — Яга-то меня не прогнала. Но сперва как-то к слову не пришлось. Потом она со мной не больно говорить желала. У нее и без меня там куча народу ошивалась. А после и вовсе отправила туда, не знаю куда.

— Это куда же? — не подумав, ляпнула я. Уж что-что, а место назначения я этому обалдую внятно озвучила.

— Да за яблочком волшебным, — проворчал богатырь, не заметив мою оплошность.

— Так чего же ты тут ошиваешься? Баба-яга шутить не любит. Заметит тебя — осерчает.

— Клубок она мне дала. Сказала, он до места доведет. Клубочек поводил меня по лесу да обратно привел. Я по первости и сам ничего не понял. А вчера витязей в лесу встретил. Спросил их про эти яблоки.

— Вот черт, — буркнула я, внутренне похолодев: о таком источнике информации я и не подумала.

— Они мне и объяснили, что посмеялась надо мной злая ведьма. Всего одна такая яблонька на всем белом свете и есть. Впрочем, ты не удивляешься. Видать, и сама об этом знаешь, — неожиданно пронизательно заключил Илья, опустив голову. — Вот и вышел я болтун болтуном, а Яга за частоколом веселится, будто и не слышит, как я в калитку стучу. Эх!

— Ну и плюнь на нее, — слегка пристыженно посоветовала я. — Далось тебе это яблоко. Не нашел и не нашел. Значит, не судьба.

— Не могу. Я слово дал.

— Кому это, интересно? — фыркнула я.

Ни о каких торжественных обетах в недавнем разговоре и речи не шло.

— Себе.

На это мне ответить было нечего. Он тоже замолчал, глядя на рубиновые угли, оставшиеся от костра. Какое-то время тишину нарушали только редкие крики ночных птиц и скрип деревьев, чьи верхушки лениво покачивал ветерок. Ночная прохлада постепенно пробиралась под одежду, и я уже начала жалеть, что не могу накинуть на плечи хотя бы волшебную шаль, все-таки было бы не так холодно. Я передернула плечами, невольно поежившись, и отогнала соблазнительную мысль. Уж этот Ежкин аксессуар богатырь узнает даже в темноте. Объясняя потом, откуда он у лесной нечисти взялся.

— Замерзла? — спросил вдруг Илья и плавным движением поднялся на ноги.

Минуту спустя мне на плечи опустилась какая-то плотная ткань, едва заметно пахнущая лошадыми и луговой травой. Не задумываясь, я моментально запахнула импровизированное одеяло на груди, пытаясь удержать остатки ускользающего тепла.

— Прости. Я забыл, что вам все время холодно.

— Кому это «вам»?

— Душам пропащим.

— Это кто еще тут пропащая душа? — слегка рассердилась я и только потом сообразила, что именно ляпнула.

«Черт! Черт! Черт!» — выругалась я, глядя, как брови мужчины взлетают на лоб, и лихорадочно соображая, как выбраться из очередной лужи, в которую посадил меня мой дурной язык.

— А если бы ты яблоко нашел, что бы сделал? — спросила я первое, что пришло в голову.

— Яге бы отдал, что ж еще-то, — пожал широкими плечами Илья.

— И зачем?

— Надо мне, — отвел глаза он.

— Не доверяешь, — протянула я, с трудом сдержав рвущиеся с языка ругательства.

«Да скажи уже, что нечисть спасать надумал! — мысленно понукала я. — Я тебе сообщу, что спасать меня не требуется, и разойдемся как в море корабли!»

Мне бы вспомнить, что ни морей, ни кораблей тут не наблюдается. Может быть, тогда я смогла бы предугадать его ответ.

— Доверяю. Но зачем — не скажу. Вот когда слово свое сдержу, тогда и узнаешь, — упрямо тряхнул головой он.

— Ну и сиди тогда тут один, — обозлившись, я вскочила и, сбросив одеяло в траву, не прощаясь, нырнула в лес.

«Упрямый баран! — ругалась себе под нос я, сердито шагая обратно к частоколу. — Мало мне дураков и подлецов, так еще и честный болван на мою голову приклепал. Ну и сиди тут хоть до морковкина заговенья, спаситель всея попаданок! Чтоб тебя тут комары заели! Может, хоть тогда образумишься!»

В сердцах я даже не заметила, как перемахнула щучьим велением частокол и ввалилась в избушку.

— Ну, здравствуй, гулена, — шевельнулась на лавке темная тень. — А мы уже с Васенькой заждались.

Глава 23

ПО ГРАНИ (окончание)

От неожиданности я попятилась, одновременно пытаюсь рассмотреть, кого еще черти принесли на мою голову. Голос почему-то показался знакомым, но где я могла слышать этот странноватый, чуть шепелявый тембр, сразу вспомнить не получилось.

— Что ж ты ушла, да не попрощалась, неблагодарная?

— Что-то не припомню даже вас, не говоря уже о причинах для благодарности, — проговорила я.

— Да неужели? Ну так я тебе память-то освежу.

Раздался сухой щелчок, будто кто-то хрустнул суставами, и под потолком вспыхнули свечи. Я уставилась на тощую старуху с поистине королевской осанкой. Рядом с ней на лавке, прижав уши, сидел Васька. Рука с длинными ухоженными ногтями бездумно перебирала шерсть у него на загривке. Вот по этому маникюру я ее и узнала.

— Вот это сюрприз... — протянула я, каким-то непостижимым образом сразу успокоившись. Мысли понеслись вскачь. Если меня не посетили временные галлюцинации, то...

Старуха смотрела с такой откровенной насмешкой, что я почувствовала, как в груди зарождается волна холодной ярости. «И тут ложь! Да сколько можно-то?!»

— Что-то ты плохо выглядишь, — хмыкнула я, стараясь не показывать бурю, бушующую в душе. — Не выпалась?

— Держишь удар, молодец, — холодно усмехнулась поздняя гостья, чуть склонив голову набок и рассматривая меня с почти гастрономическим интересом. — И что? Никакого удивления? Вопросов, как я сюда попала? Криков «спасите-помогите!»?

— Ты, пожалуй, поможешь, — отзеркалила ее ухмылку я.

— Не боишься, — задумчиво констатировала она.

— Не боюсь, — согласилась я. — А должна?

— Пожалуй, что и нет. Ты — не должна. Но ты — исключение из правил.

— А я бояться за кого-то не приучена, — съязвила я. — Не то воспитание.

— Заметь, очень правильное воспитание, раз ты здесь порядки наводишь, а не бегаешь по округе с криками: «На помощь! Я сошла с ума!»

— Уже и это выяснила, — хмыкнула я, ногой пододвинув к себе табурет и присаживаясь у стола.

— Я тебе садиться не разрешала, — процедила она.

— А я разрешение и не спрашивала. — Я растянула губы в саркастической улыбке. — Не привыкла. Ведь раньше тебя это ничуть не интересовало.

— Встать! — неожиданно взвизгнула она и щелкнула пальцами.

Табурет как живой выскочил у меня из-под задницы, мгновенно переместившись к противоположной стене. Если бы я не успела схватиться за тяжелый стол, то, скорее всего, позорно растянулась бы на полу.

— А вот это было уже грубо, — прошипела я, кое-как утвердившись на ногах. — Ты вроде как не дома. Мало того, тебя сюда даже никто не приглашал. А в гостях командовать мебелью не принято...

— И? — насмешливо приподняла брови она.

Я пошире расставила ноги, мертвой хваткой вцепившись в столешницу, и ласково улыбнулась:

— Избушка, избушка... А, ну-ка, вытряхни отсюда мою невоспитанную родственницу.

Пол заходил ходуном. Лавка, на которой сидела Маргарита, как мне велено было звать мать, сколько я себя помню, зашевелилась с ловкостью необъезженного мустанга. Маргарита зацелкала пальцами, как кастаньетами, но безуспешно. Стоило ей успокоить одну ножку взбесившейся скамейки, как брыкаться начинала другая. Окно со звоном распахнулось, и милые шторы, разом

удлинившись раз в десять, захлестнули руки обозленной бабки.

Минуту спустя Маргарита, несмотря на все свои усилия, уже наполовину торчала из окна.

— Прекрати! — заорала она, извиваясь всем телом.

— А я что? — хмыкнула я. — Я же тебя не трогаю.

— Прикажи ей меня отпустить! — взывала старуха.

— Чтобы ты опять табуретки гоняла? Это вряд ли, — отозвалась я и похлопала по столешнице. — Давай, милая, от паразитов надо избавляться.

Избушка поднатужилась и с громким, очень неприличным звуком высадила незваную гостью на траву. Мебель тут же угомонилась, и я, подойдя, высунулась в окошко:

— Калитку сама найдешь или попросить избушку, чтобы проводила?

— Пстой! Давай договоримся, — попятилась Маргарита, когда избушка охотно шагнула вперед.

Даже слишком охотно. Я сама чуть из окна не вывалилась, потеряв равновесие.

— Что же ты с этого не начала, когда сюда ввалилась? — прищурилась я.

— Кто ж знал, что ты так обнаглела, пока я тебя не видела, — в сердцах бросила старуха, брезгливо стряхивая травинки с юбки.

— Не обнаглела, а поумнела, — поправила я.

— Один черт, — отмахнулась Маргарита.

Пол едва заметно вибрировал под моими ногами: избушке явно не терпелось проводить гостью. Причем пинками. Но у меня уже появились новые мысли.

— И что ты сможешь мне предложить? — с сомнением спросила я.

— Не надо! — прошипел у меня за спиной Васька, но я только бросила короткий взгляд через плечо:

— Молчи. С тобой я потом поговорю!

— Предложить я много чего могу. Да вот сумеешь ли ты расплатиться? — приосанилась моя лжемамаша.

— Ох ты, как все серьезно, — с сарказмом протянула я. — А мне-то казалось, что у меня беспроцентный кредит, как у самого лучшего клиента. Как-никак я тебя почему-то четверть века матушкой называла. Хотя о чем это я? Как раз это слово ты от меня слышать категорически не желала. Наверное, совесть мешала, да? Ты же мне, как выяснилось, вовсе не мать.

— Не язви, — скривилась старуха. — Мать, бабка, какая разница? Не придушила тебя в колыбели — цени.

— Так я ценю, — закивала я. — Еще как ценю... То есть оцениваю. По моим прикидкам, такое благодеяние тянет на гостеприимство. Как ты считаешь? Могу в качестве ответной любезности предложить тебе отличный газон на опушке. Во-он там, за частоколом. Очень мягкая травка. Правда, там сучья валяются. Леший набросал, когда мне дровишки подкидывал. Но так и быть, это уже пойдет бонусом.

— Сучья бонусом? — опешила она.

— Ну да, — на голубом глазу кивнула я. — Думаешь, перебор? Оно, конечно... Такое место уютное, и топливо для костра в наличии. Что-то я слишком расщедрилась.

— Издеваешься? — обозлилась бабка.

— Конечно, — согласилась я. — А ты чего ожидала? Что я растрогаюсь и упаду на твою впалую обвисшую грудь, поливая ее слезами радости и умиления? Так это, прости, не про меня. В спортивной школе-интернате, куда ты меня законопатил, такому не учат. Впрочем, в низкопробной гостинице, где я оказалась, обнаружив, что ты продала нашу квартиру, тоже.

— Я продала свою квартиру! — огрызнулась Маргарита. — Ты к этим метрам никакого отношения не имела. Я замуж за нее вышла, а не ты!

— Замуж за квартиру? Как все запущенно.

— А ты как думала? Не за сморчка же мне того очкастого идти надо было!

— Хороший мужик, кстати, был. Жаль, умер рано. Помню, я очень жалела, что он мне не отец.

— Там было всего две комнаты, — пожалала плечами старуха. — Тесновато.

— Да? — не поняла, а точнее, не позволила себе понять я. — Не замечала. Ну что ж. Мы в расчете. Квартира была твоя, избушка — моя. Меня государство кормило, тебя — лес прокормит. Ну, наверное. Впрочем, не важно. Ты, помнится, тоже не интересовалась, чем и кто меня кормит.

— Так и выставишь родную бабуку за порог? — прищурилась она. — Я ж вернусь. И уже не буду такой доброй.

— А я пока твоей доброты не видела. Одни претензии и угрозы, — парировала я.

Слова той, кого я так долго считала матерью, попали на благодатную почву. Я уже и сама успела сообразить, что, зайдя сюда однажды без моего ведома, старая ведьма явится еще и еще, пока не добьется того, чего хочет. Не убивать же ее, в самом деле. Я представила себе, как выглядел бы полицейский протокол в таком случае, и невольно прыснула. «Смерть наступила в результате удара тупой избушкой по голове».

— Веселишься? — Старуха скривилась, будто укусила лимон. — Давай, давай. Посмотрю я, как ты повеселишься, когда сюда Марья, мамаша твоя, явится. А уж она проведает, что на Буяне в кои-то веки необученная Яга оказалась, в этом можешь даже не сомневаться.

— И матушку приветим, — бросила я с уверенностью, которую вовсе не испытывала.

— Как бы она тебя не приветила. Ты сама подумай. Мне места Яги не надо...

— Так уж и не надо, Маргарита... Или лучше уж сразу Ядвига? — приподняла бровь я. — Ничего-то тебе не надо, а ломилась сюда, как пьяный прапорщик на сансклад за спиртом.

— Ах, брось свои солдафонские присказки. Когда это было — давно быльем поросло. У меня теперь другие приоритеты.

— И что же это за приоритеты?

— Силой мне напиться надо, — призналась Маргарита. — А то еще помру нечаянно. Для этого нужно тут пожить. А за привет научу я тебя ведьминому искусству.

— А что это тебе вдруг приспичило? — не спешила расслабляться я.

— Так тебя же забрали, — выплюнула старуха, буквально перекосившись от злости.

— А в нашем мире ты где силу... — начала было я, и тут до меня дошло. — Так вот в чем дело...

— Так получилось, — равнодушно пожалала плечами она, и я сжала кулаки.

— Получилось, что ты из меня батарейку сделала?!

— Тебе все равно не надо было.

— А ты меня спросила, надо или нет?! — рывкнула я.

— Спрашиваю, — оскалилась она. — Надо?

— Надо!

— Ну вот. А учиться не хочешь. И где логика?

— Ах ты!..

— Но, но, но... — попятилась Ядвига-Маргарита. — От тебя не убыло.

— А вот с этого места поподробнее. Почему это от тебя убыло, а от меня нет?

— Ладно... В знак моих честных намерений, — фальшиво улыбнулась старуха, — расскажу. Есть ведьмы ученые, есть одаренные, а есть рожденные. Вот у рожденных свой источник в груди. Сколько ни возьми, все рано или поздно восстановится. А ты еще и Яга потомственная. Мне каждую неделю ритуал приходилось проводить, чтобы вокруг тебя летом снег не шел, а зимой цветы не цвели.

— И моего присутствия при этом поганом ритуале не требовалось?

— А зачем? Частиц хватает, волосы там всякие, ногти...

— Так вот какого лешего ты меня под мальчишку стричься заставляла!

— Ну не зубы же выдергивала, — снова пожалала плечами она. — А волосы удобнее хранить и использовать, чем ногти.

— Какая заботливая...

— Как умела. Ну что, будешь учиться?

— Не буду, — покачала головой я.

— Как?! — заметно опешила Ядвига.

— А вот так. Марья, матушка моя драгоценная, еще неизвестно когда явится, и явится ли вообще. А такая змея, как ты, мне тут без надобности. И наврешь — недорого возьмешь, и убить не постесняешься.

— Слово даю, что ничего тебе плохого не сделаю! — рявкнула старуха, которую, походу, действительно основательно припекло. Так основательно, что выметаться с полянки, которую я за последние дни стала считать уже чуть ли не собственной вотчиной, она категорически не желала. — И научу всему, что о силе Яги сама знаю!

«Кто ж нечисти на слово верит?» — ухмыльнулась про себя я, вспомнив Илюшку, и уже хотела отказаться, как в бедро мне впились острые когти.

— Да твою ж... — взвыла я.

— Ведьмино слово с нее требуй, глухая тетеря! — на грани слышимости прошипел кот. — Его не нарушит.

— Ну что, по рукам? — поторопила Ядвига.

— Ну, если ты настаиваешь... — протянула я, лихорадочно взвешивая все за и против.

С одной стороны, оставлять здесь Ядвигу опасно. Плевать она хотела на любое слово, хоть простое, хоть ведьмино. Лазейку будет искать усиленно и в конце концов найдет, потому что всего не предусмотрит. С другой, даже если я ее и выгоню, где гарантия, что она не вернется обратно через час или два? Не ходить же дозором под забором, как те витязи из сказки. А так будет на глазах сидеть хотя бы. Как говорится, ядовитую змею лучше не выпускать из виду.

— Ведьмино слово давай, что убить меня не будешь даже пытаться и всему, что знаешь, научишь, — сказала я наконец. — Тогда оставайся.

— Да ты!.. — вскинулась Ядвига, но я так глянула, что ругаться ей сразу расхотелось. — По рукам, утроба ненасытная! — выплюнула она. — Даю ведьмино слово, что убивать тебя не буду и научу всему, что знаю, если ты меня в лес не погонишь. Довольна? И заканчиваем этот фарс. Я спать хочу. Шутка ли, через миры перейти пришлось.

— Довольна, — кивнула я, потянувшись к ставенке.

— Эй! Куда? Избушку-то разверни!

— А зачем? — прикинулась наивной чукотской девушкой я.

— Спать я где, по-твоему, буду?!

Я подавила желание рявкнуть: «А мне какое дело?» — и показала на баньку:

— Там. В избешке места мало. Нам двоим точно не хватит.

— Ах ты... — с места в карьер понеслась обозленная старуха, но я ее уже не слушала, попросту захлопнув ставни.

Разговор на грани вытянул из меня все силы. А ведь еще предстояло разобраться с котом. Кто он? Дурак? Жертва? Или такая же подколотная гадина, как и моя мнимая матушка, и не помешает ли его отправить в баньку к любезной хозяйке? Думать о предстоящей учебе и тех целях, о которых Ядвига наверняка «запамятовала» мне сообщить, я сейчас была и вовсе не способна.

Глава 24

КОШАЧЬИ ФОБИИ

Не скажу, что я питала к своей матери слишком уж сильную любовь. Ее саму я видела редко, что-то хорошее от нее — еще реже. Но все-таки вот так с бухты-барахты выяснить, что она мне не мать, а бабка и не отправила меня к праотцам только потому, что пользовалась... Скажем так, это сшибало с ног не хуже тарана. Я глубоко вздохнула и насилу отлепилась от подоконника, у которого простояла без движения минут пять, пытаюсь переварить свалившиеся на меня новости.

Васьки нигде не было видно. Я села на лавку, устало откинувшись спиной на бревенчатую стену, и бросила в пространство:

— Выходи. Хуже будет.

С минуту ничего не происходило, но потом котяра все же сделал правильные выводы и высунулся из-под печки.

— А я что? Я ничего...

— Ну да. Ничего не сделал хорошего, — кивнула я. — Это верно. Так что мешает мне сейчас отправить тебя в баньку к Ядвиге? И пусть потом Яга сама разбирается, кто из вас что сделал и чего не сделал.

— Только через мой труп! — взвыл кот, попятившись обратно. — Не пойду к этой людоедке! И не проси!

— Так я просить и не собиралась, — сузила глаза я.

— Ну, Васенька... — тут же сменил тактику хитрец, — она же от меня даже косточек не оставит...

— Что она здесь потеряла? — спросила я, не имея ни сил, ни желания слушать эти завывания.

— Тебя потеряла, — насупился Васька. — Она ж сама сказала.

— И кто ее сюда пустил? Ты же меня уверял, что без моего разрешения никто не войдет и не выйдет.

— К Ядвиге это не относится, — качнул головой кот. — Она и при старой Яге сюда едва не вошла. А тут Яга молодая да необученная... Прорвалась, зараза.

— За мной? — прищурилась я и пристально посмотрела на кота в ожидании ответа: будет врать или нет? Если Ядвига настолько сильна, что нашла меня даже в другом мире, то она не могла не вычислить, что на поляне меня в тот момент не было. И если уж явилась именно за мной, то наверняка взяла бы меня за шкурку именно в лесу, какой смысл прорываться в дом? Я, может, и не разбиралась во всяких местных магиях, но логику даже тут никто не отменял. И сейчас эта самая логика была моим единственным оружием.

— За силой Буяна, — ответил кот после продолжительного молчания. — Почуяла, гадина, что Яги тут нет. Уж не знаю, почему тебя за Ягу не приняла. Впрочем, она же знала, что ты необученная, хоть и рожденная. Наверное, понадеялась голову тебе задурить.

— Что же это за сила такая? Ее что, можно в карман собрать и унести? — слегка рассердилась на очередные туманные объяснения я.

— Одаренная ведьма на себя стянуть может много, если знает как, — неохотно ответил Васька. — А если еще и защиту снимет, что Яга в солнцестояние завивает, то этой силы на три жизни хватит. Тогда уж можно и с рожденной ведьмой потягаться.

— С рожденной — это с Ягой? Той, что на курорт укатила? — уточнила я.

— С рожденной — это с тобой. Курортница наша — одаренная, как и сама Ядвига.

— Рожденные, одаренные... Ну-ка, объясни нормально! — взорвалась я.

Кот прижал уши, заползая еще глубже под печку так, что только глаза сверкали, и промолчал.

— Класс! — Я в сердцах треснула кулаком по столу. — Одна бросила тут, и вертись, как хочешь! Другой за слово удавится... Знаете, что?! Идите-ка вы! К такой-то матери! Оба! Сами тут разбирайтесь, кто из вас Ядвига, кто Яга, а кто вообще кот! А я пошла!

— Уйдет она, как же, — прошипел из-под печки Васька.

На это я даже не посчитала нужным ответить. Швырнула на лавку котомку, которая так и провисела все это время у меня на плече, и, пинком распахнув дверь, выскочила в прихожую.

«Да пошли они все к черту вместе с их проблемами! Спрошу у Илюшки, в какой стороне это берендейское царство, и только меня тут и видели! Уж найду, как себе на жизнь заработать! Не может быть, чтобы у человека двадцать первого века не нашлось чего-нибудь полезного в голове!»

— Ты чего, правда, уходишь? — безмерно удивленный голос кота нагнал меня уже на крыльце.

— Нет, я тут в театр играю, — огрызнулась я.

Пока кот моргал, соображая, я успела дойти до калитки. Тут он снова меня догнал и встал на дороге.

— Пошли, все расскажу.

— Это я уже слышала, — скривилась я, пытаюсь обойти наглое животное.

— Слово даю, что все расскажу, — замотал лобастой башкой кот и добавил совсем непонятное: — Уж лучше ты, чем Ядвига.

Я посмотрела на черный ночной лес, где во тьме вспыхивали и гасли красные огоньки, и решила, что уйти можно и утром, а если я выслушаю кота, от меня не убудет.

— Хорошо. Послушаем, чего твое кошачье слово стоит.

Мы вернулись в избушку, радостно распахнувшую дверь мне навстречу. Под потолком все еще горели наколдованные Ядвигой свечи, и небольшая комната смотрелась куда уютнее, чем угрожающий лес, набитый неизвестными тварями. Демонстративно не замечая кота, я спустилась в подпол и чуть не села прямо там: все овощи вперемешку лежали на полу. Даже морозильный ларь, и тот кто-то не поленился опустошить, добавив к царящему бардаку куски замороженного мяса и здоровенный свиной окорок. Я моргнула, обводя представшую картину ошалелым взглядом:

— Это что?!

— Это Ядвига волшебное яблочко искала, — пояснил сверху кот.

— Так оно же в горнице, — не подумав, ляпнула я.

— Где?! — опешил кот.

— В горшке пустом на полке.

Наверху зашуршало, с громким треском что-то разбилось, и все снова стихло. Я запоздало подумала, что, пожалуй, не стоило говорить котяре, помогающему непонятно кому, куда спрятала яблочко, и тут же выбросила это из головы. Пусть сами разбираются, кто на сей фрукт руку или лапу наложит.

Кот снова появился в освещенном проеме люка в подпол.

— Вот теперь точно все расскажу, — заявил он.

— Ну, ну, — фыркнула я, не желая задумываться над хитросплетениями кошачьих резонов, и пошла было обратно к лесенке, так и не взяв яблоки, за которыми, собственно, спустилась.

Но Васька оказался шустрее и уже торчал у меня на дороге.

— Лапу, то есть руку положи на стену. Вон там, возле решетки.

— И что будет? Мне придется дожидаться твою Ягу в клетке? — скривилась я, не спеша выполнять непонятное требование.

— Не.

— Ладно, — протянула я и, крепко прихватив котяру за загривок, подошла к нужной стене.

— Эй! Ты чего?!

— Если меня сейчас куда-нибудь закинет, ты окажешься там вместе со мной, — пожала плечами я. — Сырая кошатина, конечно, не то, что подают в приличных ресторанах, но за неимением лучшего...

— Котоедка! — буркнул Васька. — Вот ведь дикая кровь.

Но выдираться он все-таки не стал, и я рискнула прислушаться к совету. Стоило мне положить руку на указанное бревно, как стена просто истаяла под моими пальцами, открывая еще один отсек и без того необъятного подполья.

«Да когда же оно кончится?!» — покачнувшись от неожиданности, проворчала себе под нос я.

— Вот, — мотнул головой Васька. — Эту дверь лишь рожденная ведьма открыть может. Ну или Яга, которую по всем правилам Буяну посвятили. Только сразу все не хватай. И без присмотра не оставляй. Нечего Ядвиге в эти книжки нос совать. И так уже разузнала больше большего.

— Так... — протянула я, открыв первый попавшийся том размером с хороший кирпич и такой же тяжелый. — «Травы вешние заморские колдовские».

Васька молча наблюдал, как я одну за другой открываю старые, потрепанные книги.

— «Буян, как он есть, зачем есть и кому даден»... Угу... И с чем его есть, если нечего есть, — фыркнула я, рассмотрев буквы с облетевшей позолотой на форзаце фолианта, занимавшего половину столешницы, и взяла небольшую книжицу в мягком переплете. — «Вещи колдовские, как их творить, чинить и себе на службу ставить». Тут же наверняка написано, как самобранку в чувство привести! И ты молчал, скотина!

Кот только уши прижал в ответ на мое возмущение.

— Это тебе придется объяснить, — буркнула я. — Тут же все есть. Ответы на все мои вопросы. А ты мне писульки Яги подсунил. Еще бы ее детскую медкарту притащил. Там тоже небось имеется что почитать!

— Да чтобы я тебе все показывал?! — взорвался котяра. — Я тебя знать не знал. Яга умотала, а на свое место пришлую бросила. Даже не присмотрелась толком, что ты такое. Искру дара увидала и хвостом вильнула на свои куророрты! Я как увидел, что ты рожденная, чуть хвост со страха не сгрыз! А ну как не захочешь уходить, если узнаешь, что Буян тебе дать может?!

— Если все такое классное, так чего же Яга от его «даров» так поспешно удрала?! — обозлилась я. — Что он вообще может дать, твой драгоценный Буян?! Тридцать три голодных обалдуя, которых легче убить, чем прокормить, и которые от скуки половину этого самого Буяна снесут и не заметят! Это круто?! Или приколы в другом? Что тут такого хорошего?! День и ночь стучащие в калитку дураки и царевичи?! Так дураков и в нормальном мире полно, только успевай отмахиваться, а царевичей я пока не видала! Хотя нет, вру! Царевну видала. Она, правда, зеленая, в бородавках и матом ругается, как сантехник из ЖЭКа. Но корона была, да. Такая, что даже в куче навоза не свалилась.

— Силы тут немерено, — тихо сказал Васька, когда поток моего красноречия несколько иссяк. — Она Яге дадена, чтобы мир наш от чужого да злого скрывать. Но кое-кто и свою дурь потешить горазд. Я давно тут живу. Всякого навидался. И сказки про Бабу-ягу, которая гостей на лопату и в печь, а избу черепами украшает, не сказки вовсе. Было и такое. Всякое было...

Кот вздыбил шерсть на загривке, втягивая и выпуская когти. Воспоминания ему явно не доставляли особого удовольствия.

— Вот последнюю пару столетий настоящая Яга была. Зелья завивала, мир хранила да никого просто так не губила. Потом устала да внучку на свое место поставила. Ее ты видела. Своей силы у нее немного. Одаренная она, не рожденная. С обрядами ей Черномор помогает — сама не справится. Зато девка незлая...

— Да уж, незлая... — поежилась я, вспомнив свое знакомство с актуальной Ягой.

— Незлая, — с нажимом повторил кот. — Ни лопаты, ни косточек, ни чего похуже...

— Ну, предположим. И что?

— Да ничего! Она умотала, дуреха малолетняя, а тут ты на источнике Буяна крылья расправила. Я так-то не больно-то обрадовался, что дочку Марьи Моревны здесь без присмотра оставили. А уж как разобрался, что ты такое, и все, чуть не облез со страха. Опять, думаю, войне быть, когда та вернется, а эта уходить не захочет.

— Да с какой мне радости воевать?! — возмутилась я. — Жду не дождусь, когда твоя курица... Прости, курортница обратно вернется.

— А мне откуда об этом знать было? — огрызнулся Васька. — Теперь вот знаю. Вроде как. Ну и помогу чем смогу.

— Угу... — Я все-таки нашла на дне ящика чистое яблоко и вгрызлась в румяный бок, прикидывая, что делать с тем, что сказал котяра.

— Учись у Ядвиги, — продолжал между тем он. — И всю ее науку по этим книжкам проверяй. Сюда ей больше ходу нет — избушка не пустит. Решешь потом молодку прогнать, так тому и быть, раз она такая безголовая оказалась. Убивать ее ты не станешь, а на большее я и не надеялся.

— А что, после такой бурсы одна дорога — в Бабки Ежки? — уточнила я, поймав за хвост неожиданную идею.

— А ты еще куда-то собралась? — вытаращился котяра.

— Не то чтобы собралась, но... — впервые за сегодняшний вечер улыбнулась я.

Глава 25

НАЧАЛОСЬ В КОЛХОЗЕ УТРО

Делиться с котом своими планами я не стала. Меньше он знает — лучше сплю я. Вместо этого я расспросила о появлении Ядвиги. И тут же убедилась, что не зря придержала язык. Погром в подполе устроила именно старуха, когда не обнаружила на волшебной яблоньке никакого, даже недозрелого яблочка и, ввалившись в избушку, приперла сонного котяру к стенке. Как именно она это сделала, Васька так и не признался, только уши прижимал то ли испуганно, то ли покаянно.

Зато он бодро поскакал перепрыгивать чертов фрукт, как только услышал, что старуха до него так и не добралась. Яблоко я у него отобрала и сунула в тайник с книгами.

— Так даже лучше, — важно согласился кот. — Мне спокойнее будет.

Он запрыгнул на лавку, потоптался по моему тулупу, умащиваясь, свернулся и закрыл глаза.

— Ты что это, спать собрался? — наигранно удивилась я.

— А что? — Васька приоткрыл один глаз. — Ночь на дворе.

— Напомни мне, почему Ядвига в подполе все вверх дном перевернула?

— Яблочко искала, — сонно буркнул кот. — Я же тебе говорил.

— Точно! — картинно обрадовалась я. — И как я могла забыть?! А кто ей эту гениальную идею подсказал?

— Ты на что намекаешь? — встревожился Васька. Даже голову поднял.

— Я не намекаю. Я прямо говорю. Кто напакостил, тому и убирать.

— Ты что, опять Ядвигу сюда звать собралась?! — вытаращился кот.

— Не, что ты. Конечно нет.

— Фыр-р-р... Я уж думал, с ума сошла девка. Тогда кто там убирать будет?

— Ты.

— Точно сошла. — Васька снова опустил голову на лавку. — Я же кот. У меня лапки!

— А еще длинный болтливый язык, — фыркнула я и уже серьезным тоном добавила: — Или ты идешь убирать бардак, или ночевать будешь в баньке. И не только сегодня.

— Живодерка! — возмутился лентяй, сообразив, что я не шучу. — Как я, по-твоему...

— Так же, как горшок со сметаной открываешь, — подсказала я, насмешливо глядя на котяру. — Самобранку развернуть-включить ума хватило, сметану достать сумел? Вот и поработай на общее благо.

— Да откуда ты... — ляпнул кот, опешив, и осекся. Но было уже поздно.

— Вылизываться лучше надо, — хмыкнула я. — Ну или не совать морду в горшок по самые уши. У тебя даже затылок в сметане. Хотя... Может, это тебя Ядвига угощала?

— Она если и угостит, то тумакami, — проворчал он. — Может, завтра...

— Сейчас, — отрезала я. — Завтра мясо разморозится.

— Живодерка, — повторил Васька, но уже без праведного гнева, и поплелся к люку в подпол.

Я проводила его самым суровым взглядом из своего арсенала и с хрустом потянулась. Действительно, спать пора.

Остаток ночи я и правда умудрилась поспать. Хотя дверь на всякий случай забаррикадировала, ставни закрыла и не поленилась сделать строгое внушение избушке по поводу незваных гостей.

Разбудили меня традиционным способом. Сквозь ставни пробился молодецкий бас:

— Хозяйка!

На какую-то долю секунды я позавидовала своей бабке: та-то ночевала в баньке за огородом. Туда эти вопли почти не долетали.

«Как же вы меня достали», — проворчала я, натягивая сарафан на широкую рубаху.

Проходя по коридорчику, я несколько раз плеснула из бочки холодной водой в заспанную физиономию, утерлась рукавом и прилепнула на место волшебный нос. Накинуть шаль было делом одной секунды. В результате из комнаты вышла молодая заспанная девица, а на крыльце появилась старая злобная бабка. Прикинув, как такие метаморфозы будут смотреться со стороны, я невольно улыбнулась. Витязь, выкликавший меня, от этой улыбочки шархнулся как черт от ладана.

— Я, это... Потом зайду, — поспешно проговорил он и исчез за частоколом.

«Смотри-ка, не врал всякие коучи: улыбаться с утра полезно для поддержания хорошего настроения», — подумала я и, почесывая поясницу, пошаркала к будочке у забора, мурлыкая себе под нос мотивчик старой детской песенки. — От улыбки станет всем страшней, от улыбки гости мигом разбегутся. Поделись улыбкою своей, и тебя тревожить утром зарекутся. И тогда наверняка вдруг заплещет Баб-яга, ну а Леший запиликает на...

Дощатая дверь неприметной будочки, куда по утрам стремилось все мое естество, вдруг распахнулась, и оттуда выплыла Ядвига. Настроение мигом ухнуло куда-то ниже уровня моря, и петь сразу расхотелось.

— Утречка, внученька, — оскалилась фальшивой улыбкой она.

«С голубого ручейка начинается река, параноя начинается с улыбки», — констатировала я про себя и, вскинув бровь, процедила:

— Мы с тобой вчера договор об аренде жилья заключили, а не пакт о дружбе и любви на веки вечные.

— Спасибо, что напомнила, — фыркнула Ядвига. — А я-то уж, старая, размечталась. Эх... Погубит меня когда-нибудь жадность проклятая.

— Жадность вообще усложняет жизнь, — поддакнула я с сарказмом.

— Это точно, — закивала старуха, посторонившись и предупредительно придерживая дверь. — Вот не пожадничала бы я четверть века тому назад, придушила бы одну мелкую гадину в колыбели, насколько легче было бы теперь жить.

— А бесполезные сожаления жизнь не только усложняют, но и укорачивают, — парировала я, с намеком посмотрев в сторону калитки. — Какое у нас расписание уроков, бабуля?

— Как только, так сразу, — буркнула Ядвига, не отказав себе в удовольствии отпустить дверь ровно в тот момент, как я двинулась вперед.

— Ну, значит, через часик, — кивнула я, поймав створку за секунду до того, как она треснула бы меня по морде. — Тут я предпочитаю уединение.

Ядвига буркнула что-то невнятное и ушла в сторону бани. Я же, разобравшись с насущным, вернулась в избу и, поедая ненавистные сырники, прикинула, как объять необъятное. То есть как успеть за день все, что требовало моего внимания.

— Хозяйка!

Я вышла во двор, уже привычно открывая калитку для витязей, присланных Ростиславом на хозяйственные работы. Минут через сорок все завертелось. Я присела у окна, поджидая Ядвигу, и с удовлетворением посмотрела на рабочую суету.

Один из витязей махал косой, в очередной раз ликвидируя последствия визита гусей-лебедей. Другой с бешеной скоростью чистил картошку: натренировался за последние дни, бедолага. Третий орудовал у большого котла. Четвертый перекапывал освободившиеся грядки. Пятый колол дрова у частокола. Шестой шел...

«Стоп, а шестой откуда взялся? Их же всегда пятеро приходило...» — протянула я, переходя к другому окну и уже предчувствуя очередную гадость.

Шестой как раз целеустремленно топал куда-то в сторону ручья, размахивая руками, как ветряная мельница. В какой-то момент он энергично шлепнул себя по лбу, едва не сбив капюшон полотняной рубахи-куртки. В таких куртках, дополненных лаптями и штанами из грубого льна, щеголяли все

витязи с тех пор, как я запретила им сверкать и доспехами, и голыми торсами. Вот только капюшоны, неведомо зачем приделанные к этой одежде, никто из них не натягивал.

Незнакомец снова зло шлепнул себя по щеке, сбросив-таки ненужное дополнение, и я увидела выгоревшие на солнце кудри Ильи. «А он здесь откуда? — опешила я, машинально проверяя, на месте ли нос. Нос был на месте, а вот мой ступор, вызванный неожиданностью, быстро прошел, и я обозлилась. — Никто без моего разрешения не войдет?! Витязи верные, неподкупные?! Ну, держитесь, кумиры домохозяек. Сейчас бабушка будет делать из вас звезд Болливуда. В смысле, плясать будете как ужи на сковородке!»

Бормоча все это себе под нос, я уже со всей доступной в образе старухи скоростью неслась к ручью, куда ушел Илья. Парня долго искать не пришлось. Он стоял напротив яблоньки, потерянно уставившись на чахлое растение, и машинально отмахивался от тучи комаров, круживших над ним, как пикирующие бомбардировщики.

— Чей-то не припомню, когда это я тебя сюда приглашала. Котик мой тоже гостей не звал. Так как ты явился? — прошамкала я, заставив незваного гостя подскочить от неожиданности.

К тому же этот паршивец еще и по боку начал шарить в поисках отсутствующего меча. Вот тут-то я разозлилась по-настоящему. Вот тебе и былинный герой! Уголовник, вот он кто! Мало того что на грабеж среди бела дня решился, так еще и не вовремя вернувшуюся хозяйку прирезать мечтает.

— Через забор.

— Он же высокий.

— Нашел место пониже, — упрямо соврал Илья.

— И одежду там же, на заборе, нашел? — прошипела я прямо в припухшую рожу непрошеного татарина, потеряв остатки терпения. — Принес яблочко, касатик?

— Не нашел я яблочко. Твой...

— Так чего ж пришел? — перебила я, мигом догадавшись, что он собирается сказать. — Тебе что было велено? Без яблочка наливного волшебного не возвращаться. Так?

— Так, но...

— Так катись обратно через забор! — рявкнула я. — Еще раз явишься незванный, на косточку посажу, в печь суну и буду потом на лопатах кататься-валяться... Э...

Я сообразила, что что-то перепутала, но Илья все равно меня уже не слышал. Тучи сгустились мгновенно, в небе громыхнуло, и парня швырнуло на землю, словно в спину ему врезался здоровенный кулак. Он попытался подняться, но куда там. Даже удержаться на месте, и то было невозможно. Невидимая сила покатила его по траве прямоком к частоколу. Я еще договаривала какую-то чушь про лопаты, а Илья уже кувырком летел через забор, нелепо размахивая руками с зажатыми в кулаках пучками вырванной травы. Глухое «шмяк» послужило финальным свистком этой безобразной сцене. Тучи тут же рассеялись, будто их и не было, и все стихло, даже ветер.

— Сильна... — прозвучало у меня за спиной, и я резко развернулась, повторив ужимки Ильи до мельчайших подробностей.

Слава богу, хоть к холодному оружию я не привыкла, а потому шарить по бокам в поисках ножичка не стала. А вот об отсутствии пристрелянного АК на мгновение пожалела, это было. Да и кто бы не пожалел, обнаружив у себя за спиной зловредную Ядвигу?

— Сильна, — повторила она с затаенной насмешкой. — А вот над образом надо поработать. «Катись отсюда!» хорошо прозвучало. Но все прочее оставляет желать много лучшего.

— Вот и поработаем, — огрызнулась я. — Исключительно поэтому ты не летишь через забор так же, как и он.

— Тогда пошли работать, — хмыкнула Ядвига. — В избу-то хоть пустишь?

— Там под яблоней удобный стол, — отказала я. — Ты иди, а я через пару минут подойду. Есть у меня еще одно дельце незавершенное.

Глава 26

АНАЛОГ ПЕРВОГО СЕНТЯБРЯ

— Чуют кошки, чье мясо съели, — проворчала я, заметив, как по мере моего приближения линяют в разные стороны храбрые витязи.

Тому, кто колол дрова, срочно понадобилась новая охалка сучьев, хотя и то, что лежало у колоды, можно было еще долбить до самого вечера. Другой замахал косой с такой скоростью, что лезвие слилось в один смазанный полукруг, и диким зигзагом «укопился» за избушку, подальше от злобной старухи, то есть от меня. Огородника вообще нигде не было видно — залег, походу. Как и чистильщик овощей. Тот тоже будто испарился, то ли закопался в кучу очистков, то ли еще куда-то заныкался.

На расправу мне достался только один неудачник — парень, что орудовал у котла. Ему слинять было некуда. Он, правда, как-то странно поглядывал на здоровенный котел, но бульон уже кипел ключом, поэтому он с тяжелым вздохом поклонился:

— Здрава буде, хозяйка!

— И тебе не кашлять, — фыркнула я. — Вы зачем мне сюда диверсанта привели?

— Кого? — округлил глаза парень.

Я с трудом удержалась от того, чтобы не хлопнуть себя по лбу, и пояснила:

— Илюшку рыжего зачем с собой протащили?

— Дык мы это... — замялся витязь.

— Если помогать бабушке надоело, так и скажите, мигом отсюда покатитесь...

— Не надо!

— Тьфу ты! Отвечай, черт тебя дери, зачем Илюшку притащили?!

— Дык это... — Парень почесал в затылке.

— Дык что? — поторопила я, нетерпеливо постукивая босой ногой по земле.

— Надобность у него была! — выпалил витязь и тут же втянул голову в плечи, будто ждал, что ему на загривок сейчас обрушатся громы и молнии.

Чуть не обрушились, но я вовремя прикусила язык, напомнив себе, что, если к возвращению Яги богатырей станет на пару штук меньше, не обрадуются ни она, ни Черномор.

— Что за надобность? — тщательно взвешивая слова, проговорила я.

— Да беда у него приключилась, — пояснил парень, сообразив, что гроза если не отменяется, то, по крайней мере, откладывается. — Прокляла его нечисть лесная. Ни глаз сомкнуть, ни воды глотнуть — со всего Темного леса на него комары слетелись. Того и гляди насмерть закусает.

— Комары? — Я настолько опешила, что на мгновение даже вылетела из образа злобной Бабки Ежки.

— Агась! — приняв шок за проявление сочувствия, обрадовался витязь. — Совсем извелся мужик.

— Ах, извелся, — спохватившись, я снова сдвинула брови. — А ничего, что этот закусанный первым делом в мой сад поскакал яблочко воровать?!

— Дык ты ж, хозяйка, сама ему такую службу заказала, — округлил глаза парень.

— Заказала. Заказала... Заказала, чтобы он мне яблочко принес! А ну как бы он с этим яблочком да в калитку?!

— Не, — уверенно помотал головой витязь. — Он слово дал, что как в руки возьмет, так сразу тебе и отдаст.

— И ты поверил?!

— Дык мы пока лжу видеть не разучились.

Черноморов воспитанник заметно удивился, и я поняла, что в очередной раз промахнулась. «Учиться, учиться и еще раз учиться! — пообещала я себе. — А пока выкручиваться, выкручиваться и еще раз выкручиваться!»

— Так... Еще раз сначала. Воришку этого какая-то нечисть прокляла, и вы решили, что если пустите его в мой сад, то это ему поможет?

— Ну да, — расплылся в улыбке парень. — Ты, хозяйка, добрая. Прежняя-то ток кричала, ругалась да с Черномором по углам бегала.

— Прежняя? — сглотнула я.

— Дык не дубовые, чай, — подмигнул витязь. — Чуем, коли к нам по-человечьему. Тем и ответим.

— Хотя не каждому отвечайте, — внезапно ослабевшим голосом проговорила я. — Только слухов мне и не хватало.

— Разумение имеем, — с достоинством кивнул он. — Прости, что с Ильей прогневали. Токмо пропадает мужик ни за грош. Ты уж помоги ему, сделай милость.

— С этого и начинать надо было, — проворчала я.

— Я и начал, да, видать, не ко времени. Уж больно у тебя улыбка была голодная. Думаю, добрая-то добрая, а все ж Яга наша хозяйка. А ну как про лопату вспомнит?

— Надо будет, и вспомню, — буркнула я. Но обалдуй только улыбнулся еще шире. Плюнув, я развернулась к яблоне, бросив уже через плечо: — В другой раз лучше спроси.

— Вдругорядь умнее буду, — поклонился витязь.

— Распустила ты их, — приветствовала меня бабка, едва я подошла к большому столу под яблоней. — Того и гляди на шею сядут. И будешь ты, девка, порты тридцать три раза в день стирать.

— Угу, и шестьдесят шесть носков в сутки штопать, — офызнулась я. — Кошмар! Куда бежать, как спастись? Впрочем, сейчас у нас по плану учеба, значит, побег откладываем на неопределенный срок.

— А учеба уже началась, милая, — осклабилась Ядвига, расслабленно откинувшись на ствол старой яблони и закинув ногу на ногу. — Вот что ты про витязей знаешь?

— Что их тридцать три штуки, силы на полсотни хватит, а дурь и на сотню поделить можно, да еще и лишняя останется, — хмыкнула я.

— Это верно. Да только не по дури да по силе их в терем на взморье принимают. Одаренные они. Кто больше, кто меньше, а все же все. Ложь чувствуют, чтобы вражина не обдурил ни в бою, ни в жизни. Мощи себе добавить могут. Не навсегда, конечно, но на битву хватит. Эти тридцать три обалдуя мамыши твоей армию раскидают да не особо запыхаются. Недаром она сюда не суется, а все с князем русским бодается.

— Вот оно что... — протянула я, тоже присаживаясь к столу. — Где ж это столько колдунов набрали?

— А мало ли их по свету бродит, — махнула рукой Ядвига. — Каждый богатырь не только силой человеческой одарен. Иначе никогда богатырем бы не стал, так простым воем бы и помер. Понятно?

— Понятно. Но было бы еще понятнее, если бы ты сама нормально заговорила. Нечего мне тут сказочную атмосферу нагнетать.

— Вот поколение неблагодарное. Учишь их, можно сказать, за спасибо, то есть даром, а они еще и претензии выставляют, к словам цепляются. Или это только ты у нас такая одаренная уродилась?

— А я вроде как, по твоим же словам, рожденная, — прищурилась я.

— Да не в том же смысле! — сплюнула Ядвига, но со сказительного мотива, слава богу, сбилась. — Рожденная ты, рожденная. Свой источник в груди носишь. Одаренные, те силу только взаймы брать могут. У мира, у людей, это уж как получится.

— Это я и так знаю, — кивнула я. — Кстати, когда долги отдавать планируешь? Или твое «взаймы» — это на веки вечные?

— Считаю, что это расплата за то, что я тебя от Марьи увезла, — скривилась старуха. — А то отправилась бы на алтарь и охаметь так и вовсе не успела бы.

— А вот с этого места поподробнее, — насторожилась я.

— А что там поподробнее? Колдовство — штука простая. Дар либо есть, либо его нет. У кого есть — тот одаренный. У кого к дару еще и свой источник магии прилагается — рожденный. Те, конечно, посильнее будут и дурить могут так, что чертям в аду тошно будет. Сестричка моя такая, чтоб ей икалось, жлобине, где бы она ни была.

— А ученые тогда кто?

— Те, у кого дара нет, а колдовать очень уж хочется, — брезгливо поморщилась ведьма. — Костыли всякие используют, заклинания, артефакты, амулеты и прочую дрянь. Ну и жертвы, куда ж без них.

— Значит, Марья — ученая?

— Жадная она очень, а не ученая. Источника ей не досталось, но дар есть, и неслабый. Да только дочурке моей все мало. Мужиков мало, страны своей мало, ну и силы тоже. Ничем не брезгует. В том числе и жертвами. Тебя вот тоже на алтарь хотела отправить. От рожденных столько получить можно... Нам обеим бы на жизнь вперед хватило. Но нет. Все себе, все в карман. А мать побоку...

— Полегче, бабуля, — разобравшись, о чем речь, я передернулась всем телом и с нескрываемым отвращением следила, как ярко-красный язык старухи то и дело плотоядно скользит по бескровным губам. — Жертва не состоялась, и ты сейчас именно с ней разговариваешь.

— Ну да, — спохватилась Ядвига. — Тоже верно. Так чему же тебя учить, несостоявшаяся ты моя?

— А всему, бабуля, как обещала. Начнем, пожалуй, с колдовства. Как мне вот этот стол в труху превратить.

— Наша кровь, — фыркнула бабка. — Ну что ж, слушай...

Я отвлеклась всего однажды, проследить, чтобы явившиеся на обед витязи опять не притащили ко мне во двор контрабанду из рыжих берендеев, да перекусить. Все остальное время Ядвига говорила, а я слушала и запоминала. Между делом выяснила, и как меня угораздило проклясть невезучего Илью, и как его от этого проклятия избавить. Но это была только малая толика информации, вываленная на мою голову бабкой, отрабатывающей наш договор.

Надо признать, что учительница из ведьмы получилась паршивая. Она перескакивала с одной темы на другую, отвлекалась на третью, а заканчивала вообще четвертой, той, которую начинала час назад. Но у меня была хорошая практика в интернате, где никто особо не заморачивался школьными успехами воспитанников, лишь бы были успехи спортивные. Так что хоть и с трудом, но за разговором следила и даже откладывала многое в голове.

Позже, когда Ядвига, наевшись оставшейся от обеда оленины, отправилась обратно в баньку, я еще и закрепила все полученные знания, основательно покопавшись в книгах Яги. Разобидевшийся за внеплановую трудовую активность Васька на глаза мне не показывался, так что меня никто не отвлекал. После трех часов изысканий, когда глаза сами собой начали закрываться, я убедилась, что, по крайней мере, сегодня бабка внучку не дурила и рассказывала хоть и путано, но правильно.

Но самой главной мыслью, которую я усвоила за сегодняшний день, был одновременно простой и безумно сложный постулат: магия интуитивна. Одаренным и рожденным не нужны путанные заклинания и сложные амулеты вкупе с волшебными палочками. Мысль материальна, и при должном настрое превращается в магический импульс. А уж его сила зависит от многих факторов, начиная от уровня магического фона и заканчивая умением представить конечный результат.

«А кое-кому и представлять ничего не надо, — проворчала я себе под нос, переодеваясь перед сном. — Так могу настроиться, что представить конечный результат не получится при всем желании!»

С долей раскаяния я подумала об отбивающемся сейчас от крылатых кровососов Илье, но тащиться в лес и не подумала. «Завтра... Все завтра. И по-умному. Хватит спонтанные грабли раскладывать на собственном пути. Одну ночь еще переживет как-нибудь. Должна же быть хоть какая-то расплата за попытку такого наглого грабежа!»

Я зевнула и улеглась. Утро вечера мудренее.

Глава 27

ДЫМ НАД ЛЕСОМ

Вопреки обыкновению, на этот раз никто не орал у меня под окнами и выпалась я на славу. Когда извечный зов природы вытащил меня из-под тулупа и погнал в привычную будочку у частокола, солнце уже стояло в зените. Завершив неотложные дела, я заинтересовалась, а почему, собственно, мне сегодня дали поспать.

В воздухе слегка пахло дымком, но у большого обеденного котла никто не крутился. Впрочем, косы и лопаты тоже остались невостребованными. Поплескав в лицо холодной водой, я поправила волшебную шаль на плечах и подошла к калитке.

Богатыри чинно сидели на опушке и играли в кости. «Правильно, — хмыкнула я про себя, — какой солдат, пусть даже и волшебный, будет напоминать отцам-командирам про наряд? Или я вчера их так напугала?»

Я уже открыла было рот, чтобы позвать лентяев, как прямо передо мной из земли вырос раскидистый куст, на глазах превратившийся в узловатый пень.

— О! Леший! — обрадовался кто-то из обалдуев.

— О! Работнички! — повысив голос, «обрадовалась» я.

Энтузиазм у витязей сразу поубавился.

— Хозяйка, а мы тут это... Ждем...

— Дождались уже, касатики, — оскалилась я своим выдающимся зубом. — Посторонись-ка на минутку, лесной хозяин. Пусть мои работнички пройдут.

Пень громко и, как мне показалось, злорадно заскрипел и сдвинулся в сторону. Я гостеприимно распахнула калитку.

— Ну что, помощники? Обедать будете?

— А то! Еще бы! А как же! — вразнобой загомонили витязи, поспешно стряхивая со штанов налипший сор, и прорысили к калитке, забыв и игру, и Лешего. Миски появились как по волшебству.

— Вот и славно. Тогда милости просим обед зарабатывать, — осклабилась я, поводя рукой, — лопаты здесь, коса здесь, трава тоже здесь. А шишки... — я шлепнула травинкой, которую жевала, по руке, потянувшейся к шишкам на шустром пеньке, — шишки я не заказывала.

Дважды повторять не пришлось. Витязи быстро разбежались по знакомым рабочим местам, и только один задержался поодаль, явно намереваясь со мной поговорить. «Опять за Илюшку просить будет, — догадалась я. — Да сниму я с него проклятие, сниму. Вот со срочными делами разберусь и сниму!»

— Иди, иди! Тебя котел заждался. Я позже сама подойду.

Парень кивнул и пошел к моей импровизированной летней кухне. Я проводила его глазами, внезапно задумавшись: «А что я зимой буду делать? Тут же не тропики. Должен же рано или поздно снег выпасть...» Богатыри еще пару дней назад соорудили над очагом прочный навес, но даже мне было понятно, что зимой этой защиты будет недостаточно. «Да мне-то какое дело? — спохватилась я, сообразив, что уже прикидываю, к какому месту частокола разумнее было бы пристроить типовую столовку с кухней. — Это пусть у Яги голова болит!»

Я тряхнула головой, выбрасывая из нее проблемы питания небольших подразделений в полевых условиях, и развернулась к терпеливо ожидающемуся у забора Лешему.

— Здравствуй, лесной хозяин! С чем пожаловал? Неужели опять витязи шалят?

— Это нет, — проскрипел Леший, блеснув темными глазами. — Твоими милостями уgomонились, паразиты. Другая напасть в лес наш вековой явилась.

Я отметила это «наш», мысленно кивнув: «Ну хоть захватчицей меня уже не считает, и то хлеб».

— Поселился в лесу злодей, — начал Леший, предусмотрительно вырастив из земли небольшой пенек и приглашающе указав на него веткой. Я кивнула и села. — Повадился траву топтать, ветки живые ломать да костры жечь! Задымил всю опушку. Мелких зверушек распугал, крупных

отвадил... Того и гляди охотиться пойдет. Да ты сама посмотри.

Я послушно повернула голову в указанном направлении и моргнула. Вопрос, почему мне с утра чудился запах гари, был снят. Дымило в той стороне знатно.

— Вот что творит, паскудник! — раздраженно жаловался между тем Леший. — А у меня там одних птичьих гнезд пять десятков и четыре штуки. Хорошо, птенцы уже на крыло встали, улетели вместе с родителями. А кабы нет? Три лисы, дюжина белок да семейство заячье на осьмнадцать душ без крова оставил, негодный! Я уж и так, и сяк... А он сидит как привязанный. Как такого в болото завести прикажешь, ежели он с поляны ни шагу?!

— Не надо его в болото, — с трудом сдержала смех я: Илья боролся с комарами подручными методами.

— А куда его еще, вредителя?! — всплеснул ветками-руками Леший. — Того и гляди охотиться начнет!

— Так ты его предупреди. Мол, будешь безобразничать, нечисть на тебя натравлю.

— Дык ему, юродивому, только того и надо! Ходит по поляне кругами, руками машет да душу какую-то пропащую выкликает! — горестно возопил Леший. — Я ему огоньки колдовские зажег — не смотрит. Болотника подговорил голоса зазывные надурманить — не идет. Русалок упросил песни соблазнительные ему в уши надуть. Куда там... И не посмотрел в ту сторону. А болотник меж тем тридцать мухоморов за помощь вытребовал. И русалкам пришлось лужу прямо на опушке развести — закапывай ее теперь! Это же сплошное разорение!

— Да уж. — Я закусила щеку изнутри, чтобы все же не расхохотаться.

— Подсоби, матушка! — взмолился Леший. — Прогони ты его, разорителя-губителя! Али хоть огни его дождем колдовским затуши!

«Надо будет выяснить про возможности Лешего побольше, — отметила я про себя. — Мне-то казалось, что в лесу он всесильный... Впрочем, витязи его тоже гоняли почем зря... Может, на богатырей его всесильность не распространяется?»

— Уж я-то в долгу не останусь, — напомнил о своем присутствии Леший.

— Хорошо, — кивнула я. — Ночью чего-нибудь наколдую.

— Вот спасибо, благодетельница, — листья и сучья заходили ходуном, — спасительница ты наша...

— Не за что пока, — отмахнулась я, лихорадочно соображая, как вытурить Илью из леса и в то же время не раскрыть свое инкогнито. По всем прикидкам получалось, что выяснять это надо у самого настойчивого гостя.

Леший, удовлетворившись договоренностью, провалился сквозь землю, и я, вспомнив, что обещала беседу еще и чешуйному витязю, пошла к летней кухне.

«Вот уж точно нечисть, душа беспокойная, — на ходу проворчала я себе под нос. — Опять придется ночью по лесу бродить, людей, то есть богатырей пугать. Вот только как тут Ядвигу чертову без присмотра оставить? Интересно, есть такое заклятие, чтобы раздвоиться...»

Но, выслушав повара, я уже мечтала о том, как бы «растроиться». Оказалось, что меня с нетерпением поджидают на взморье: витязи под руководством Ростислава достроили полосу препятствий. Веселиться мне сразу расхотелось. Теперь к моим задачам добавилась еще одна. Надо было срочно придумывать, чем занять обалдуев, пока они не нашли себе занятие сами. Вряд ли они согласятся день напролет скакать по стенкам и горкам на свежестроенной полосе. «Еще надо вообще посмотреть сначала, что они там настроили. Может, прогулочную аллею. Или трассу „кто быстрее свернет себе шею“».

Откуда-то из-за избушки вырулила довольная как слон Ядвига и, нежно улыбнувшись мне, потопала к яблоне. «И за бабкой присмотреть... Да... Три Василиски было бы в самый раз!»

— Хозяйка! — донеслось из-за калитки. — Отворяй! Гостя принимай!

Я подскочила на месте, против воли мгновенно узнав этот голос. Перед мысленным взором тут же встала картинка: три Василиски переругиваются посреди двора, пытаясь спихнуть незваного гостя друг на друга. «Это ж че будет, если тут три ведьмы передерутся? — покачала головой я и поплелась к калитке. — Нет... Сама, все сама... Эх, жизнь моя жестянка...»

Глава 28

ОПЯТЬ ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ

— Чего явился? — не больно-то приветливо поинтересовалась я, подходя к калитке. — Неужели уже Горыныча изловил?

— Нет, — опустил голову Иван-дурак. — Быстро удирает, червяк.

— А ты ему это погромче покричи, — буркнула я. — Может, он наконец тебя заметит и съест...

— Чего? — вытаращился Иван.

— И трусость свою от злости съест, — поспешно поправилась я.

— А... — расплылся в понимающей улыбке парень. — Спасибо за науку, попробую.

— Попробуй, попробуй, — кивнула я, сообразив, что сарказма дурень не уловил и вполне способен докричаться до курсирующего где-то трехголового дракона. Грех на душу брать не хотелось, и я, загнав подальше соблазнительную перспективу больше никогда не услышать нахальное: «Гостя принимай!», продолжила: — Главное, место выбери попросторнее.

— А это зачем?

— А чтобы удирать было куда.

— Змею?

— Тебе, обалдуй.

— Я удирать не буду! Со мной твердая рука, острый глаз и храбрость безмерная! А еще... Еще... — Он полез в затылок, явно сиюминутно что-то вспомнить. Пятёрня в нужном месте, как всегда, подхлестнула мыслительный процесс, и дурак радостно выдал: — А еще великий Лопатрур, Погибель бессмертных!

— Кто?! — настал мой черед тарашиться.

— Лопата моя верная, тобой даденая. Я ее вечной славой покрыв, когда Кощей одолел. И еще покрою. И буду покрывать, пока тверда моя плоть... Эй? Бабка? Ты чего ржешь как лошадь?

— Да нет, нет... — сквозь хохот выдавила из себя я. — Это я восторгаюсь. Ты продолжай, ик, продолжай. Кого ты там еще покрыв?

— Ты поостерегись, бабка, — покачал головой дурак. — Кощей вот один в один так же икал. А потом взял да помер.

Историю с лопатой я в исполнении Васьки уже слыхала, и потому в истерике сползла по калиточному столбу в траву.

— Бабка! — всерьез беспокоился Иван. — Ты помирать-то погоди! Я ж тебе еще грамотку не отдал. А обещал! Негоже богатырю слово свое ломать!

— Как... Какую грамотку, — проблеяла я, пытаюсь успокоиться.

— Дык это... Как его... Брат по оружию, вот! — хлопнул себя по лбу дурак.

— А... Брат... — Я не глядя сунула писульку в карман. — С братом мы потом разберемся.

— Ты, бабка, не откладывай, — посоветовал Иван. — Богатырю подсобить — святое дело. А то старость, она такая, р-раз, и забыл чего. А коли ты все забывать будешь, как нам, богатырям, покрывать...

Из-за избушки донесся какой-то грохот. Я оглянулась, но высокая трава и яблони мешали рассмотреть, что там еще случилось.

— Да уж не забуду, касатик, — перебила я, выталкивая незваного гостя за калитку. — Не забуду. И подсоблю... И покрою... Матом...

Последнее я говорила, уже захлопнув калитку и поспешно шаркая к избушке. К счастью, ничего страшного не случилось. Просто, пользуясь тем, что дурак меня отвлек, Ядвига попыталась попасть в избу, а той эта идея не понравилась. В результате старуха, сидя в большом жестяном корыте, прокатилась до самого сада, проложив в траве широкую просеку.

Убедившись, что никто из чешуйных богатырей это безобразие не видел, я сплюнула и пошла вправлять мозги вяло шевелившейся бабке.

— Что, гены покоя не дают? На семейный спорт потянуло? — поинтересовалась я, дождавшись, пока она утвердится в сравнительно вертикальном положении. — Как успехи? Покаталась, повалялась?

— Язвишь? — скривилась Ядвига.

— Ну что ты, — отзеркалила ее гримасу я. — Совершенно искренне беспокоюсь. А то мало ли какая еще наследственность предков в тебе дремлет. Вон в нашем мире вообще говорили, что люди от обезьян произошли. А ну как на дерево полезешь? А возраст уже преклонный, косточки хрупкие.

— Что это? Неужели забота о бабушке? — ухмыльнулась старуха. — Не ожидала.

— И правильно делала. Это забота обо мне любимой. Мы еще обучение не закончили. А про пышные похороны одной любопытной бабки вообще речи не шло.

— А ты больше времени учебе уделяй, — огрызнулась Ядвига. — А то я при всем желании слова сдержать не смогу — помру от старости, прежде чем ты хоть чему-то научишься.

— Тогда не теряй времени даром. — Я кивнула на стол под яблоней.

Бабка, покрхтывая и держась за поясницу, поплелась туда.

Остаток дня я металась между столом под яблоней и огородом. Урожай созрел и плавно перебрался в мой безразмерный погреб, богатыри снова вскопали грядки, и надо было срочно засаживать освободившуюся площадь, пока гусе-лебединое удобрение еще действовало. Вот только Ильи у меня больше не было, и я вдруг выяснила, что посадка огорода — тот еще квест.

О совместимости растений я имела весьма смутное понятие. Зато где-то на задворках памяти бултыхалась неизвестно когда подцепленная информация, что одно и то же растение на одном и том же месте два раза подряд не выращивают. Тупо полюбовавшись на кучу семян, большинство из которых даже опознать не могла, я махнула на агротехнику рукой: «И так сойдет!»

В результате огород был разделен на несколько неравных частей. Самую большую я отвела под картошку: чешуйные витязи лопали ее крайне охотно. А остальное приказала засадить квадратно-гнездовым способом: все, что хотя бы отдаленно напоминало тыквенные семечки, — направо, мелочь, которую и рассмотреть-то можно было только через лупу, — налево. А все, что осталось, — рядками по краям.

Ядвига неудовольствия по поводу моих постоянных отлучек не выказывала, но поглядывала насмешливо. Впрочем, я сомневалась, что она смыслит в огородном деле больше меня, а потому относилась к этим взглядам философски.

Обедали мы под той же яблоней. Но к ужину бабка и ее намеки на мою излишнюю любовь к богатырям, котам и прочим дуракам настолько мне опротивели, что я, прихватив тарелку, убралась в избушку. Ну а кому не надоело бы, что, рассказывая о волшебных лекарственных травах, Ядвига с гадкой улыбочкой не уставала упоминать, как при помощи того же сена отправить на вечное поселение в будочку у частокола, а то и в мир иной слишком назойливых гостей и прожорливых витязей. Причем красочному описанию последствий она уделяла самое пристальное внимание. Впрочем, излишняя брезгливость не была главной причиной этого маневра. Куда больше меня беспокоила необходимость покинуть поляну и оставить «любимую учительницу» без присмотра.

Сегодняшнее громовое фиаско Ядвиги и ее поездка в корыте через весь двор показали мне, она не успокоилась и будет дальше пытаться добраться до яблока. А может, и еще до чего другого вроде книг Яги. И позволить ей это мне очень не хотелось. Дожевывая многоярусный бутерброд, я наскоро просмотрела толстый том о травах и убедилась, что ведьма и половины не знала об их свойствах и возможностях. Именно не знала, а не скрыла от меня, потому что кое-какие из этих «свойств» она бы точно не отказалась посмаковать, чтобы потрепать мне нервы.

— Васька! — вполголоса позвала я. — Вылезай, дело есть.

— Вспомнила обо мне, сиротинушке, — проворчал кот, свесив толстую морду с балки. — И, как всегда, «дело есть», «дело есть»... Вот есть — это дело, а твое «дело есть» — не дело.

— Поговори мне еще, — проворчала я, заметив белесые разводы у него на одном ухе. — Опять в сметану лазил?

— А что прикажешь делать, когда ты обо мне и не вспоминаешь, не то чтобы покормить, — огрызнулся Васька.

— Ты и сам неплохо справляешься.

— Вот и ты справляйся, — буркнул кот, снова скрываясь на балке. — Иди вон с Ядвигой о делах побеседуй. У вас с ней великая любовь приключилась, как я погляжу.

— Еще приревнуй меня, — усмехнулась я. — Слезай давай. Думу думать будем. И как раз про Ядвигу. Надо за ней как-то присмотреть, пока меня не будет.

— А ты куда собралась?! — забеспокоился Васька.

— Ростислав звал. На взморье надо сходить, посмотреть, что они там настроили, пока у нас не стало на парочку едоков меньше.

О том, что после этого собираюсь заняться Ильей, я упоминать не стала. Воспоминания о той свинье, которую я случайно подложила невезучему богатырю, неизменно вызывали хоть и короткие, но от этого не менее неприятные укусы совести. В конце концов, ничего плохого парень мне не сделал. Ну, разве что слишком уж помочь хотел, но за это не проклинают.

— А я тебе сразу говорил, не нужна им это полоска с ямами, — ворчливо сообщил кот, соблаговолив прыгнуть на лавку. — Тыщу лет без нее жили и врага били, и дальше бы обошлись.

— А я тебе сразу сказала, эта полоса нужна, чтобы они союзников не били за неимением «врагов».

— Да помню я, помню... Что там с Ядвигой? Имей в виду, я за ней приглядеть не смогу. То есть смогу, но сделать ничего не сделаю. Мои силы ей на один зуб.

— Так я тебя и не воевать с ней посылаю. Надо, чтобы мне сообщили, если она вдруг опять куда-нибудь полезет без спроса.

— Так это баннику поклониться надо, — хмыкнул Васька. — Она же у тебя в баньке сейчас живет.

— Так... Кто еще у меня в бане живет?

— Банник, бестолковая! В избушке — домовой, а баньке — банник.

— А у нас и домовый есть? — опешила я.

— Есть, как не быть, — лениво отозвался Васька. — Кто, по-твоему, тут порядок наводит да чистоту поддерживает?

— И тебе сметану достает! — догадалась я наконец и рассмеялась. — А я-то все думаю, как тебе удалось подпол вычистить... Ну и где наш домовый? Зови.

— А меня звать не надо, — раздался у меня над плечом надтреснутый дребезжащий голосок. — Я всегда тут, матушка.

Я с трудом усидела на месте и заставила себя развернуться медленно и уверенно.

— Так вот ты какой. Приятно познакомиться.

— Так знакомы уж, матушка, — склонил голову миниатюрный старичок размером с суповую тарелку. — Почитай уже седьмой день я сон твой стерегу да утренние лучи в окно зову, чтобы будили тебя с утречка ласково.

— С-спасибо, — выдавила из себя я, вспомнив, как, несмотря на все усилия в виде задернутых шторок и закрытых ставен, просыпалась от удара солнечным зайчиком в глаз. Ну если, конечно, раньше меня не успевал разбудить очередной вопль: «Хозяйка!»

— Так не за что, — склонил голову дедок. — Это моя забота.

— Угу. Понятно... — проворчала я и мысленно добавила: «Еще один „заботник“ на мою бедную голову. А я еще с первым не разобралась!»

Впрочем, появление домового имело и свои плюсы. Он пообещал, что Ядвига и шагу не ступит без моего ведома. Лишь бы я, прежде чем уходить, посоветовала ей в баньке оставаться. «Так, — пояснил он, — у домашней нечисти руки будут развязаны». Насчет предупреждения меня терзали смутные сомнения, но я все же решила не перечить домовику. Мало ли какие тут порядки. К тому же не очень хотелось ругаться с невидимой силой, которая постоянно находится рядом. Только падающих на голову горшков мне и не хватало. Поэтому Ядвигу о своем уходе я предупредила, оставаться в баньке настойчиво посоветовала и ее крайне довольное: «Конечно, конечно», — проигнорировала.

К счастью, прогулка на взморье никаких неприятных сюрпризов не принесла. Ростислав сделал все точно так, как мы и обговаривали, построив гигантскую копию типовой полосы препятствий из моего прошлого. Разве что соорудили всю эту красоту из дерева. Я чуть не пустила ностальгическую слезу, любуясь выдолбленными из столетнего дуба кольцами, изображавшими автомобильные шины, и колышками с терновником, заменившим колючую проволоку, под которыми полагалось ползать по-пластунски.

Обговорив комплекс упражнений, мы распрощались с Ростиславом, и я, отказавшись от провожатых, демонстративно направилась к лесной избушке.

На полдороге я свернула в кусты, и пару минут спустя по тропинке уже шла молодая девица, точнее, нечисть. Нос, шаль и приметный красный сарафан перекинулись в котомку, я же натянула одежду, в которой была в лесу в последний раз. Она была не больно-то чистой, но в том, что нечисть особо часто переодевается, я сильно сомневалась.

Найти Илью было нетрудно: иди себе на запах дыма, и все. Но я не спешила, все еще пытаюсь решить, как не наломать дров. Проблема состояла в том, что проклясть я могла довольно легко и в свободной форме, а вот снимать проклятие полагалось, глядя в глаза и четко произнося нужную формулу. Как совместить это с тем, что Илюшка не подпускал нечисть слишком близко, да я и сама не стремилась рискнуть разоблачением, было непонятно. Но подумать как следует мне снова не позволили.

— Ну, здравствуй, гостя званая да нежданная, — раздалось у меня за спиной.

Я медленно повернулась на голос, уже догадываясь, что в очередной раз сделала большую глупость.

Глава 29

ЗДРАВСТВУЙТЕ, Я ВАША МАМА

Она говорила с легким, едва заметным акцентом. Такой появляется у людей, долго проживших за границей. Это и натолкнуло меня на догадку, кого я вижу перед собой.

— Вот уж не ожидала, что ты окажешься настолько глупа, чтобы действительно явиться, — тут же подтвердила мои домыслы Марья.

— Не стоит недооценивать противника, — как можно более уверенным тоном проговорила я.

— Ух ты, — насмешливо восхитилась знаменитая завоевательница. — И что? Меня ждет неприятный сюрприз?

— Почему же сразу неприятный, — отзеркалила ее ухмылку я.

— А приятное сюрпризом не станет. — Марья едва заметно пожала плечами. — Мои люди сейчас тебя спеленают и отнесут на корабль. Мне приятно, конечно, когда мои планы ничем не нарушаются, но это совершенно предсказуемо.

— Самоуверенность наказуема, — процедила я, отступая назад спиной к толстому дереву.

Удрать я не пыталась. До избушки в быстром темпе топать минут пятнадцать. Бежать, разумеется, меньше, но чтобы побегать, мне придется повернуться к своей негодной мамаше спиной. А она, по слухам, ведьма. Заполучить какую-то колдовскую дрянь в спину — удовольствие ниже среднего. Кроме того, она упомянула, что притащилась сюда не одна. Значит, если ей и случится каким-то чудом промахнуться, меня все равно найдется кому притормозить.

Словно в подтверждение моим невеселым мыслям сзади захрустели кусты. Я бросила через плечо короткий взгляд, но ничего, кроме переплетения черных в полумраке ветвей, не увидела. «Чтоб вы там запутались все!» — в сердцах пожелала я и снова посмотрела на Марью. Единственный реальный шанс, который я видела, это заболтать гадину до тех пор, пока мне не придет в голову идея получше, чем участие в загонной охоте в роли дичи.

— Чем же я тебе так не угодила? — прищурилась я. — Живу себе, никого не трогаю.

— В том-то и дело, что живешь, — поморщилась Марья. — Я тебе совсем другую судьбу предназначила.

— Да, да, — язвительно закивала я. — Что-то такое припоминаю: алтарь и заклятие во славу высшей цели.

— Какой еще высшей цели? Обычный ритуал. Рутинка, в общем.

— Обычный? Не. Ну, я так не играю. Если бы ради высшей, то я бы еще подумала. А так нет. Я отказываюсь.

— Да кто тебя спрашивать будет? — Маска ленивого спокойствия треснула, и красивое лицо Марьи исказила неприятная гримаса. — Взять ее!

Кусты затрещали с удвоенной силой, но на широкой тропинке так никто и не появился. Сразу почувствовав себя увереннее, я вспомнила, что тоже как-никак ведьма. И даже кое-что уже умею. Нахально улыбнувшись, я повела рукой. Трава, мгновенно удлинясь, взметнулась вверх, намертво опутав ноги непрошеной гостьи. Этот трюк я изучила до автоматизма. Очень уж хотелось посадить в холодную росу курортницу-Ягу. Рассчитаться за все хорошее, так сказать.

Марья опустила голову и брезгливо посмотрела на наколдованные мной путы.

— Да я вроде уходить пока не собиралась, — с долей удивления проговорила она и щелкнула пальцами.

Зеленые плети мгновенно высохли. Ведьма чуть дернула длинную юбку из тонкого то ли хлопка, то ли льна, и хрупкие травинки осыпались сеной трухой к ее ногам.

— Что-нибудь еще? — приподняв бровь, поинтересовалась Марья. — Так и знала, что ничего интересного. Что и неудивительно. Учить тебя было некому, да и незачем.

В следующую секунду над моей головой взорвалось солнце. Это если коротко. А для меня те доли секунды растянулись в часы. Марья чуть повела пальцем, и я каким-то даже не шестым, а двадцать шестым чувством осознала, что сейчас она меня убьет. Просто и без затей. «Вспышка сзади!» —

рявкнул в моей голове старый генерал из военного городка. Этим воплем он знаменовал свои появления в роте два раза в году, и если все не падали, где стояли, нудная выволочка была обеспечена. Причем он не делал ни малейшей разницы, кто находится среди невезучих встречающих. Тело отреагировало в соответствии с командой, и я растянулась на земле, прикрывая голову руками раньше, чем, собственно, успела сообразить, что делаю.

За спиной что-то затрещало, захрустело и с тяжелым стоном рухнуло. И тут же раздался визг придавленного поросенка. Я приподняла голову и посмотрела на Марью. Ведьма явно не обрадовалась результату собственных усилий. Но оглядываться я себе не позволила. К такой только спиной повернись. Поспешно поднявшись, я уперла кулак в бедро:

— Ну, вот что ты творишь, а? Кто тебе позволил без санкции Лешего лес валить?!

— Правильно, матушка, так ее!

Я моргнула, пытаюсь понять, откуда донесся этот вопль, и тут же увидела его источник. За спиной у Марьи буквально на моих глазах вырос здоровенный куст, и на голову ведьме обрушился град шишек и сучьев.

— Что?! — взвыла она.

То ли от неожиданности, то ли еще от чего, но колдовать она даже не пыталась, глупо прикрываясь руками и взвизгивая, как свинья.

— А то, — пошла в атаку я. Мне надо было только обойти стерву, а там минута бега, и здесь будут минимум два десятка витязей. — Чего ты хотела, когда мой лес поганить вздумала?! Дров тебе там, в Англии, не хватает? Так попросила бы, я бы поделилась. У лесного хозяина вон сколько сучьев сухих. Но нет! Надо было живое дерево завалить.

Под шумок я подошла к ведьме почти вплотную и плюнула ей под ноги.

— Тьфу! Вандалка!

Неожиданно даже для меня самой сухое сено и шишки вспыхнули от моего плевка как порох. Тут уж Марья завизжала, будто ее режут. Что, впрочем, и неудивительно: длинная юбка красивого платья, столь же уместного здесь, как рабочая роба на приеме у английской королевы, вспыхнула ярким пламенем.

— Так ее, матушка! — обрадовался Леший, и град шишек усилился, не давая ведьме сосредоточиться и колдовать.

— Жошка! Гарька! Юдка! — заорала она. — Куда вы подевались, дармоеды?! Спасайте меня!

Кусты затрещали, и оттуда кубарем стали вылетать худошавые мужики в зеленых костюмах вроде того, в каком появился англичский лже-Илюшка. Вот только спасти они никого не собирались. Вместо этого, едва утвердившись на ногах, бросились прочь. Впрочем, третий не стал тратить время даже на это, ломанувшись по тропинке на четвереньках и едва не снеся с ног саму Марью. Следом на тропинку вышел не кто иной, как мой лесной знакомец.

— Я же сказал: кусты не ломать, — солидно проговорил Илья и хлопнул себя по лбу, одним ударом прибавая с пяток комаров на припухшей физиономии. — Не любит местная нечисть, когда кусты ломают. А уж про деревья и разговору нет.

Он отряхнул руки, потянул из кольца на поясе здоровенный меч и обвел тропку тяжелым взглядом.

— Кто тут еще нечисть обижает?

Марья опешила и тут же получила по маковке каким-то круглым снарядом, который, отскочив, подкатился к самым моим ногам. Я машинально опустила голову и уставилась на большой мохнатый кокос. Вот тут меня и прорвало. Глядя, как моя так называемая мамаша, пошатываясь, пытается сообразить, что происходит, и при этом оба ее глаза основательно косят к переносице, я расхохоталась как безумная и просто села на тропинку, спрятав лицо в ладонях.

— Шла бы ты... Ик... Воительница... Обратно...

— Да я тебя! — взвизгнула Марья и взмахнула руками.

Слишком активно взмахнула. Так, что ничего наколдовать уже не успела, от резкого движения окончательно потеряв равновесие и совсем не по-королевски плюхнувшись на задницу.

— Говорил же, шумят! — долетел до нас голос Ростислава, и на пригорке, за которым скрывалось взморье, появился сразу пяток чешуйных витязей.

— Эхма... Это кто же у нас тут? — заинтересованно воскликнул кто-то, и лесная прогалина полыхнула золотистым светом.

Ослепленная, я зажмурилась и подавилась смехом. Чертовы витязи впервые продемонстрировали горе-Яге в моем лице свою колдовскую суть: доспехи, те самые, которые «как жар горя», соткались буквально из воздуха. Мало того, к сверкающей одежке добавились увесистые полуторники. Марья, кое-как поднявшись на ноги, уже пятилась к единственному проходу из импровизированного окружения: небольшой полянке чуть правее тропинки. Рядом со мной раздался тихий, на грани слышимости смешок. «Сейчас будет весело», — сообразила я, узнав этот голос-скрип, и приоткрыла один глаз, сквозь пальцы наблюдая за мамашей.

События не заставили себя ждать. Марья запнулась за буквально на глазах высунувшийся из-под земли корень и полетела спиной в траву. Вот только никакой травы там уже не было. Вместо этого красовался миниатюрный филиал болота. С громким «плюх», подняв тучу зловонных брызг, совсем не по-королевски матерящаяся тетка села прямо туда. Над грязью оставались видны только ее голова, колени и руки, которыми она по глупости решила помахать, тут же погрузившись почти по шею.

— Сгною! Удавлю! Разорву! — во все стороны плевалась она, с каждым выкриком поднимая новую волну грязной воды.

Только когда грязь плеснула ей в рот, заставив помимо воли заткнуться, вздорная тетка осознала свое положение и перестала трепыхаться.

— Да я вас сейчас... — прошипела она, и ее глаза полыхнули зеленым пламенем.

Витязи со стуком сдвинули щиты, слаженным движением шагнув вперед. Надо признать, Илюшка, хоть и без блестящей мишуры, смотрелся не хуже, крутанув тяжелый меч так, что тот слился в мутный круг. В этот момент я наконец вспомнила, что вообще-то не в кино пришла, и гонять отсюда всяких колдунов вроде как именно моя обязанность, хоть и временная. Я поднялась на ноги, когда на кончиках залепленных грязью пальцев Марьи уже клубился зеленый дым колдовства.

«Угробит же кого-нибудь сейчас, стерва», — обозлилась я, лихорадочно вспоминая, чему меня учила Ядвига. Как назло, ничего умного в голову не приходило. Да еще плюющаяся грязью королева, севшая в лужу и в прямом, и в переносном смысле, вызывала какие угодно чувства, только не страх. Мне было смешно и противно, и оттого ничего убойного не придумывалось.

— Да чтоб тебе! Жаба чертова! — в сердцах выругалась я. — Почему я у бабки не спросила, как царевну в лягушку превратили?! Что царевне годится, то и королеве бы сошло. Тем более такой грязной и психованной!

Представив, как на двух соседних кочках переругиваются две лягухи, выясняя, чья корона круче, я невольно хихикнула, и в этот момент зеленая молния сорвалась с пальцев Марьи. Целью ведьма выбрала Илюшку — у него единственного из всех не было ни щита, ни доспеха. Богатырь крутанул меч, отбив «привет» заграничной королевы в небо, но удар был такой силы, что он пошатнулся, шагнул назад, чтобы сохранить равновесие. В воздухе удушливо запахло гнилью и тухлыми яйцами, и мне стало не до смеха. Наверное, только тогда до меня дошло, что все всерьез и, даже сидя в луже, моя негодная мамаша вполне способна уложить туда всех присутствующих. Тем более что сейчас болото играло ей на руку: подойти на расстояние удара не представлялось возможным, а лучников среди витязей не было.

«Ах ты ж, тварь такая! — Вскинула руки, даже не задумавшись, что именно так Ядвига учила меня концентрировать магическую энергию, пока я не наострилась делать это на автомате. — Превращайся в жабу! Живо!»

Знакомый росчерк молнии и удар грома с еще минуту назад чистого неба я восприняла почти с облегчением.

— Ква! — донеслось из болотца вместо очередной порции ругательств. — Ква...

В этом втором «ква» было столько изумления, что расхохотались и витязи, и Илюшка, и даже Леший выдал канонаду сухих щелчков, заменявших ему смех. Только мне было совсем не смешно. Я смотрела в спины вставших на мою защиту мужчин и чувствовала, как по спине ползет противная капля холодного пота. «А если бы не сработало?» — билась в мозгу одна-единственная мысль.

Жаба еще раз что-то квакнула и поспешно поскакала в сторону моря. Задерживать ее никто и не подумал. Скрипнув зубами, я тряхнула головой и тихо позвала:

— Лесной хозяин...

— Ась, матушка, — прошелестели листья у меня над ухом.

— Мне бы уйти так, чтобы никто не заметил.

— Как велишь, матушка, — снова огладил уши едва слышный голос-шелест. — В лесу тебе завсегда тропки лягут, куда бы ни пошла.

— Так я в избушку пойду, — отозвалась я, отступая спиной вперед.

— Как велишь, матушка...

Ни одна веточка не хрустнула под моими ногами. Кусты расступились и сомкнулись за мной как стена, не шевельнув ни одним листиком.

— Жаль, удрали басурмане, — успела услышать я голос Ильи и притормозила.

— Вдругорядь десять раз подумают, прежде чем сунуться, — легкомысленно отозвался кто-то из витязей.

— Так-то оно так, но лучше бы поспрошать, — не согласился Ростислав.

— Не успел я, — повинился Илья. — Пока прибежал, пока разобрался. А тут еще и кусты взбеленились, еле выпутался, чтобы до дружков ее добраться. Хорошо хоть, их тоже замотало. И чего они на нечисть-то полезли?

— Какую нечисть?

— Ту самую, — проворчал Илья, и я услышала звонкий хлопок: мужика вновь атаковали комары. — Да вот же она... О! Нету...

— На то она и нечисть, — хмыкнул Ростислав. — Впутает в беду, и поминай как звали.

— Ну да, нечисть это любит. Но эта другая. Эта за просто так не пакостит.

— Ты хоть попросил эту «другую» тебя от проклятия избавить?

— Не успел.

— Хех... Может, она и сама не в силах снять то, что накинула, — предположил кто-то из витязей. — Это точно только к Яге идти.

«Все я могу! — мысленно огрызнулась я. — Только для этого мне к нему прикоснуться надо. Не при вас же, зрители чертовы! Объясняй потом, кто я такая!»

— Ага, — невесело усмехнулся Илья, снова хлопнув себя по руке. — А она прям ждет меня не дождется. Нет... Без яблочка мне к ней не сунуться.

Услыхав про бесово яблоко и в сотый раз проклянув ту свою спонтанную идею, я бросила подслушивать и, развернувшись на пятках, зашагала к избушке. Тропинка появлялась прямо под моими ногами, но очередное чудо я едва замечала. «Яблочко? Будет тебе яблочко!»

Глава 30

ДЕЖАВЮ

Едва продрав глаза на следующее утро, я вскочила с лавки. Спала я всего пару часов, но разлеживаться было некогда. Поплескав в помятую рожу холодной водой из бочонка в сенях, я позвала домового и банника.

К моему облегчению, Ядвига за ночь напакостить не успела. Так, побродила часок вокруг избушки, получила пинок куриной лапой и отправилась восвояси. То есть в баньку. Да так неудачно захлопнула за собой дверь, что выйти до сих пор не могла: притолоку перекосило. Разумеется, совершенно случайно. Хмыкнув, я похвалила своих охранников и попросила пока освободить бабку, но глаз с нее не спускать.

Минуту спустя я имела удовольствие наблюдать, как Ядвига с совершенно неподобающей для ее возраста скоростью скачет к будочке у забора. «Значит, на такой случай, — мимоходом отметила я, — никакого колдовства не предусмотрено. Странно».

Впрочем, об этом я быстро забыла. Вчерашнее приключение напугало меня до икоты. Причем боялась я вовсе не за себя. Витязи хоть явно и догадывались, что Яга в очередной раз поменялась, но точно не представляли, какая неумеха сейчас носит это имя. От мысли, что могло бы случиться, не обозлилась я на той полянке, меня до сих пор бросало в дрожь. Любой человек может по глупости свернуть себе шею. Но если он изображал из себя супермена и угробил тех, кто ему из-за этого доверился, то дерьмо он, а не человек. Чувствовать себя дерьмом мне не нравилось. Именно поэтому я все утро носилась по двору как горбатый зайчик-энерджайзер пенсионного возраста.

Увы, гусе-лебединое удобрение на огороде, похоже, исчерпало запас волшебства. Вчерашние посадки, хоть и проклюнулись куда быстрее, чем в реальной жизни, но «колоситься» точно пока не собирались. Это наблюдение меня в чем-то даже порадовало — можно обойтись без очередного огородного наряда для витязей.

Зато сад подкинул новую загадку. Я заскочила туда только проверить, не пора ли косить траву, и на прутик с тремя листиками, изображавший волшебную яблоню, взглянула мельком, и то случайно. А вот взглянув, чуть не растянулась во весь рост, запутавшись в собственном подоле: на тоненькой веточке висело яблоко. Пока еще зеленое, но уже вполне увесистое, почти такое же, как и то, которое я спрятала в горшок несколько дней назад. Воровато оглядевшись, я поправила листья, чтобы чертов плод раздора не так бросался в глаза, и прорысила обратно в избушку.

— Васька! — крикнула я в потолок. — Слезай, дело есть!

— Какое еще дело? — проворчал кот, свесившись с балки. — У тебя совесть вообще имеется? Я всю ночь Ядвигу стерег, глаз не сомкнул...

— Ядвигу домовой с банником стерегли, — отмахнулась я.

— А я руководил!

— У тебя и рук-то нет, — фыркнула я. — Одни лапы.

— Значит, лаповодил, — буркнул кот, но, сообразив, что я не отстану, все же спрыгнул на лавку. — Ну что там у тебя стряслось?

— Пока еще не стряслось, — покачала головой я. — Но если хорошенько потрясти, то стрясется.

— Мря? — не понял моих аллегорий кот.

— Вот тебе и мря, — проворчала я и вполголоса обрисовала коту ситуацию.

— Ну, один плюс во всем этом есть, — сказал Васька после долгого молчания и тычка пальцем в пушистый бок.

— И какой же? Ты надеешься, что я теперь буду «ходить дозором» вокруг дурацкого яблока, которое непонятно когда созреет, и не помешаю тебе таскать сметану?

— Два плюса, — поправился кот, хитро прищурившись.

— И не мечтай! — отрезала я. — А какой второй плюс?

— Теперь понятно, какого лешего Ядвига взялась тебя учить и даже отравить ни разу не попыталась.

— А мне вот непонятно, — поморщилась я. — Это яблоко что, без моего присутствия не созреет?

— Созреть-то созреет, да вот когда — непонятно.

— Да как она вообще узнала...

— Про гусе-лебединое удобрение я ей сдуру ляпнул, — опустил голову котяра. — Думал, если она поверит, что Яга ушла да яблоко с собой унесла, то и сама уберется.

— Размечтался, — фыркнула я.

— Угу. Это я с перепугу.

— Ну, так что там с Ядвигой? Почему она меня учить взялась?

— Когда яблоко созреет, неизвестно. И она того тоже не знает. Примет ли ее Буян Ягой, тоже неведомо. А ну как она тебя прихлопнет, а с поляны вылетит? С сырой силой никакая ведьма не поспорит.

— А тут еще и такое есть? — скривилась я. — Интересно, я когда-нибудь разберусь, что здесь от чего зависит?

— Разберешься, куда ж ты денешься. — Васька зевнул и поднялся на лапы. — Там внизу книжек много. Какая-нить и про это писана. Ты покопайся. А я спать пойду.

— Стоять! — рывкнула я, остановив зверюгу едва не в полете.

— Ну, что еще?! — От неожиданности Васька присел на задние лапы и чуть не свалился с лавки.

— С яблоком что делать будем?

— Пусть себе зреет, — фыркнул кот. — Недозрелое — чистый яд. Ядвига его не тронет. И тебя тоже.

— Что ж она тут ночью крутилась тогда?! — спохватилась я, вспомнив рассказ домового.

— Ну так два яблочка лучше одного, ты не находишь? — ухмыльнулся Васька и одним махом запрыгнул на балку.

«Да чтоб тебе! — выругалась я себе под нос. — Мне что, больше всех надо?! Пусть сами со своими яблоками разбираются. А мне лишь бы до возвращения чертовой курортницы дотянуть!»

Это простое соображение снова включило батарейку, появившуюся после стычки с Марьей: скорей! Чтобы дожить до возвращения моей вроде как троюродной сестрички, мне надо было по меньшей мере научиться управлять с силой Буяна. Еще раз оказаться в ситуации типа ночной я не желала категорически.

«И Илюшку восвояси отправить, — напомнила я себе. — Ладно, я или витязи. Мы хоть какое-то отношение к этому дурдому имеем. А он вообще вляпался ни за что ни про что».

Я кивнула собственным мыслям, поправила сбившуюся на сторону шаль, наградившую меня вместо горба сколиозом в энной степени, и вышла во двор. Бабка вопреки уверениям котяры учить меня желанием не горела. К столу под яблоней она подошла очень неохотно и поглядывала в мою сторону с явным подозрением. Я сделала вид, что ничего не замечаю, и прямой вопрос она так и не задала.

Так или иначе, но про свою дочурку Ядвига мне кое-что рассказала, как и про силы Буяна, которыми может пользоваться Яга. Сообразив, что на этот раз даром теряю время, я отделалась от бабки и вернулась в избушку. День близился к концу. И если на обед я выдала витязям очередную порцию сырников, то чем буду кормить эту ораву завтра, просто не представляла.

Книга о волшебных предметах, которую я присмотрела, впервые попав в подвальную библиотеку, была на месте. «Если не получится, Васька меня прибьет», — невольно подумала я, перелистывая хрупкие страницы в поисках нужной главы.

Книжка одновременно смахивала на энциклопедию для девочек и «Сто советов домашнему мастеру». Как я ни старалась, но обнаружить хоть какую-то систему так и не смогла. Глава о том, как связать шапку-невидимку, соседствовала с описанием починки стершихся каблуков у сапог-скороходов, а следом сразу шла подробная инструкция по зачарованию волшебного горшка для варки бесконечной гречки. Вспомнив свое короткое знакомство с этим артефактом, я поморщилась и, не читая, пролистнула несколько страниц. Отливать новый чугунок мне было негде, а чинить нечего: после взрыва я так и не нашла ни одного обломка зловредной кастрюли.

Наконец я добралась до самобранок и на какое-то время выпала из жизни. Стирать эту тряпку полагалось в специально зачарованной воде, вываривать или крахмалить категорически запрещалось. Для выведения пятен приводился длинный список заковыристых заклинаний. А доводить до появления дыр крайне не рекомендовалось. Если верить автору, обиженная скатерка могла и супчиком из бледных поганок неугодного хозяина накормить.

«Проверять буду на Ядвиге», — проворчала я себе под нос, раскладывая на столе перед собой травы и швейные принадлежности.

Часа два я возилась с пятнами и только потом взялась за иголку. Белошвейку пришлось из себя изображать до глубокой ночи. Хорошо хоть бабка уже успела меня научить магические светильники, а то только исколотыми пальцами я бы не отделалась. Каждую дыру надо было зашивать особым швом заговоренными нитками, а обтрепавшийся край — подрубить, бормоча под нос заковыристый наговор. Когда я закончила, то даже понять не могла, что у меня болит больше: затекшая спина, пальцы, сильно смахивающие на дуршлаг, или язык, одревеневший от грубых длинных слов древнего наречия.

Но, так или иначе, эта попытка закончилась. Воровато оглянувшись на лаз в подпол, я освободила столешницу и расстелила скатерть-самобранку.

— Закати пир горой, хлеб да соль на стол накрой, — чувствуя себя полной идиоткой, я пробормотала вычитанные в книге слова и устала на скатерку.

Самобранка сработала не сразу. Словно размышляла, чем кормить криворукую мастерицу: поганками или чем-то менее убойным. Но минуту спустя миски и плоски все-таки появились. По подвалу поплыли восхитительные ароматы специй и свежей выпечки. Невольно сглотнув слюну, я потянулась к столу, забыв о своих планах сперва убедиться в съедобности блюд.

Наелась я, что называется, до отвала, и то даже не попробовала все, что оказалось на столе. Довольно похлопав себя по наконец-то набитому животу, я оперлась спиной о стену и вытянула ноги. Хотелось спать, но подниматься вверх было лень, и я просто сидела, лениво скользя взглядом по продуктовому изобию и прикидывая, чем буду завтра кормить витязей. Тут на глаза мне попала тарелка с запеченными в тесте яблоками, и я чуть не взвыла: «Опять про Илюшку забыла!»

Как мне удалось вытащить саму себя из-за стола, а потом и выгнать из избытки — отдельная сказка. Очень страшная сказка с оттенком мазохизма. Благо свежий ночной воздух слегка привел меня в чувство, и частокोल я перемахнула уже вполне целеустремленно.

Среди деревьев гостеприимно теплился огонек костра, и я, недолго думая, пошлепала туда. План был прост: вручить Илье яблоко, чтобы отнес «злойной Яге», узнал, что нечисть спасать не надо, и наконец убрался из этого леса. Разумеется, яблоко у меня в кармане лежало самое что ни на есть обыкновенное. Но Илюшке об этом знать не полагалось.

Где-то в глубине души мне даже не хотелось его отсылать. Нормальный парень, без лишних закидонов, не ожидающий от меня поведения Яги. Болтать с ним было интересно, пусть и в роли нечисти. Да и о моем родном, как выяснилось, мире я от Илюшки узнала как бы не больше, чем от Ядвиги и Васьки, вместе взятых. Но необходимость играть даже не две, а три взаимоисключающих роли основательно напрягала. Я и с двумя-то едва справлялась.

«Может быть, когда-нибудь потом, — мечтательно подумала я, приближаясь к освещенной костром поляне. — Когда я не буду лже-Ягой, лженечистью и потенциальной княжной с мутными родственничками».

Задумка научиться знахарству и удрать подальше и от Буяна с его ведьмами, и от непотребных родителей с непонятными видами на блудную дочурку показалась как никогда привлекательной. Размечтавшись, я вывалилась на поляну, даже не удосужившись осмотреться, и тут же прокляла себя за ротозейство.

— Кому это не спится в такую пору? — с бревнышка поднялся Ростислав, наполовину вытащив меч из кольца на поясе.

Одновременно матеря собственную невнимательность и радуясь, что оказалась за спиной знакомого, я ломанулась обратно в кусты.

— Эй, не тронь, — остановил готового броситься в погоню витязя Илья. — Это ж моя нечисть.

— Прости, брат, — повинился Ростислав, плюхнувшись обратно на корягу.

Я затаилась за большим выворотнем, подглядывая в узкую щель между корнями на поляну. Еще только не хватало, чтобы чешуйный витязь опознал во мне Ягу и просветил Илюшку, кто такая эта

«его нечисть». Вот будет позорище.

— Эх... Спугнул... — услышала я, чувствуя, как горят от стыда щеки.

— Вернется. Наверное, — утешил Ростислав. — Ты же говорил, что она местная.

— Местная вроде, — согласился Илья.

— Но я среди местных таких не встречал, а почитай уже второй десяток лет на взморье живу.

— А ты всю местную нечисть в лицо знаешь?

— Да кто ж их в лицо знает? — хмыкнул витязь. — Они редко на глаза показываются.

— А говоришь «не встречал»... Может, просто не видал.

— Так я ж не про лицо. Местные недобрые. Кабы не наказ Яги, сжили бы нас со свету и косточек не оставили. С ними только Черномор управляться умел, да и то не со всеми. Хитрые они. Хуже давешней ведьмы. Коли тебя в болото толкают, вырваться можно, отбиться, еще как-нибудь спастись. А от хитрости щит не спасет. Заманят в болото, и поминай как звали.

— Меня она от болота манила, — покачал головой Илья. — Да я, дурак, не послушал.

С полянки донесся звонкий хлопок, заставивший меня покраснеть еще сильнее: Илья все еще воевал с комарами.

— Зато комаров натравила, — напомнил Ростислав.

— Обидел я ее, вот и натравила. Прощенья бы попросить, да не у кого.

— За языком бы кое-кому следить научиться, — проворчала я себе под нос. Ростислав тут же обернулся, вглядываясь в темные провалы между деревьями. Мне показалось, что его взгляд уперся прямо в меня, и я нервно сглотнула. «Вот же слух у мужика!»

— Пошли завтра со мной к Яге. Может, подсобит твоему горю, — проговорил витязь, все-таки отвернувшись.

— Да не хочет она со мной говорить. — Илья сердито отмахнулся то ли от слов собеседника, то ли от очередного комара. — Знаешь же, как в тот раз осерчала.

«Еще как осерчаю! — мысленно подтвердила я. — Только мне не хватало с тобой объясняться в присутствии Ростика. Тот уж точно меня на вранье поймает!»

— Так и будешь от комарья отбиваться?

— А куда я денусь? Сегодня приходила. Значит, еще придет.

«Ну уж нет!» — обозлилась, зевая с риском вывихнуть челюсть.

— Как скажешь, — кивнул Ростислав, поднимаясь. — А я все же спрошу. Все равно сегодня к ней пойду.

«Куда пойдешь?! — Я едва сдержалась, чтобы не заорать. — На часы посмотри, гость незваный!»

— И куда ты пойдешь в такой час? — озвучил мои мысли Илья. — Хочешь, чтобы она нас обоих чем-то похуже комаров прокляла?

— А я осторожно, — ухмыльнулся витязь. — Гляну, светится ли окошко. Если светится, значит, не спит, можно звать.

«А, может, я в темноте спать боюсь! — огрызнулась я, судорожно вспоминая, загасила ли магические свечи. — И того, кто меня разбудит, так проклянусь, что...»

Как именно я проклянусь того, кто нарушит мой воображаемый сон, я додумать не успела, потому что чрезмерно активный богатырь, распрощавшись с Ильей, уже шагнул на едва заметную в темноте тропу. Ту самую, которая вела к избушке на курьих ножках.

Выругавшись, я дала ему несколько секунд, чтобы отошел подальше, и снова выбралась на поляну.

— О! — поднялся Илья. — Вечер добрый, гостя лесная...

— Добрый, добрый, — невнимательно отозвалась я, нашаривая в складках повязанной на пояс шали яблоко. Как назло, под руку попадался только нос.

— Присядь, отдохни, — предложил между тем Илюшка.

— Недосуг. — Я все же нащупала яблоко и кинула ему. — На! Его Яга принести велела.

— О как! — заметно опешил парень, но яблоко все же поймал. — А где ты...

— Где взяла, там уже нет, — перебила я, поспешно отступая обратно в лес.

— Постой, гостя лесная! — воскликнул мне вслед Илья, но я даже не притормозила.

— Спасибо! — донеслось до моих ушей, когда я уже преодолела половину расстояния до частокола.

— Пожалуйста, — буркнула я себе под нос. — Еще громче покричи, а то не весь лес тебя услышал.

На мое счастье, калитка находилась аккурат с другой стороны частокола. Я как раз успела перемахнуть через забор и заметить, что окна избушки на курьих ножках мягко светятся приглушенным ставнями светом, когда услышала:

— Хозяйка! Я ведра твои принес!

«Ведро?! — скривилась я. — Они ж самоходные. Мог бы и получше предлог придумать!»

— Хозяйка! — снова позвал Ростислав, пока я судорожно прилаживала на место крючковатый нос.

— Чего надо?! — прошамкала я, справившись с задачей. Сгибаться в три погибели, правда, пришлось самостоятельно: развязать те узлы, которые затянула на шали, пока разыскивала яблоко, мне не удалось.

— Так ведра... — слегка опешил витязь.

— Сами бы пришли, — буркнула я. — Что-нибудь еще?

— Э... — замялся непривычный к такому холодному приему Ростислав.

— Вот и нечего тут шататься, — заявила я, пинком загнав ведра на двор. — Спать иди.

Калитка захлопнулась так же быстро, как и открылась. И я, искренне надеясь, что там, на поляне, витязь не успел рассмотреть не только лицо мнимой нечисти, но и ее одежду, пошаркала к избушке. Судя по тому, что оклика не последовало, витязь не успел. С облегчением переведя дух, я шагнула на предупредительно скользнувшее под ноги крыльцо и вошла в сени.

«Ну, все... Завтра разберусь с этой комариной глупостью, — сказала я своему отражению в бадейке с водой. — А сейчас спать...»

— Ну, здравствуй, гулена, — шевельнулась в дверях темная тень. — А мы уже с Васенькой заждались.

«Опять?!» — только и успела подумать я, прежде чем вокруг, вышибая слезы из глаз, вспыхнуло множество магических свечек.

Глава 31

ДВОЙНОЙ УДАР ПО НЕРВАМ

— Это уже начинает надоедать, — проворчала я, кое-как проморгавшись. — И кто вы такая? Очередная тетя из Бразилии, которая будет у нас жить?

Чего бы ни ждала незваная гостья, но явно не этого. Она наклонила голову к плечу, рассматривая меня как диковинную букашку.

— Нет. Я тебе не тетка.

— Троюродный дедушка? — предположила я и, нахально отодвинув ее плечом, прошла в комнату.

— Самоуверенности более чем достаточно, — хмыкнула женщина. — Наглости, так еще и с перебором. А все остальное?

— Увы, когда я хочу спать, в ассортименте только это, — поморщилась я и, плюхнувшись на лавку, принялась распутывать узлы на шали. — Так что шли бы вы отсюда, дедушка. Подобрю-поздорову.

— Даже так, — разумеется, она и не подумала последовать моему совету.

Зато на меня тут же зашипел Васька:

— Ума решилась?! Ты как разговариваешь?!

Я не обратила на кота никакого внимания. Как, впрочем, и гостья. Она спокойно спихнула лохматую тушу с лавки и уселась напротив меня.

— Кто я, догадалась?

— Тоже мне бином Ньютона, — фыркнула я. — Вы здесь, изба вас впустила, не выплюнула и даже не пожевала, котюра разве что не ковриком под ноги стелется... Яга номер какая-то там. От меня вам что надо?

— Яга номер какая-то — это ты. А я — просто Яга.

— Да мне, в общем-то, без разницы, — пожала плечами я.

Кто такая незваная гостья, я догадалась практически сразу. Слишком уж ластился к ней Васька. Да и фамильное сходство было. Вот только очередная родственница, без спросу ввалившаяся в хоть и временно, но мой дом, совершенно не обрадовала. К тому же опасности я от нее не чувствовала. А потому усталость и раздражение брали верх над подозрительностью.

— Чутье тоже есть, — заявила вдруг Яга, с удовлетворением кивнув. — Ну что ж, внученька, утро вечера мудренее. Завтра поговорим.

— Было бы о чем, — буркнула я.

Выгонять ведьму во двор я посчитала бесперспективным: не уйдет. Ночевать под кустом самой тоже не вдохновляло. Но и спать в ее присутствии было неудобно. Что-что, а иллюзия собственной неуязвимости после знакомства с матушкой меня покинула.

— Старый! — рявкнула ведьма, и я сообразила, что зовет она кого-то уже не в первый раз.

— Чего надобно, Яга? — На полке между горшками появился домовой. — Занят я.

— Вот, значит, как? — заметно удивилась гостья. — Уже Яга, а не хозяйка?

— Много тут таких хозяев бегают, а я — один, — ворчливо качнул бородой он.

— Постель мне приготовь, — велела ведьма.

— Это уж как хозяйка прикажет, — оскалился домовой, кивнув в мою сторону.

— Ишь ты... — Незваная гостья выжидательно перевела взгляд на меня.

— Постели ей на лавке, — буркнула я. Воевать среди ночи с очередной ведьмой не было никакого желания. — И присмотри, чтобы спала крепко. А то ходят тут всякие... А потом... яблоки пропадают.

— Сделаем, хозяйюшка, — ухмыльнулся домовой и, щелкнув пальцами, исчез.

Лавка у самой двери оказалась застлана тонким полосатым половиком, рядом появился второй такой же. Брови ведьмы влетели на лоб, но сказать она ничего не сказала. Только бровью повела, и половики превратились в толстый матрац и пуховое одеяло.

«А что, так можно было?» — чуть не ляпнула я, но вовремя прикусила язык.

— До чего же ласковая внученька выросла, — ни к кому не обращаясь, протянула гостя и принялась раздеваться.

— Вся в бабушку, — огрызнулась я, последовав ее примеру.

— Зная твою бабушку...

— А уж матушка у меня... А если вторую бабушку вспомнить, так и тянет заласкать. До смерти...

Ведьма фыркнула, но оставила мою шпильку без ответа и улеглась. Недолго думая, я последовала ее примеру. И так от ночи остались одни огрызки, а наутро меня куча дел ждала.

Не дождалась. Куча, в смысле. Проще говоря, я умудрилась проспять все на свете. А разбудил меня наглый луч солнца, пробравшийся под веки уже около полудня.

Я села на лавке и со вкусом потянулась. «Ну хоть выпалась, и то хлеб». Ночной госты в комнате уже не было.

«Вот бы они с сестричкой поубивали друг друга, — подумала я, заметив, что волшебная шаль и бутафорский нос исчезли со стола, где я их вчера бросила. — Интересно, сможет Ядвига сообразить, что это не ее ученица по двору шастает?»

Впрочем, это мне было не настолько интересно, чтобы все бросить и идти разбираться. Вместо этого я умылась, слезила в подпол за скатеркой и, расстелив ее на столе, принялась обстоятельно завтракать. На запах еды тут же откуда-то выполз Васька. Проигнорировав предателя, я подцепила на двузубую вилку ломтик ветчины и отправила в рот.

— Поправила-таки! — с восхищением возвестил кот, не дождавшись от меня приветствия. — Я сразу понял, что ты настоящая Яга!

— Угу, — буркнула я, хрустнув соленым огурцом.

— Я вообще всегда в тебя верил!

— Угу...

— Никто не верил, а я — вот!

На это я даже не посчитала нужным ответить. Соорудила себе многоярусный бутерброд и шепнула тайное слово, отключающее продуктивное изобилие. Кот, как раз потянувшийся в ветчине, с маху всадил коготь в пустое место.

— Эй! Ты чего? Обиделась, что ли? — фальшиво удивился котяра.

— Порвешь скатерку — заплаток из тебя наделаю, — меланхолично сообщила я. — Ты у нас тоже тварюшка волшебная, подойдешь.

— Да ладно тебе, — набычился Васька. — Это ж Яга! Настоящая!

— А я все-таки не совсем настоящая или как? Ты сначала определись, — хмыкнула я и встала из-за стола. Пора было разбираться, чем мне грозит появление двоюродной бабули.

День выдался солнечным и приятным. В ветвях яблони пели птицы, теплый ветерок нежно оглаживал лицо, в кои-то веки не прикрытое здоровенным шнобелем. «Надеюсь, — невольно подумала я, — меня не угораздило загореть по такому трафарету». От таких мыслей нежиться на солнышке сразу расхотелось, и я направилась к яблоням, откуда доносились невнятные голоса.

Стоило раздвинуть свисающие почти до земли ветки, как невнятное бормотание превратилось в экспрессивный диалог. Шаль и нос валялись на столе, а две мои бабки, до одури напоминавшие драчливых ворон, переругивались между собой.

Закусив губу, чтобы не расхохотаться, я прислонилась к дереву.

— Ты зачем вообще сюда явилась? — подавшись вперед, с пафосом вопрошала бабка номер два.

— За внученькой присмотреть, — парировала бабка номер один, задрав нос так высоко, что на сестренку ей приходилось смотреть, скосив глаза к переносице. — Ты-то свою воспитать не сумела, как я погляжу. Вертихвостку вырастила, однако.

— Как же! — картинно расхохоталась Яга. — За внученькой присмотреть... Скажи уж правду: стащить, что не прибито, и удрать, пока за руку не схватили! Как обычно.

— По себе судишь? — прищурилась Ядвига. — Можешь у Василиски спросить. Я ни полушки медной не взяла, ночевать в баньку ухожу. И только о том и мыслю, как бы внученьку доглядеть-обучить, не то, что ты...

— А что я-то?! Я Янку всему обучила!

— А что Янка бездарком уродилась, так это случайно, — издевательски добавила Ядвига. — Наследственность, что тут поделаешь. Хотя ты и слов-то таких не знаешь.

— Янка не бездарок! Не примет Буян бездарка! — огрызнулась Яга.

— Ну да, ну да... То-то он первую попавшуюся девицу, необученную да несведущую, без обряда принял.

Я наострила уши. Разошедшиеся бабки не видели никого, кроме себя, и вполне могли сболтнуть что-то интересное.

— А не ты ли к этому чуду руку приложила?!

— Я бы и приложила, — подбоченилась бабка номер один. — Да вот не пришлось: твоя внучка сама справилась. И призвала Ваську она, и скинула на ее плечи весь шалгам, в который вы на пару Буян превратили тоже совершенно без моей помощи.

— Да ты... — задохнулась от возмущения Яга.

— А я-то что? — почуяв слабину, Ядвига пошла в атаку. — Я внученьку выпестовала, теперь вот учу. Одного не понимаю, ты зачем здесь?

— А за тем, чтобы ты не облапошила всех, кто тебя послушает, — огрызнулась бабка номер два. — Потешилась, сестричка, наставницей себя почуяла? Пора и честь знать. Я сама Ваську обучу всему, что Яге надобно. Чай последние триста лет я тут мир хранила, а ты — под забором терлась да козни строила.

— Так я тебе свою внучку и доверила! — Ядвига сунула под нос сестре кукиш и царственно махнула рукой в сторону калитки. — Уходи. Мы с Василисой и без дальних родственников разберемся!

— Это ты убирайся! — возмутилась Яга.

— Еще чего? Кончилась твоя власть. Сама убирайся!

От калитки уже минут пять доносился громкий стук, на который бабки, увлеченные перебранкой, не обращали ни малейшего внимания. Пришлось вернуть их в реальный мир принудительно.

— Кхе! — кашлянула я и, промаршировав к столу, сгребла нос и волшебную шаль. — Там в калитку ломаются, а я инвентарь по всему двору ищу. Нехорошо. И вообще. Шли бы вы отсюда обе. А то учебы от вас чуть, а шума — немерено.

— Васька! Василиса! — одновременно заговорили опомнившиеся ведьмы, бросаясь за мной следом.

— Потом, все потом. Столько дел, — прошамкала я, с удовольствием отпуская отведенную ветку.

Сдавленная ругань за спиной подсказала мне, что одним ударом я прихлопнула сразу двух зайцев.

— Вот так, — с удовлетворением проворчала я себе под бутафорский нос. — А то взяли моду обсуждать меня за спиной. Погодите, бабули, то ли еще будет!

Впрочем, хорошее настроение быстро сменилось предчувствием неприятностей.

— Здрава буде, хозяйюшка, — в пояс поклонился Илья, едва я распахнула калитку. За его спиной маячил Ростислав.

КОМПЛЕКС МЕДВЕЖЬИХ УСЛУГ

На какое-то мгновение я малодушно задумалась, а нельзя ли отправить Илюшку обратно в лес прямо сейчас. Интуиция бунтовала, подсказывая, что заводить с ним разговоры в присутствии Ростислава, да еще имея за спиной двух обозленных бабок, не лучшая идея. Но тут парень с маху прихлопнул на шее очередного комара, и я устыдилась. «И так он благодаря мне пережил парочку не самых приятных дней. Вон какие синяки под глазами. Чистая панда рязанского разлива. Хех, придется рискнуть».

— И тебе не хворать, коли не шутишь, — прошамкала я. — Принес яблочко?

— Принес, хозяйюшка, — кивнул Илья и протянул мне чертов плод.

подавив зловредное желание спросить, как он его достал, я сунула яблоко в карман и кивнула.

— Благодарю за службу.

— Э-э... — Илья заметно опешил, но пока я ругала собственный дурной язык, успел оправиться и спокойно продолжил: — Я уговор справил. Твой черед. Помоги, бабушка, нечисть лесную освободить.

— Это какую нечисть? — буркнула я, лихорадочно соображая, как выкручиваться. Я-то думала, он попросит от комаря его избавить. В крайнем случае, с нечистью по этому поводу пообщаться. А тут на тебе. — Много их тут бегают.

— Не юли, хозяйка, — нахмурился Илья. — Знаешь ты, за какую нечисть я прошу. По глазам вижу, что знаешь, только отпускать ее в Навь не желаешь. Так?

Он не двигался, но ладонь легла на эфес меча очень красноречиво. «Ну и что теперь?! — мысленно взывала я. — Молнией его по маковке? Так не за что вроде». «Когда он вас убьет, тогда и приходите», — вспомнился дурацкий полицейский анекдот из прошлой жизни, и я заскрипела зубами.

— Да не хочет она в Навь, парень. Ей и тут неплохо.

— Ну, разумеется, — недоверчиво хмыкнул богатырь. — Куда уж лучше участь: по болотам бегать да честной народ топить, да?

— Да нет же! — возмутилась я. — Никого она не топит. И не собирается. Как и в Навь отправляться, кстати!

— Так пусть она мне сама про то скажет.

— А и скажу, — раздался за моей спиной звонкий голосок прежде, чем я успела открыть рот. — Пошто все веселье мне порушить желаешь?!

Со всей доступной поспешностью я развернулась. Стройная девица в полуистлевшем сарафане, сквозь прорехи которого проглядывала голубоватая на свету кожа, сердито топнула ногой.

— На полянке лесной ты по-другому говорила, — медленно произнес Илья. Я буквально спиной почувствовала его тяжелый взгляд. — Да и выглядела по-иному... Дурить меня надумала, хозяйка?!

— Ой! Какие мы нежные. Прямо цветочек боярский, — звонко рассмеялась неизвестная девка. — Мало ли что я там говорила. Скучно мне было. Дай, думаю, поговорю с перехожим. А чтобы ты от испуга порты не попачкал — лицо чужое взяла. Что, понравилась?!

Она снова рассмеялась и, обдав меня запахом тины, протанцевала мимо. Кое-как оправившись от неожиданности, я собрала мысли в кучку и попыталась как-то поправить дурацкую ситуацию. Но мне в очередной раз не дали даже рта раскрыть.

— Говорил я тебе, Илья, — вмешался Ростислав, — нет нечисти веры. С ними самый добрый разговор: гнать взащей.

— Ой, поговори мне еще! — фыркнула девица, зло сверкнув глазами. — И куда ни пойдешь тогда — одно болото под ногами найдешь. И ты тоже!

Неизвестно откуда взявшаяся нечисть ткнула Илью когтистым пальчиком в грудь и тут же отскочила.

— Да мне уж комаров твоих хватило, — хмуро буркнул Илья, отступив на шаг. — Не желаешь воли — твое право.

Девушка расхохоталась, танцующей походкой проследовала к яблоням и плавно взлетела на нижнюю ветку. Я проводила ее ошарашенным взглядом, но она и ухом не повела. Усевшись со всеми удобствами, она принялась строить глазки Ростиславу. Тот сплюнул и отвернулся. На голубоватом личике мелькнуло удовлетворение, и девушка занялась растрепанной косой. У меня в голове забрезжили смутные подозрения. Но задуматься я опять не успела.

— Коли ненадобна моя помощь нечисти лесной, так тому и быть, — пробасил Илья. — Видать, долго я возился. Стемнело у нее в душе.

«В мозгах у нее стемнело!» — мысленно огрызнулась я, но богатырь, оказывается, еще не закончил.

— Прости, хозяйка, что даром озаботил.

— Ничего, — только и смогла проговорить я.

— Есть у меня другая служба. Прислал меня к тебе князь русский. Прослышал он, что живет у тебя Василиса, дочь его пропавшая, моей нареченной названная и в жены мне обещанная.

— И? — буркнула я, думая, как отвечать на очередное «отдавай подобра-поздорову!».

— Неужто встанешь промеж супругами, хозяйка? — вздернул бровь Илья.

— Чего? — опешила я.

— Да какой ты мне супруг, мужик-лапотник?! — Из-за угла избышки царственной походкой выступила...

Я с трудом удержалась от необходимости хорошенько протереть глаза. По тропинке, брезгливо ступая босыми ногами, шла я. Я! Бесы бы сожрали этот театр абсурда.

— Да уж какой есть, коли твоего батюшку послушать, — хмыкнул Илья.

— Вот еще! Буду я его слушать! — капризно воскликнула «я».

— Ну вот сама бы ему о том и сказала. Али боязно?

— А может, и скажу, — усмехнулась моя копия, кокетливо поправляя волосы. — Я подумаю. А ты погуляй пока.

Она крутнулась вокруг своей оси, огладив колоколом вставший сарафан:

— Хороша ягодка, да не про тебя!

По лицу Ильи было видно, что он предпочел бы этой «ягодке» любую другую, хоть волчью, но мой клон на такие мелочи внимания не обращал. «Я» гордо проследовала к яблоне, где уже сидела лесная нечисть. Едва заметное движение ладони, и из-под веток вынырнула лавка. Девушка села, заботливо расправив сарафан, и бросила наверх:

— Смотри, на голову мне не свались, обезьяна.

И тут до меня дошло, кого я вижу.

— А ну, умолкли! — рявкнула я, обретая дар речи. — Обе!

Девушки удивленно переглянулись, и мои подозрения превратились в уверенность. Мысленно выругавшись, я повернулась к Илье.

— И нужна тебе такая нареченная?

— А кто бы меня спросил, — буркнул богатырь, до побелевших костяшек стиснув эфес меча. — Прости, хозяйка, что дурное о тебе подумал.

Я чуть не взвизгнула: и откуда в мире берутся такие благородные идиоты?! Илья снова хлопнул себя по щеке, прикончил нового комара, и я, спохватившись, вцепилась в его руку, бормоча заговор. Парень дернулся, но я держала крепко, а отпихнуть наглую бабку силой он и не подумал. Благо заклинание было достаточно коротким, и испытывать степень его уважения к пожилым людям на прочность мне не пришлось. Правда, едва я убрала пальцы, как Илья шагнул назад, поглядывая в мою сторону с заметным подозрением.

— И что теперь делать будешь? — спросила я просто ради того, чтобы что-нибудь сказать.

— А что делать? Отпишу князю, пусть он решает, — пожал широкими плечами Илья.

— Тоже верно, — кивнула я и, прикусив на кончике языка неуместное «ты заходи, если что», кивнула на чешуйного богатыря, так и маячившего на заднем плане группой поддержки. — Пока тебя витязи приветят. Да, Ростислав?

— Приветим, — кивнул богатырь, положив руку Илье на плечо. — Может, с нами и останется.

— Может, — кивнула я, нетерпеливо поглядывая на калитку.

Ростислав понял меня правильно и увел незадачливого Илью в лес. Нарочито медленно я закрыла калитку и повернулась к уже принявшим свое истинное обличье бабкам.

— Ну и как это понимать?!

— Что?! — в один голос отозвались они.

— Театр этот?!

— Так мы же помочь тебе хотели, внученька, — оскалилась в улыбке Ядвига. — Эта дуреха, конечно, не сумела... Надо было сразу дурня под белы ручки и в болото!

— А он бы меня там мечом-освободителем по шее, — фыркнула Яга. — Ты-то только о том и мечтаешь!

— Ой... Хороша ведьма, которая боится, что ее первый залетный богатырь в Навь отправит, — рассмеялась Ядвига. — И она тебя еще учить собиралась, Василисушка. Ты только подумай...

— Да я... — взвилась Яга.

— Молчать! — заорала я, и в небе стали быстро собираться грозные тучи.

Бабки переглянулись, мгновенно став как будто меньше ростом.

— Молчать, — повторила я, усилием воли заставляя себя успокоиться. — Повесили на меня этот бардак не вы. Вас тут и близко не было. Так чего теперь полезли?! Тяп-ляп и все планы мне перепортили! Набежали, спасительницы. Одна то, другая се... А мне что, в сторонке стоять да гжель с хохломой подсвечниками расписывать?!

— Василисушка...

— Да идите вы обе... В баню! — перебила я.

Тучи еще не до конца рассеялись. Наверное, именно поэтому бабки быстро ретировались. А я, ругаясь сквозь зубы, поплелась к избушке. Настроение было хуже некуда. Хотя я и сама не понимала, почему меня так задела идиотская история с Илюшкой. С одной стороны, я хотела, чтобы он убрался из леса. А с другой... То, как бабки разом изгадили обе мои ипостаси, бесило до зубного скрежета. Не хотелось мне, чтобы Илья знал меня такой... Ох как не хотелось. Знать бы еще, какая мне, черт бы побрал эти волшебные заморочки, разница...

ПРЕДСКАЗУЕМЫЕ ШПИОНЫ И СЛУЧАЙНЫЕ РАЗВЕДЧИКИ

Но долго предаваться унынию я себе не позволила. Усилием воли отогнав мысли о ярких голубых глазах пришлого богатыря, я встряхнулась и спустилась в подпол. Большая часть отпуска молодой Яги уже прошла, и мне оставалось продержаться еще дней пять. «Ну, неделю от силы, — прикинула я, машинально проводя пальцем по корешкам книг на низкой полке. — А там... Желание она мне обещала на полном серьезе. Тут такими вещами не шутят. Если следовать букве уговора, все шло по плану. Ведь пока никто не засомневался, что я — настоящая Яга. Другой вопрос, что бабки вообразили себе невесть что. Но они не только мои, но и Янкины родственницы. Вот вместе и будем разбираться».

В конце концов я пришла к выводу, что сразу две бабки, да еще ненавидящие друг друга, — идеальное решение в моей ситуации. Учиться мне в любом случае необходимо. Да, с даром повезло, всякие зубодробильные заклинания мне на фиг не нужны. Но существуют еще и зелья, и травы, и еще многое из того, что мне, без сомнения, пригодится в будущей, свободной жизни. Вот пусть бабули меня в курс дела и вводят. А чтобы они мне лапши на уши вместо учебы не навешали, буду у обеих учиться. Родственная «любовь» у них такая «нежная», что договориться не сумеют. А значит, будут следить одна за другой, как проверка из контрразведки за проштрафившимся полковником. И стучать в случае чего тоже будут в надежде, что я прогоню конкурентку. Как, впрочем, и учить меня со всем старанием из тех же шкурных соображений. Мне же только того и надо. Из книг-то всего не почерпнуть.

«Хотя и книги пригодятся, — поправилась я, наткнувшись взглядом на витиеватые буквы: „Травы лечебные, ядовитые и колдовские“. — Надо будет выяснить, как тут копии с книжек снимают. Ксероксов-то явно не придумали».

Мой план сработал на все сто. Бабки бдили, как стоокие Аргусы. Если одна что-то мне рассказывала, вторая то и дело прерывала ее язвительными комментариями, уточнениями или хотя бы презрительным фырканьем. К вечеру я прокляла все что только можно, и в первую очередь противных родственниц. Правда, только мысленно. Крыть мне было нечем: бабули четко следовали моим же инструкциям.

Когда подошло время ужина, я, скрипя зубами, выдала старухам по порции горохового супа со скатерки и пожелала приятного сна в баньке. Спорить со мной они не стали: притащили с огорода по здоровенному подсолнуху и уселись под яблоней лузгать семечки и ругать современную молодежь. Вот уж где сестрички проявляли потрясающее взаимопонимание и единогласие.

Сплюнув, я умелась ужинать в избушку. Ваське выдала миску со сметаной. Но сама едва только успела нацелиться на большое блюдо с пельменями, кот запрыгнул на стол, довольно облизываясь. Пока я соображала, как можно с такой скоростью слопать добрый литр густой деревенской сметаны, он подцепил когтем кусок ветчины.

— Как день прошел, Василисушка? — промурлыкал кот с самым умильным выражением на морде. — Как учеба?

— Прости, что? — опешила я.

— А что? Мне интересно.

— Да? — прищурилась я. Заботливый тон подходил наглому котяре как корове седло.

— Да, — размашисто кивнул Васька, сдергивая с тарелки еще один кусок. — Ты рассказывай, рассказывай.

— Нечего рассказывать. Учеба как учеба.

— А дальше что делать думаешь?

— Ужинать, — буркнула я, чувствуя, как крепнут подозрения. Вот уж чем котище никогда не интересовался, так это моими планами.

— Я не о том. Вот ты скажи, нравится тебе тут? Остаться не надумала?

— Так... Яга любопытствует?

— Почему сразу Яга? — фальшиво возмутился кот. — Я сам! Привык я к тебе, привязался...

— А теперь отвяжись, — обозлилась я, заметив, как он косится на окно. — И вообще. Сметану срубал? Иди в баню. К бабке!

— Почему сразу в баню?! Зачем в баню?!

— Как зачем? Докладывать! — рывкнула я и недвусмысленно кивнула на распахнутое окно.

Васька фыркнул и с видом оскорбленной невинности запрыгнул на подоконник. Потоптавшись там минут пять, словно давая мне время одуматься, он все же спрыгнул во двор. Я только головой покачала и, не поленившись встать, выглянула в другое окошко: котяра рысил напрямик к поджидавшей у яблони Яге.

— Ну вот... Только личного шпиона мне и не хватало, — проворчала я себе под нос и позвала домового: — В избу никого не пускать. Даже котяру. Бабки, как в баньку уберутся, пусть там до утра и сидят. Если что случится, меня позовешь.

— И то добре, — кивнул мужичок. — Нечего тут вынюхивать.

Поблагодарив домашнюю нечисть улыбкой и блюдцем с молоком, я свернула скатерку и, нацепив бутафорский нос, подхватила шаль. «Тут мне остатки аппетита отобьют! Зря, что ли, я самобранку чинила?!» — решила я и, воровато оглянувшись, выскользнула из избушки.

Бабули так и торчали под яблонями, и я, обойдя сад по большой дуге, перебралась через частокол. Направилась я к морю. А что? Причина у меня вполне уважительная: богатырей тоже ужином покормить надо.

Не требовалось. Еще даже не выйдя из леса, я учуяла потрясающий аромат жаренного на костре мяса: витязи и без меня разобрались чем ужинать. «Вот ведь паразиты, — мелькнула в голове сердитая мысль. — А если бы я готовила?! Хоть бы предупредили!» Впрочем, я быстро устыдилась собственной склонности и мысленно отвесила себе отрезвляющую оплеуху: «Что-то уж очень хорошо я вжилась в образ злобной ведьмы. Объягилась в край. Осталось только на чьих-нибудь косточках поваляться. Наследственность, что ли, вызграла?»

Пообещав себе впредь держать «ягство» под контролем, я свернула в сторону от ярко пылавшего на берегу костра, вокруг которого сидели витязи. Чуть в стороне нашлось вполне уютное местечко. Несколько валунов, за день нагретых солнцем, еще не успели остыть, и я уютно устроилась на одном из них. Ярко светила голубоватая луна. Передо мной, насколько хватало глаз, простиралась темная гладь моря, разрезанная серебристой лунной дорожкой.

Я расстелила скатерку и подтянула поближе блюдо с исходящими паром пельменями. Можно было, конечно, зажечь магический огонек. Или и вовсе наколдовать свечи, как в ресторане. Это я уже умела. Но почему-то нарушать природный флер этого места мне не хотелось, и я лениво жевала пельмени, окуная их в сметану, и просто смотрела на море. Насытившись, я сложила самобранку и откинулась на теплый камень, как в кресле. Возвращаться на поляну к вредному коту и не менее противным бабкам желания не было, и я бездумно скользила взглядом по горизонту, наслаждаясь почти забытым покоем и одиночеством.

Наверное, я могла бы так просидеть очень долго. Но кто-то там наверху решил, что хорошего понемножку, потому что буквально через несколько минут под тяжелой поступью захрустел песок и до меня донеслись невнятные голоса. Выругавшись себе под нос, я соскользнула с облюбованного валуна: еще только не хватало, чтобы Ягу застукали скачущей по местным скалам как горная коза. Не по возрасту такие кульбиты старушке.

Но, как обычно, мне не повезло. Ночные гуляки остановились четко в том месте, где я взбиралась на кучу валунов. Искать обходной путь в сгустившейся темноте было чревато, и я, ругаясь уже про себя, затаилась в расщелине.

— Посмеялась надо мной вредная ведьма, — упрямо и, похоже, уже не в первый раз сказал Илья, чей голос я опознала безошибочно. — Не захотела нечисть отпустить и подсунула черт знает что.

— Это ты брось. Яга слово держит, — с легким раздражением проворчал его собеседник.

Этого я видела темным силуэтом на фоне светлого песка. Голос его я тоже уже слышала, но узнать навскидку не смогла.

— Видел я, как она держит, — невесело усмехнулся Илья.

— Она тебе нечисть обещала показать. Не показала?

— Показала. Но поговорить не дала. Может, то и вовсе не она была. Моя — другая.

— Какая такая «другая»?

— И статью, и обхождением.

— Нечисть, она и есть нечисть. — В возражавшем Илье я все же опознала Ростислава. — Может и доброй прикинуться, и красотой чужой поманить. Она все может.

— Так уж и все.

— Ну, в меру своей вредности, конечно, — поправился витязь. — Нечисти по большому счету никто не указ. Главное, чтобы пакостила. А уж как пакостить будет, никто не спросит.

— И все равно странно это. Нечисто тут.

— Ну так нечисть же, — ухмыльнулся Ростислав, разводя руками.

«Наша песня хороша, начинай сначала!» — мысленно окрысилась я. Камень уже остыл и неприятно холодил спину, которой я к нему прижималась. Да и спать давно уже хотелось, не говоря о том, что за ужином под пельмешки я выхлебала полкувшина кваса и думать способна была только о будочке у частокола. А тут два обалдую перемывают мне кости, перекрыв дорогу к заветному строению.

— Нынешняя Яга получше прочих, — заговорил между тем витязь. Я даже заулыбалась: ну наконец-то хоть кто-то оценил мои усилия. Правда, улыбка быстро сменилась кислой миной, потому что болтун продолжил: — Но хорошая али нет, а все ж ведьма.

Я с трудом удержалась, чтоб не сплунуть, и снова наострила уши. «Ну, погоди, соратничек, я тебе это припомню».

— Кто бы спорил, — покачал головой Илья. — Как есть ведьма. Но мне от того не легче. Не говорить же князю: «Видал я твою дочку. А что не говорил с ней, так мне смотра хватило».

— Князю это не понравится.

— Вот то-то же.

— А ты, брат, поговори с Ягой.

— Поговорили уж, — фыркнул Илья.

— Ну, дык не прогнала же, — пожал широкими плечами Ростислав. — Вот и подожди хорошего случая. Чтобы у нее настроение получше было. Ты ж с девкой этой жениться не хочешь?

— Еще чего! — возмутился богатырь. — Я лучше змею ядовитую в дом приведу. Та хоть молчать будет!

— Ну вот. Не знаю, уж на что Яге эта девка, но отпускать ее она не хочет. А раз тебе такое счастье без надобности, то и делить вам нечего. Завтра я Ягу на взморье позову. Мы тут кой-чего достроили — пусть поглядит. Ну и ты уж не зевай.

С этим планом Илья согласился, и болтуны наконец пошли в обратную сторону. Едва дождавшись, пока они хоть чуть отойдут, я, приплясывая от нетерпения, рванула в сторону избушки.

— А еще говорят, бабы народ болтливый, — бормотала я себе под нос, резво перепрыгивая корни и кочки. — Это они двух мужиков не слышали! Но подумать есть о чем... — Тут я чуть не врезалась носом в частокол и быстро поправилась: — Потом подумать.

Глава 34

ИНТРИГА ЗАВЯЗЫВАЕТСЯ

— Хозяйка...

Тихий скрипучий голос органично вплеся в шелест верхушек бесконечного леса, над которым я парила.

— Хозяйка...

«Ветер какой говорливый», — лениво подумала я, окидывая взглядом свои владения.

— Хозяйка, проснись...

— Какой «проснись»?! Я работаю, — возмутилась я.

И проснулась.

Ошалело оглядевшись, я обнаружила, что сижу на лавке, а прямо передо мной в воздухе висит бородатая физиономия.

— Тьфу ты черт! — выругалась я, едва не свалившись с лавки.

— Не, — скрипуче отозвалась голова, — черта сегодня не было.

Тут я проснулась окончательно и сообразила, что вижу всего лишь своего домового. Просто он с удобством устроился на соседнем подоконнике и сбоку заглядывал мне в лицо.

— Ну, хорошо хоть черта не было, — проворчала я и, потянувшись, сползла с лавки. — Какие новости, хозяин?

— Дворовник говорит, что за частоколом второй час витязь бродит. Видать, тебя дожидается, — не замедлил с ответом домовый.

— Подождет, — вспомнив подслушанный вчера разговор, я махнула рукой. — А банник что рассказывает? Как там мои бабки?

— На огород ходили. Огурцов нарвали да репу басурманскую.

— Чего нарвали? — опешила я. — Какую репу?

— Басурманскую. Старшая ее сперва огнем пожечь хотела. Мол, невместно на древнем месте дрянью всякую неродную пестовать. А младшая не дала. Дескать, коли дорогая сестричка хочет с голоду пухнуть, то вольна на огороде репу искать.

— И та согласилась? — спросила я, лихорадочно соображая, что такого насажала, отчего старая Яга впала в истерику.

— Ясное дело, нет.

— Так она мне что, огород испортила?! — обозлилась я.

— Не, — ухмыльнулся домовик, перебираясь на свою любимую полку. — Котяра не дал.

— Ты смотри, и от продажных котов бывает польза, — присвистнула я, уже привычно заплетая отросшие волосы.

— А то как же. Ядвига токмо недовольна осталась, не вышло сестру ненавистную под твой гнев подставить.

— Вот змеи, — сплонула я, разобравшись в хитросплетениях утренней свары.

— Ведьмы, — развел руками домовый. — Спокон веку повелось, как больше одной во дворе соберется — быть беде. А тут аж три бродят.

— Три? А... — начала было я, но вовремя спохватилась. — Ну да, в общем... Скоро еще четвертая прибудет.

— Оборони нас древние боги, — искренне передернулся домовый.

В его голосе было столько нервозности, что мне и самой стало не по себе. Тряхнув головой, я

отогнала смутные опасения.

— А будил-то меня чего? Поздно уже?

— И поздно, и в самый раз. Ты, хозяйка, кота в баню прогнала, а чтоб запрет на него наложить, не подумала. Вот его старшая в лес и отправила. За травками да грибами. Токмо пока я тебя будил, он уже убег, паршивец такой.

— Та-ак... — протянула я. — Что за грибки-травки?

— А я почему знаю? Я вашей ведьмовской науке не обучен. А токмо я из тех рук ничего бы теперь брать не стал. Это здесь, на подворье, всякая травка Яге, то бишь тебе служит. А из лесу векового такого принести можно...

— Понятно. — Я пробарабанила по столешнице какой-то бравурный марш. — Кота отловить, пока он добычу не отдал, можно?

— Отловить-то можно, но кто ж его знает, где да чего он оставит.

— Тоже верно, — согласилась я, скрипнув зубами. — Но все равно присматривай.

— Это само собой, хозяйка, — закивал домовой.

Я разложила на столе скатерку и, налив своему добровольному осведомителю молока, села завтракать. Надо признать, мысли были не слишком радостные. Что бабки могут и не уследить друг за другом или, того хуже, специально что-нибудь «не заметить», чтобы спровоцировать скандал, мне в голову не приходило. И вот теперь весь мой изящный план рушился на глазах. Скорее всего, втюхивать дезинформацию на уроках они вряд ли рискнут. А вот все остальное... Да хоть то же яблоко, которое зреет на заднем дворе.

«Скорей бы курортница обратно вернулась!» — подумала я, с остервенением отрывая зубами кусок многоэтажного бутерброда.

Как я и предвидела, за калиткой действительно маячил Ростислав. Увы, вчера мне было не до размышлений о сговоре двух богатырей. А сегодня, заполучив ворох неприятных новостей, едва продрал глаза, я попросту об этом забыла. Поэтому, выбираясь из-за стола, я лихорадочно пыталась сообразить, а как, собственно, относиться к этому наивному заговору. С одной стороны, меня вроде как никто не собирався обманывать — просто хотели поговорить. С другой — сговорились же за моей спиной, паразиты! Богатырская солидарность в действии. Или просто мужская. Кто их там, этих мужиков, разберет?

— Василисушка! — Слащавый голос Ядвиги ввинтился в уши с нежностью облитой сахарным сиропом дрели. — Как спала, внученька?

Я заскрипела зубами, но все же обернулась.

— Спасибо, вы мне не мешали.

— Она бы и помешала, — выплыла из-за угла избушки Яга, — да не вышло. В баньке ночью дверь заклинило. Насилу утром выбрались. Ты бы банника прищучила. А то обленилась у тебя домашняя нечисть, за порядком не следит.

— Это мое дело, — отмахнулась я, с трудом скрыв довольную ухмылку.

Но бабка, походу, и без того о чем-то догадалась, потому что ее на мгновение перекосило. Хмыкнув, я приладила бутафорский нос и пошла к частоколу.

— Василисушка, — снова окликнула Ядвига. — Не слушай ты эту... И не думала я тебе почивать мешать. Просто в будочку сбежать ночью приспичило, а тут такой конфуз. Ну, что поделаться... Угол медвежий, богами забытый, дурачьем темным да необразованным обустроенный. Ни тебе канализации, ни водоснабжения. Сплошная антисанитария. Ну да ничего. Мы с тобой потом тут цивилизацию наведем.

— Я тебе наведу! — взвилась Яга. — Разнаводилась тут! Это место древнее, заповедное...

— Это не повод сидеть в такой же древней заповедной грязи! — вздернула нос Ядвига.

— Так, бабки, — остановила я начинающийся скандал. — Ругаться отправляйтесь на задний двор. Мне работать надо!

— Ах ты ж труженица, — расплылась в насквозь фальшивой улыбке Яга.

— Вся в меня, не чета некоторым, — добавила Ядвига.

Вредные старухи снова обменялись злобными взглядами. Я чуть не взвыла. «Сижу тут с этими ведьмами, как на пороховой бочке, и не знаю, когда рванет!» Перед мысленным взором, как живая, встала картинка: я сижу на плечах у бабок, нелепо размахивая руками в попытке удержать равновесие, а от старушек поднимается дымок и доносится характерное потрескивание. Додумать, куда по логике вещей могли бы быть вставлены горящие фитили, я себе не позволила. Зло тряхнула головой и показала пальцем себе за спину:

— На задний двор.

Бабки переглянулись и наконец-то умелись. Вздохнув, я поплелась к калитке. «Точно пороховая бочка».

К счастью, визит Ростислава никаких сюрпризов мне не принес. Он действительно звал меня посмотреть тренировочный городок, который витязи вот уже неделю строили под его чутким руководством. Повода отказаться я не нашла, да и не очень искала: лишний вечер в обществе любезных, как медовая паутина, родственниц энтузиазма не вызывал. Довольный витязь, сообщив, что обедать они не придут, потому что собираются на охоту, откланялся, а я осталась стоять, прислонившись к калиточному столбу и бездумно глядя на кромку леса.

«Зачем Яга послала туда Ваську? Хотелось бы верить, что за травками для какой-нибудь своей старческой хвори. Но что-то мне это сомнительно, — размышляла я. — Но не травить же меня она собралась. Или не меня? Хотя Ядвига сама кого хочешь отравит...» В конце концов, решив ничего из рук старух не пить и не есть, я вернулась во двор.

К сожалению, совсем дистанцироваться от навязчивой родни не удалось. Учебу я отменять не собиралась. В результате оставшееся до ужина время с кратким перерывом на обед я бродила вокруг избушки, щупая каждую травинку под пристальными взглядами двух ведьм. Это называлось «учиться слышать».

Впрочем, когда я поняла, что от меня требуется, это занятие перестало казаться мне идиотизмом. Травинки, листочки и прочая растительность действительно легко делились с ведьмой в моем лице своими свойствами и силами. В какой-то момент я даже вообразила, что о толстых справочниках травника можно забыть. Правда, потом сообразила, что в случае форс-мажора надо хотя бы знать, какой куст щупать, и снова озадачилась отсутствием в этой реальности даже подобия копировальной техники.

В общем, время пролетело быстро. Я даже удивилась, когда обнаружила, что уже вечер и с бабками можно распрощаться. Но долго наслаждаться радостью по этому поводу мне не удалось. Впереди маячил разговор с Ильей. А я, хоть и подслушала его сговор с Ростиславом, все равно не представляла, о чем он будет спрашивать. Даже малодушно задумалась, а не забыть ли о приглашении. Разумеется, совершенно случайно. Но, покосившись на бабок, обустроившихся за столом под яблоней с таким видом, будто они собираются пустить там корни, все-таки отправилась на взморье.

Глава 35

И ЗАПУТЫВАЕТСЯ...

Посидев несколько часов в подвале с книгами, я какое-то время размышляла, стоит ли прихватить для витязей угощение, и если стоит, то какое. Так ничего и не решив, я аккуратно свернула скатерку и положила ее в полотняную торбу, повешенную на плечо. «Мало ли, может, они на полноценный ужин рассчитывают, а тут я с тортиком припрусь. Мужики, они тортики не очень уважают».

Выйдя из избушки, я буквально на пороге столкнулась с Ягой. «На ловца и зверь...» — проворчала я себе под нос.

— Вы чего тут?

— Так Васеньку ищу, — расплылась в насквозь фальшивой улыбке старуха и так же ненатурально принялась оглядываться. — Васенька! Кис-кис...

Надо мной что-то зашуршало, и не успела я охнуть, как оказалась с ног до головы обсыпана соломенной трухой с крыши. А секунду спустя оттуда сиганул чертов кот и прожогом ринулся в кусты.

— Ах ты, скотина! — обозлилась я, пытаюсь одновременно стряхнуть мусор с волос и вытащить колючие стебли из подобия декольте. — Еще бы на голову мне свалился!

— Вот негодник! Ну прохвост, — поддакивала Яга, охотно охаживая меня по бокам увесистыми ударами. Получив парочку подзатыльников и чувствительный шлепок пониже спины, я взвыла и, отпихнув старуху, принялась чиститься самостоятельно.

— Завтра же железную крышу поставлю! — злилась я, выдирая из косы неведомо как оказавшееся там репье. — Не найдут железа, чешуей своей покроют!

— Ой, покроют! — поддакнула бабка, и это прозвучало настолько глупо, что я, подавившись очередным ругательством, недоуменно посмотрела на нее.

— Ну... — Она развела руками. — Без хозяйского догляду все рушится.

— Особенно коты... На головы, — буркнула я, поводя плечами. От пылищи все тело зудело неимоверно.

— И коты тоже, — спокойно подтвердила Яга.

«А в следующий раз мне что на голову упадет? — подумала я. — Крыша? Или сразу луна?» Перспективы не радовали. Пора было расставить все точки над «и».

— Поговорим? — Я кивнула в сторону стола под яблоней.

— Отчего ж не поговорить, внученька, — с готовностью закивала Яга.

— Я вам не внученька! — тут же с полоборота завелась я.

— Двоюродная внученька, — с угодливой улыбкой поправилась бабка, и я, сплюнув соломенную труху, первой пошла к столу.

— Значит, так... — заявила я, пару раз чихнув. — Еще одна такая случайность, и свою настоящую внученьку будете дожидаться за калиткой в обществе любимой кисы.

— Ну что ты, деточка, — обеспокоенно подобралась ведьма. — Котик расшалился. Так я за ним присмотрю, чтобы не безобразил. Я ж к тебе со всей душой. Помочь хочу. Внучка у меня хорошая, да силушкой древние боги обделили. А вот ты лучшей Ягой станешь. Горько мне это признавать, да что уж.

Пока старуха разливалась соловьем, описывая, какая замечательная Яга из меня получится под ее чутким руководством, я хлопала глазами и незаметно почесывала зудящую спину о ствол яблони. Определенный резон в ее словах был. Ну, в самом деле, кто лучше настоящей Яги, проторчавшей тут последние триста лет, смог бы научить меня ведьмовскому ремеслу. Работа-то ответственная и важная. Шутка ли, магию всего мира хранить.

Слушая бабку, я сама не заметила, как начала кивать. Очень уж разумно звучали ее слова. В унисон моим мыслям. Оглядываясь по сторонам, я понимала, что не хочу, чтобы этот сказочный островок превратился в подобие моего мира с его машинами, копотью и вечно куда-то бегущими толпами. А

для этого его надо было защищать. И от всевозможных попаданцев-прогрессоров в особенности. Не говоря уже о том, что на такой лакомый кусок магии всегда найдутся и загребушие ручки, и жадные рты. А уж что получится, если на Буян наложит лапу кто-нибудь вроде моей матушки, и думать не хотелось. Как бы в результате не образовался мирок похлеще моего техногенного кошмара.

— А Ядвига, она сама техникой этой отравилась, — плавно продолжала меж тем Яга, — и тебя притравила. Трубы всякие, души... То ли дело колодец да банька. А техника — зло верное. Сегодня трубу в землю воткнуть, завтра терем каменный вместо живой избы вырастет. И что тогда с Буяном станет? Так что гони ты ее, негодную, пока она тебе всю душу этой техникой не вытравила.

— Кого гнать? Избу? — неожиданно для себя фыркнула я.

— Все б тебе шутить, — проворчала Яга, нежно улыбнувшись.

Вот только я успела заметить, какой злобой сверкнули ее глаза. А заметив, спохватилась: «Что это я?! Буян от профессоров защищать собралась? Мне же через пару дней отсюда уматывать!»

А Яга меж тем заливалась соловьем о том, как чудно мы с ней заживем, едва я избавлюсь от вредоносной Ядвиги.

— А сама Ядвига где? — перебила я, сообразив, что бабка в жизни не оставила бы меня так надолго с соперницей наедине. Ну, добровольно так уж точно не оставила бы.

Глаза Яги снова сверкнули злостью, и я уверилась, что и в первый раз не обманулась. Это позволило взять себя в руки, стряхивая, словно гипнотический транс, состояние, в которое меня погрузили плавные речи ведьмы.

— Так где она? — уже твердо переспросила я.

— Так придремала в баньке-то, — заулыбалась Яга. — Перегрелась на солнышке.

— На солнышке? — Я покосилась на небо, весь день затянутое низкими облаками.

— Бывает.

— Угу, — буркнула я, поднимаясь.

— Куда это ты, внученька? — всполошилась старуха.

— Я уже говорила, что вам не внученька, — огрызнулась я. — И потому отчет давать не обязана. Куда хочу, туда иду. А вот вы... Идите-ка в баню, за сестричкой присмотреть. А то нехорошо получается. Ей там плохо, а мы тут разговоры разговариваем. Вдруг хуже станет? И рядом никого.

Яга проворчала что-то вроде того, что на ее сестричке пахать можно, но я настойчиво показала глазами на видневшуюся за деревьями баньку.

— Да все с ней хорошо, — уже не скрывая раздражения, заявила бабка. — Сейчас приведу. Пусть воздухом дышит.

— Поздно уже воздухом дышать, — кивнула я. — Лучше спать вовремя укладывайтесь. Возраст, это дело такое. Споткнулся в темноте — бах, и шейку бедра сломал. А то и просто шейку.

Я с намеком нахмурилась. Бабка вроде поняла меня правильно. Глазами просверкала, но в баню все же пошла.

— Хозяин домовый... — тихо позвала я, едва она скрылась за деревьями. Старичок появился почти мгновенно. — Пригляди тут, чтобы бабки чего не вытворили.

— Как скажешь, хозяйка, — кивнул он. — Запрем их в баньке, пусть сидят.

— Самое то, — кивнула я и тут же услышала, что уже поздно. Со стороны бани доносились звуки быстро набирающего силу скандала. — Вот черт...

— Ничего. Переругаются, обратно пойдут, — успокоил меня домовый. — Им тут особо никуда ходу нет.

— Смотри, чтоб до яблока не добрались, — напомнила я.

— Рано еще яблоку, — отозвался он. — Приглядываем.

— Вот и славно, — поспешно кивнула я.

Скандал явно приближался. Похоже, бабки решили втянуть в него и меня. Но в мои планы это не входило, и я рысью рванула к калитке, на ходу нащупывая бутафорский нос в торбе на плече.

Витязи встретили меня с восторгом и сразу потащили смотреть тренировочную площадку. Ну что сказать? Они все сделали по моему плану. Разве что железных запчастей не хватало — их тоже вытесали из дерева. Вот только все снаряды, включая яму с грязью, оказались ровно в четыре раза крупнее обычного.

— С мелким уж больно легко все получалось, — пояснил Ростислав вполголоса, увидев, как у меня неотвратно отвисает челюсть, а брови ползут на лоб.

— Ну, раз так, — пожала плечами я, вовремя вспомнив, что мальчики все-таки волшебные. Не чета солдатам из моей прошлой жизни.

Обойдя всю полосу, витязи пригласили меня к столу. Увидев длинную конструкцию с лавками по бокам, на которой стояли зажаренный целиком олень и горы вареной рыбы, я нахмурилась.

— Опять с Лешим ругаться будете?

— Что ты, матушка. Мы честь по чести: пояснили, что тебя потчевать будем, волков подальше в чащу отогнали и пару буреломов расчистили.

— Ну ладно тогда, — кивнула я. — Но я тоже не с пустыми руками.

Появление скатерки витязи встретили радостными криками и мигом освободили столешницу. Приведенная в порядок самобранка не подвела, укрыв весь стол и мигом заполнив его мисками и крынками со всевозможными блюдами. Ребята быстро притащили откуда-то дополнительные козлы и водрузили на них щиты с наваленной рыбой и оленя. Впрочем, забегая вперед, скажу, что ни о том, ни о другом никто больше так и не вспомнил: приелась богатырям белковая диета.

— Ну, спасибо, уважила, матушка, — то и дело слышалось с разных концов стола.

Спохватившись, я шепотом приказала скатерке запасы мутного самогона на столе не пополнять ни в коем случае. Скатерка послушалась, но для хорошего настроения разговевшимся витязям хватило и того, что было в наличии. Вскоре о моем присутствии дружно позабыли. Разговор рассыпался по отдельным группкам. Кое-где народ уже занялся армрестлингом или вообще решил побороться рядом на песочке.

— Не передерутся? — с беспокойством спросила я Ростислава, кое-как вытащив его из толпы зрителей.

— Да что ты, матушка?! — возмутился тот. — Мы ж братья. Так. Бока друг другу намнем породственному, да и все.

— А если принесет кого?

— И ему намнем, — рубанул воздух ладонью Ростислав. — Не пропустим. У меня на взморье два балбеса стоят. Набедокурили, и сюда им сегодня ходу нет. Ежели чего, мигом всех подымут.

— Ну, раз так... — с долей сомнения протянула я.

— Только так, матушка, — ободряюще улыбнулся витязь и снова ввинтился в толпу.

Я пожала плечами и решила не мешать. В конце концов, даже призывники в нашем военном городке чаще расслаблялись. Ни одна проверка ничего не выявила. Перед генералами все трезвели буквально на глазах. Убедившись, что на меня никто не обращает внимания, я выбралась из-за стола и пошла в сторону моря. После шумного застолья хотелось немного тишины и покоя.

Но не успела я присесть на нагретый солнцем валун недалеко от кромки прибоя, как рядом выросла высокая тень.

— Дозволь присесть, хозяйка.

«Ну да... — пользуясь тем, что закат разбросал по пляжу причудливые тени и моего лица не видно, я поморщилась. — Разговор же. Ради которого меня, собственно, и пригласили».

— На взморье витязи хозяева, — буркнула я, приглашающе махнув рукой.

— Тебе виднее, матушка, — отозвался Илья, усаживаясь рядом на песок.

Обращение неожиданно покорило. «Матушка... Еще бы бабушкой обозвал!»

«А ты и есть бабушка, хоть и фальшивая, — напомнил внутренний голос. — Желаете представиться по форме?»

«Не желаю!» — огрызнулась я, параллельно обругав недавно появившуюся привычку разговаривать сама с собой.

— Ты чего хотел-то, Илья? Недаром же пришел? — поторопила я, желая поскорее оставить неприятную беседу в прошлом.

— Недаром, — согласился богатырь и, помолчав, проговорил: — Только ты уж не серчай сразу. Выслушай сперва.

— Боишься? — хмыкнула я.

— Не то чтобы боюсь, — качнул головой Илья. — Но говорить какой-нибудь лягушкой али волком серым несподручно.

В его голосе явственно прозвучала улыбка.

— Ничего, я звериный язык понимаю, — уже открыто ухмыльнулась я.

— Ну, коли так... Не ты ты мне нечисть показала, матушка. Испытывала меня иль просто позабавилась. А не ты. Не мою нечисть.

— А у тебя уже и нечисть своя завелась?

— Своя не своя, а знакомая имеется. И не та, что ты мне показала.

— Далась тебе эта нечисть, — в сердцах воскликнула я. — Чего ты от нее хочешь?

— Поговорить, матушка. А о чем, это уж наше дело.

— Ишь ты, какой самостоятельный, — фыркнула я. — Знаю я твои разговоры. Мечом по горлу, и поминай как звали.

— Ну, это уж как она сама захочет.

— Ты всерьез полагаешь, что кто-то в здравом уме захочет расстаться с головой?

— Коли бы меня спросили, чего желаю: черные дела творить да души губить али от доброй стали погибнуть, я бы не думал.

— Тьфу ты, — ругнулась я. — Да кто тебе сказал, что она души губит?

— Раз нечисть, значит, губит, — уверенно отрезал этот упрямый осел.

— А кто тебе сказал, что она — нечисть?! — окрысилась я и тут же прикусила язык. Только вот, судя по замершему как статуя богатырю, поздно.

— Так она же и ска... — начал было он и снова умолк.

— Да, да? — раздраженно поторопила я.

— И то верно, — задумчиво протянул Илья. — Права ты, матушка. Не говорила. Сам я так решил, а она не спорила. Так кто же эта девица лесная? Не подскажешь, матушка?

«Ведьма носатая, которая рядом с тобой сидит, болван», — мысленно проворчала я, но вслух, разумеется, произнесла совсем другое:

— А тебе на что? Девица не нечисть. Ей голову рубить вроде как не принято.

— Не принято, — эхом отозвался богатырь.

— Вот. И вообще. Что-то у тебя одни девицы на уме. Пришел за одной, ищешь другую. А уйдешь и вовсе с третьей? — добила я.

— А тут еще и третья есть? — с долей беспокойства оглянулся Илья.

Я чуть не расхохоталась, так нервно это прозвучало.

— А я тебе чем не девица? — Я выпрямилась, насколько это было возможно, и улыбнулась во весь

свой выдающийся зуб. Последние лучи заходящего солнца игриво засверкали на кончике. — Чем не хороша?

— Шутишь, матушка, — с едва заметным облегчением отозвался богатырь. — Так всем ты хороша. А только не про меня ягодка. Я любушку ищу. Так, чтобы ее увидеть и иных потерять. И чтобы она лишь меня на всем белом свете видела. Чтобы дом большой для нее поставить, детки малые тяткой кликали, а она меня на крыльце поджидала.

— О, сколько всего сразу хочешь, — буркнула я. — Губа не Дура.

— Жизнь ее хочу, — спокойно подтвердил Илья, глядя на линию горизонта, теперь лишь слегка подкрашенную алым. — А взамен свою отдам.

— Ишь ты какой. А с княжеской дочкой что делать будешь?

— К отцу отведу, коли захочет да ты отпустишь, — пожал широкими плечами богатырь.

— И женишься, коли захотят, — фыркнула я. — Вот тебе и любка.

— Любушка, — неодобрительно поправил Илья. — Василиса девица пригожая. И без меня найдутся охотники в князьи зятя.

— Но князь-то вроде тебя выбрал. Может, ему другие и не нужны вовсе?

— А я князю всю жизнь служить не клялся, — сверкнул глазами богатырь. — Велико княжество, а и у него границы имеются.

— Ладно. А от меня ты чего хочешь? — устало спросила я.

— Позволь поговорить с девицей лесной.

Упрямое желание богатыря найти лесную знакомую одновременно и разозлило меня, и порадовало. С одной стороны, приятно так нравиться, тем более что и он мне не противен. С другой же... А как это увязать с обязанностями Яги, двумя вредными бабками и хоть и невольным, но все же обманом? Не признаваться же сейчас, что искомая «нечисть» с ним рядом сидит. Наверняка решит, что зловредная ведьма так развлекается.

— Она меня от смерти в болоте спасла, — продолжил между тем Илья, видя, что я не отвечаю. — А я ее и не поблагодарил толком. Не силой же ты ее тут держишь, матушка...

Вопреки покорным словам, я буквально кожей почувствовала требовательный взгляд сидевшего рядом богатыря. «Класс... — прошипела я про себя, в последний момент подавив истеричный смешок. — То он свою „любушку“ убить пытается. То спасти надумал от нее же. И, главное, все ради ее же блага. То есть моего... Чувствую, третье гениальное озарение по поводу моего счастья и благополучия мне не пережить!»

— Хорошо, — неожиданно для себя самой решила я. — Будет тебе разговор. Ну а уж если не договоритесь, или тебе самому чего не понравится, не обессудь. У всех свои недостатки.

— Только ты уж не шути больше надо мной, матушка. Мороком не балуй, — склонил голову Илья.

— Да какая я тебе матушка? — рассердилась я. Это слово коробило до глубины души. — Тоже мне выискался сыночек! Не такая я и старая!

— Не старая, — согласился богатырь. — Я бы тебе больше двухсот лет не дал, ма... э-э... Хозяюшка.

Я так заскрипела зубами, что чуть не сломала бутафорский. Чувствуя, что еще чуток, и сотворю какую-нибудь глупость, например, сниму грим прямо здесь, я резко поднялась.

— Я тебе позв... То есть весточку пришлю. Пару дней мне не до тебя будет. А потом... Потом поговорите. Посмотрим, до чего договоритесь. Сыночек...

Я развернулась на пятках, радуясь, что успела привыкнуть бегать босиком, и зашагала к освещенной кострами площадке у терема витязей. Там уже никого не было, и я беспрепятственно собрала скатерку. Правда, ополовиненный бочонок с солеными огурцами все же оставила на столе. Пьют мальчики редко. У кого-то может и не оказаться необходимой тренировки.

Минут сорок спустя я уже лежала на лавке, в последние дни заменявшей мне постель. Только тут меня накрыл запоздалый озноб. «Поговорить... Черт! На что я подписалась?!»

И ЧАСТИЧНО РАСПУТЫВАЕТСЯ

Наутро я проснулась с головной болью и неистребимым беспокойством. Причин этого состояния я не понимала и оттого психовала еще больше. Досталось на орехи и бабкам, и Ваське, и даже Лешему, не вовремя сунувшемуся ко мне с дарами-поганками. Я металась, будто подо мной горела земля. Но до самого вечера так ничего страшного и не случилось. К вечеру я кое-как успокоилась настолько, что даже часок посидела над книгами по травничеству.

А на следующий день меня разбудило дребезжание почти забытого блюдечка, которое я еще в первый день пребывания в роли Яги оставила без яблочка.

— Васька! — жизнерадостный голос моей троюродной сестрички заставил меня недовольно скривиться. Разница во времени имелась и в этом волшебном мирке. И о ней ошалевшая от медового месяца горе-Яга благополучно забыла: солнце едва-едва позолотило верхушки деревьев. — Васька! Так и не нашла яблочко, дуреха?! Скажи котяре, что я его на тапочки пушу, если к моему возвращению не вернет яблочко. Надеюсь, у тебя там все тихо. Впрочем, наверняка. Не сезон же...

— Не сезон?! — взвыла я, но нахалка меня, разумеется, не услышала.

— В общем, мы решили с Черноморчиком на пару дней задержаться. Уж больно хорошо тут...

— Что?! — Мой вопль, наверное, долетел до Англии. Но сестричка умотала еще дальше, потому что градус счастья не понизился ни на йоту.

— Так что бди! Вернусь, любое твое желание выполню! — завершила она, и чертова тарелка умолкла.

— Звездец... — только и смогла проговорить я, плюхнувшись на лавку у стола.

Такое начало дня ничуть меня не порадовало. Представив, что вскоре набегут бабки и опять начнут скандал, топорно завуалированный под урок, я скривилась и посмотрела в окно. Пока во дворе было тихо.

«И не только во дворе. В такую рань-то», — сообразила я и принялась поспешно одеваться.

Напомнив домовому, чтобы присматривал за бабками, я сунула в котомку несколько пирожков со скатерки и с сомнением покосилась на бутафорский нос, сиротливо лежавший у печки. «Нет уж... Отдыхать от жизни Яги, так по полной. Леший меня и без грима распознает, а кроме него кому по лесу шататься в такое время?»

Настроение стремительно стало улучшаться. Я даже удивилась, насколько, оказывается, устала от навязанной роли, если даже миниатюрный бунт, о котором никто и не узнает, внушает подобное счастье.

Воровато оглядываясь, я выбралась из избушки и короткими перебежками пересекла двор. Предосторожности были излишни — мне никто не встретился. Выбравшись за калитку и углубившись в лес, я с облегчением выдохнула: «У меня тоже отпуск!»

Какое-то время я просто шла по едва заметной тропинке, наслаждаясь покоем и одиночеством. Потом принялась рассматривать попадающиеся по пути травы и кустарники. К моему удивлению, большинство было знакомо, и дальнейшая прогулка превратилась в практикум по травничеству. Без язвительной Яги и вредной Ядвиги за спиной это оказалось очень увлекательно.

Я сама не заметила, как вышла на берег лесного озерца, образованного заводью широкого ручья. Шелковистая трава сама стлалась под ноги, приглашая присесть и отдохнуть. Живот забурчал, напоминая, что в котомке ждут своего часа вкусные пирожки. Я не стала сопротивляться собственным желаниям и радостно сбросила мягкие травяные лапти, которые подарил мне дворовый дух. Спокойная прозрачная гладь воды манила прохладой и свежестью. Припомнив, что уже больше недели моюсь в убогом корытце у бадейки в сенах, я хмыкнула и решила все же немного отложить завтрак.

Котомка, сарафан и рубаха отправились к лаптям под куст, и я с наслаждением окунулась в прохладную воду заводи. Вопреки смутным опасениям, ни ила, ни коряг на дне не было. Только мелкий желтоватый песок.

Вдоволь наплававшись, я уже собиралась выбираться, как резкий птичий крик заставил меня насторожиться и замереть. Почти сразу хрустнула ветка, еще одна, и до меня донеслись обрывки слов. Выругавшись про себя, я поспешно отплыла от песчаного берега туда, где ветки склонялись почти к самой воде, и затаилась.

— И чего фырчишь?.. — С этими словами на поляне появился Илья, ведя на поводу своего коня. Разговаривал он именно с ним. — Мальцы говорили, что не балует тут Леший. И болот поблизости нет.

Конь, судя по всему, хозяину не верил и шел очень неохотно.

— Смотри, водица какая, — увещевал конягу богатырь, подтаскивая к самой кромке воды. — Самое то освежиться.

«Класс! — проворчала я себе под нос, забираясь подальше под ветки. — Всю жизнь мечтала искупаться в одной ванне с конем!»

Минуту спустя я уже не была столь оптимистична.

«Еще лучше! — злилась я. — Каждая девушка мечтает о принце на белом коне. Но у меня все не как у людей. И конь черный, и наездник не принц. Да еще и явились в ванну! Еще бы в будочку у частокола заглянули, мечты девичьи!»

Тем временем недопринц уже успел стянуть через голову рубаху и взялся за пряжку широкого кожаного ремня.

«Ну, нет! Точно нет!» — решила я.

— С чем пожаловал, добрый молодец? — язвительно поинтересовалась я, предусмотрительно потянув вниз ветку, под которой пряталась. Вода-то действительно прозрачная. А от нижнего белья я уже успела отвыкнуть.

Конь взвился на дыбы и прямо на задних ногах попятился, крупом оттолкнув Илью. Богатырь, нелепо взмахнув руками, плюхнулся в воду, едва успев ухватить свисавший повод.

— Стой! Да стой ты! Что такое?! Русалки, что ли, шалят?!

Поднявшись, он выбрался из заводи и, не обращая внимания на стекающие потоки воды, принялся озираться.

«Класс, — обреченно повторила я. — Нечистью была, княжной и ведьмой тоже. Теперь стала русалкой. Эдак, пока Янка вернется, меня в лешие произведут. Или сразу в змейгорынычи?»

Сплюнув, я высунула голову из листвы.

— Нет тут русалок.

— О... — слегка опешил Илья, наконец рассмотрев меня среди веток. — Так это ты... Э... Девушка лесная.

— Я, я... — проворчала, сообразив, что вызвало у парня затруднения.

Раньше мы виделись либо при неверном свете костра, либо в зеленом полумраке леса. И, судя по прямой как стрела складке между бровями, Илья судорожно пытался понять, кого же видит перед собой: капризную княжну с полянки Яги, которой тут вроде как делать нечего, или знакомую нечисть, которая по последним сведениям и не нечисть вовсе. Собразив, что размышлять он может долго, я покачала головой.

— Может, отвернешься все-таки?

— Прости, — хмыкнул Илья и, достав из брошенной рядом с рубахой котомки большой кусок полотна, положил у самой кромки воды.

— Не подглядывай! — напомнила я, убедившись, что богатырь действительно отвернулся, опираясь локтями на спину все еще нервно прядущего ушами коня.

— Не буду, — отозвался он, и в голосе его явственно прозвучала улыбка.

Я выбралась на берег. Теплый летний ветерок прошелся по влажной коже ледяной волной, и я поспешно обтерлась дареной рогожкой. Влезла в рубашку и, натянув сарафан, почувствовала себя гораздо увереннее. Илья все это время честно любовался лесными зарослями, что меня очень порадовало. Не то чтобы я так уж стеснялась. В конце концов, не школьница. При необходимости мне бы хватило наглости выйти из воды в чем мать родила или щучьим велением отправить незнамого гостя обратно на взморье вместе с конем. Но видеть Илью мне было приятно. Ненавязчивая забота и порядочное отношение согревали душу. В жизни, а в последнее время особенно мне часто не хватало и того, и другого.

Смерив взглядом широкие мощные плечи и облепленные мокрыми штанами мускулистые ноги богатыря, я почувствовала, что краснею.

«И не стыдно подглядывать?» — ехидно спросил внутренний голос.

«Не стыдно! — огрызнулась я. — И вообще брысь, шизофрения!»

Назло нехстати проснувшейся стыдливости я еще раз прошлась взглядом по фигуре Илюшки и пришла к выводу, что мне нравится то, что я вижу. Даже очень нравится.

«Настолько, чтобы признаться, что ты и есть та самая княжна, которую ему настойчиво сватают?» — спросила я себя и вынуждена была признать, что не знаю ответа. Слишком смутно я себе представляла, что меня ждет за пределами леса Яги. Мало ли какие у местных князей порядки. Вот если бы речь шла только об Илье без доверка в виде внезапно вспомнившего о дочурке папочки...

— Ты еще здесь? — вывел меня из задумчивости голос богатыря. — Аль сбежала давно?

— Здесь я. Можешь поворачиваться, — отозвалась я и принялась складывать полотно, послужившее мне полотенцем, чтобы хоть чем-то занять ставшие внезапно безумно лишними руки.

Илья хмыкнул и повел коня к воде. Тот больше не артачился. То ли не желал оставаться на берегу в моем обществе, то ли заводь без отмокающей ведьмы показалась ему более привлекательной, чем раньше. Я вспомнила, как Яга рассказывала о восприимчивых к магии животных. Лошади чувствовали колдовскую силу так же хорошо, как и кошки, но в отличие от мурлык терпеть ее не могли.

Я покосилась на заводь. Богатырь возился в воде с конем. Штаны он снимать не стал, пощадив мою мнимую стыдливость, поэтому первоначальное решение удрать, как только на меня перестанут обращать внимание, я отменяла. Уселась на траву, подтянув к себе колени, согреваясь на солнышке и лениво наблюдая за мужчиной.

Вскоре он уже выбрался на берег и принялся обтирать коня очередной дерюгой. Потом накинул поводья на ветку ближайшего куста и провел руками по влажным волосам, разбрасывая вокруг сверкающие капли воды. Неожиданно для себя самой я кивнула на холстину:

— Утрись, простудишься.

Илья не заставил просить дважды, подхватив полотно. Я же развернулась лицом к лесу: нечего смущать неиспорченного представителя местного рыцарства распушенными нравами двадцать первого века.

— Девушка-красавица, не побрезгуй хлебом-солью, — позвал он минут десять спустя.

Я развернулась и слегка опешила: одеться этот нахал и не подумал. Только бедра обернул тем самым полотнищем. Штаны весело трепыхались под ветерком на соседнем кусте. «Сама же беспокоилась, чтобы не простудился. Он и послушался. Что ему, в мокрых штанах сидеть?» — одернула я себя. Стараясь не смотреть, куда не положено, я уставилась на импровизированный столик. Богатырь откуда-то приволок плоский камень, накрыл его платком, а сверху разложил нехитрую снедь: несколько ломтей хлеба и грубо нарезанные куски мяса. «Хорошо, что рыбу не взял, — подумала я, припомнив позавчерашнего оленя. — Та точно стухла». Но от мяса ничем предосудительным не пахло, и я присела рядом, выкладывая на камень прихваченные с собой пирожки. Илья, как раз потянувшийся за куском хлеба, замер с вытянутой рукой.

— С грибочками? — спросил он, не отрывая взгляда от пирожков.

— Ага, — не задумываясь, кивнула я. — Угощайся.

Ели мы молча. Насытившись, Илья аккуратно свернул полотно и покосился в мою сторону.

— Спасибо, — сказала я, не понимая, чего он хочет.

— На здоровье, — кивнул он, но взгляд остался таким же странным.

— Чего ты? — не выдержала я.

— Да вот гадаю, кто ты, — не замедлил с ответом богатырь.

— В смысле? — переспросила я, внутренне напрягшись.

— Нечисть, которая вовсе и не нечисть, а выглядит и вовсе как княжна, — задумчиво проговорил он. — Да еще пирожками со стола самой Бабы-яги угощает. Не обессудь. Уж больно у них зашип приметный. Так кто ты, красна девица?

Я молчала. А что было говорить? Вопросы вполне ожидаемые, и винить в глупой ситуации некого, кроме себя.

— Ты не бойся, я не обижу. — Илья по-своему понял мое молчание.

— А я и не боюсь, — вздернула подбородок я.

— Вот и славно. Так скажешь, как тебя звать-величать?

— Василиса, — буркнула я.

— Значит, княжна, — кивнул каким-то своим мыслям он.

— И что с того?

— Да ничего, — пожал плечами Илья. — Окромя того, что тебя мне в невесты обещали.

— Я тебе ничего не обещала! — фыркнула я.

Я рассчитывала, что богатырь возмутится. На крайний случай обидится. И у меня появится повод завершить тягостную сцену и просто уйти. Но не тут-то было. Илья только улыбнулся.

— Это верно. Как обещать тому, кого в глаза не видала и знать не знаешь. Не по-людски это.

Я подавилась очередным возмущенным воплем: Илья сам сказал то, что вертелось у меня на языке. Ну, может, чуть менее архаичными и более матерными словами.

— В лесу меня за тем встречала? — снова спросил он.

— Я сюда первая пришла! Было бы желание с твоим конем в одну воду лезть, — сказала я.

— А я не про заводь, — качнул головой он. — Про тот день, когда тебя за нечисть лесную принял.

— Да не бегаю я за тобой! Меня туда метла... — Я прикусила язык, но Илья уже сделал свои выводы, спокойно кивнув. — И чего головой машешь?

— Того... — усмехнулся он. — Нравишься ты мне.

— Чего? — опешила я.

— Нравишься, — спокойно повторил этот... этот... нахал. — Думаем мы одинаково. А это уже половина дела.

— Вот еще... Дела какие-то. Нет у меня с тобой никаких дел, — надулась я. — И где это я с тобой одинаково думаю? Я вообще не знаю, о чем ты думаешь!

— Так я тебе скажу, — ничуть не обиделся Илья. Он спокойно растянулся у камня, сунув под голову руки, и, не глядя в мою сторону, продолжил: — Коли слушать пожелаешь.

Я залилась краской и поспешно отвела глаза. Есть у меня какая-то стыдливость или нет, но плотоядно смотреть на мужика, прикрытого только куцым куском ткани на самом интересном месте, — это точно дурной тон. «Может, и правда замуж пора, — мелькнула в голове бредовая мысль. — Когда я там вообще эти самые интересные места видала? Года за два до развода или больше?» Я помотала головой, пытаюсь вытряхнуть из нее неуместные мысли, и, подтянув колени к груди, уставилась на кромку воды.

— Ну и что ты там надумал?

— Ты поправь меня, коли ошибусь, — с готовностью отозвался Илья. — А думаю я, что наврал Мерлин княжий. Справилась Яга: вытянула тебя оттуда, где ты до сей поры обреталась. И обратно ты не хочешь, а то бы давно ушла.

— Ну не хочу. И что? — немного сварливо отозвалась я.

— А то, что и замуж за незнакомого да нелюбимого идти тоже нежелала. — Богатырь не обратил на мой недовольный тон никакого внимания. — Мать твоя ведьма, бабка ведьма. Да и батюшка, князь русский, не простой человек. Значит, и тебя боги силой колдовской не обделили. И осталась ты у Бабы-яги в ученицах. Потому как больше тебе деваться некуда было. А Яга, она хоть и ведьма, а бабка хорошая, как витязи местные говаривают.

«Наоборот они „говаривают“», — чуть было не ляпнула я, но на этот раз язык прикусила вовремя. Только хмыкнула недоверчиво.

— Вот и живешь теперь у Бабы-яги, — продолжал между тем Илья. — В лесу гуляешь. Может, травки какие собираешь, может, просто с птицами балакаешь. То мне неведомо. Меня вот встретила. Ты-то небось сразу поняла, кто таков да почто явился. Я и не скрывал того. Но грех на душу братъ не стала, вытащила меня, дурака упрямого, из болота. За что тебе низкий поклон и благодарность. Ошибся я, девица-красавица?

— Да не особо, — буркнула я.

Богатырь действительно если и ошибался, то в деталях. Про предстоящее сватовство я не догадывалась. Но даже если бы и догадывалась, то все равно не оставила бы его в болоте. И насчет ученицы Бабы-яги тоже попал. Не совсем той Яги и не совсем ученицы, но...

— А мне это любо.

— Что?

— А все это. И что отцовской воле наперекор пошла. И что своим умом жить желаешь. Я ведь посмотрелся на девиц русских. Они жизни за стенами терема не ведают. Только вышивать и знают. Да еще склочничать от безделья умеют.

— И кто это тебя в терем пустил, — приподняла бровь я. — Там же вроде холостые-неженатые гости не приветствуются.

— В горницах не приветствуются, — поморщился Илья. — А вот отцы товар с рук сбыть желают да в гости зазывать любят. Да и были у меня други, кто уже при мне оженился. Насмотрелся я на их жен. Глаза в пол, и слова не скажут. Зачем такая жена? Ни поговорить, ни помочь, ни дом упредить.

— А у вас как? — полюбопытствовала я.

То, что описал богатырь, в моем понимании сильно смахивало на идеал домостроевской жены: чтоб ничего сама не решала и на мужа снизу вверх смотрела, а лучше вообще смотреть не смела. Вот только разлегшийся в траве мужчина говорил об этом с явным неодобрением.

— У нас на девице молоденькой разве по большой любви кто женится. А так после двадцатой весны только присматриваться начинают. Жена — это навсегда. Погулять-то можно. А в дом привести — это другое...

— Ишь, какие умные, — обозлилась я. — Им погулять, а девушке потом что делать? Такая-сякая, гуляющая...

Илья непонимающе воззрился на меня. Даже на бок перевернулся, подставив под голову согнутую в локте руку.

— Какая еще гуляющая? Все гуляют. И парни, и девицы. А как иначе понять, родная душа али только показалось. На игрища вместе ходят, на ярмарки ездят. Мало ли где да кто приглянется. А первый взгляд, он такой. Обманчивый очень. У брата моего жена три года с другим ходила. Думали, свадьбу сыграют. Да не срослось. Отказалась она замуж идти. Не люб, говорит, и все. Бывает, конечно, что и на первый взгляд родную душу узнаешь. Да не всегда.

— Угу... — проворчала я, окончательно запутавшись. — Заморочите девке голову, свое получите, а потом в кусты.

— Странная ты, — покачал головой Илья. — То говорю с тобой — все понятно. Будто с берендейкой у калитки словами перекинулся. А то такое скажешь, словно в тереме выросла и, кроме мамок-нянек да вышивки, ничего не видала. Ну какое «свое»?

— А такое! Все вы до свадьбы на свободу нравов напираете. А потом: я у тебя не первый, такая-сякая.

— А какая разница, кто первый? — пожал плечами Илья. — Главное, кто единственным останется.

Осознав, куда съехал разговор, я закусила губу. Обсуждать принципы сексуальной свободы и равенства со средневековым мужиком, который по определению должен быть шовинистом и домостроевцем, это надо было додуматься. Вот только не тянул Илья ни на того, ни на другого. И смотрел на меня спокойно, с легким интересом. Мол, какую еще глупость скажешь, девица-красавица? «Надо разбавить травники более разнообразным чтением, — отвесила я себе мысленную оплеуху. — Например, о местном мироустройстве. А то, может, он мне тут лапшу на уши вешает, а я и рада слушать!»

Я поднялась и отряхнула с юбки налипшие травинки.

— Пора мне.

Илья сел, и в его глазах мелькнуло беспокойство.

— Обидел я тебя словом неосторожным?

— Нет. Просто пора, — мотнула головой я.

— Ты еще придешь? — Он поднялся, и я поспешно отвела глаза от опасно перекосившегося полотна на его бедрах.

— Приду, — не подумав, отозвалась я и, спохватившись, добавила: — Здесь место красивое.

— Тогда я тебя здесь ждать буду, когда скажешь. — Он шагнул вперед и взял меня за руку. — Люба ты мне, лесная княжна.

В груди всколыхнулось что-то непонятное, и я осторожно высвободила руку.

— Мне пора.

Не дожидаясь ответа, я быстро пересекла небольшую прибрежную поляну и нырнула в густой подлесок. Только там, скрытая листвой, я не удержалась и оглянулась. Илья как раз ловил-таки съехавшее полотно. Чувствуя, как щеки в очередной раз заливают краска, я топнула ногой:

— По щучьему велению, по моему хотению, доставь меня к избушке Бабы-яги!

Глава 37

ТОТ САМЫЙ МОМЕНТ, КОГДА...

Яга с Ядвигой поджидали меня сразу за калиткой. Так что обдумать утренний разговор в тишине и покое мне не удалось.

— Ранняя птичка ты, оказывается, внученька, — недовольно поджала губы Яга.

— Я вам не внученька, — привычно огрызнулась я.

— Вот именно, — закивала Ядвига, оттесняя сестру в сторону. — Внученька ты мне. Пошли, дорогая, я без тебя завтракать не садилась. Да и за дело пора браться.

Я буркнула что-то невразумительное и позволила увлечь себя к столу под яблоней. На завтрак предлагался набор овощей с моего же огорода и вездесущие яблоки, на которые я уже смотреть не могла. Пришлось идти за скатеркой.

Бабки набросились на горячую пищу с энтузиазмом аллигаторов, и я на какое-то время осталась предоставлена самой себе. Неохотно пережевывая пирожок с земляничным вареньем, я пыталась разобраться в своих странных ощущениях. С одной стороны, слова Ильи крепко запали мне в душу. Именно так должен был бы говорить, и не только говорить, но и думать, мужчина, на которого я, в принципе, посмотрела бы с интересом. Рассказней про любовь с первого взгляда и звездочку с неба я уже успела послушаться от бывшего мужа в свои восемнадцать. К счастью, и восемнадцать с розовым туманом бунтующих гормонов, и бывший с его враньем остались не только в прошлом, но и в другом мире. Повторять те ошибки я не имела ни малейшего желания. Но как понять, говорит ли Илюшка искренне или просто как-то угадал, что мне понравится, я не знала. И оттого металась от полного неприятия к желанию сдвинуть наше знакомство в более нежную сторону и обратно.

— Чему сегодня учиться думаешь? — вывела меня из задумчивости Яга.

— Учиться... — протянула я. — А вот миру этому. Какая страна, где расположена. Кто там живет и как. А то пришел тут один англичий, чуть не обдурил меня. Про все народы знать хочу, вот.

— И с кого начнем? — осведомилась Яга, пока Ядвига судорожно пыталась проглотить кусок пирога.

— С княжества русского, — решила я. Сразу затребовать именно то, что меня интересовало в первую очередь, мне показалось рискованным. — Потом про берендеев мне расскажете и царство Кощеево. А там и до Англии очередь дойдет.

«Если дойдет, — мысленно добавила я. — Может, Янка, зараза такая, все-таки про родную избушку вспомнит».

— Разумно, — кивнула Ядвига, справившись с пирогом.

Яга, явно собиравшаяся возражать, захлопнула рот. Я одним движением свернула скатерку и с самым внимательным видом уставилась на бабок.

— Что, прям сразу? — вздернула брови Яга.

— А чего тянуть? — с деланным равнодушием пожала плечами я. — Рассказывайте. Только про всякие древние битвы-войны мне не интересно. Разве что очень-очень коротко. Я хочу знать, как там люди живут.

Бабки переглянулись и заговорили. Точнее, заговорила Ядвига. Яга же вопреки обыкновению без боя отдала инициативу сестре и только изредка вставляла какие-то дополнения. Иногда значимые, иногда не очень. Но хоть от темы не отклонялась, и то хлеб. Я же слушала, сдерживая нетерпение и старательно придавливая желание перевести рассказ на более важные, с моей точки зрения, рельсы.

Ну что сказать. Русское княжество за редкими нюансами оказалось именно таким, каким я себе его представляла. Жесткий патриархат с элементами домостроя. Женщина собственностью мужчины не являлась, но и недалеко от этого статуса ушла. Жена, а тем более дочь не решали ничего. Чуть больше свободы у них было в пределах терема, но ненамного. Правда, руки распускать местные мужчины не особо любили, считая это позором себе же. Но в остальном... Замуж шли, за кого велют, жили там, где велют, ну и вели себя исключительно так, как велют. Разводов, а тем более по инициативе женщин, не существовало. Однако непокорную или бесплодную жену могли вернуть обратно отцу. Тогда женщине в основном оставалась одна дорога, во вдовью обитель: некое подобие монастыря. Но это было довольно редким случаем, поскольку о приданом в русском княжестве никто и не слыхивал. Напротив, это жених должен был выплатить семье невесты выкуп, который в

любом случае обратно не возвращали. Типа видели глазки, что покупали, — теперь ешьте, хоть поковылазьте. Существовало единственное исключение: если невеста оказывалась «порченной».

У княжеских крестьян с этим было несколько проще и в то же время жестче. Запятнавшую себя невесту могли и камнями побить. Но и «совратителя» могли женить насильно. Чья семья оказывалась сильнее или богаче, та и решала вопрос к собственной выгоде. Хотя в этой среде добрачные дети редкостью не были. Главное, чтобы папаша не скрывался и жениться не отказывался. Невесты же из богатых семей чаще всего женихов впервые видели на свадьбе. Как, впрочем, и женихи.

Разумеется, рассказывали бабки мне не только о свадебных обычаях. Пришлось выслушать и краткий курс истории, и биографии всех мало-мальски значимых князей, включая моего забывчивого папочку. Да и войнам, которые постоянно вело русское княжество, внимание уделить не забыли. Но об этом рассказывала уже Яга. Ядвига только презрительно кривилась, явно считая это ерундой, не стоящей внимания. И я в кои-то веки была с ней солидарна.

После обеда Яга снова завела нудный рассказ о войне между моими родителями, но тут уж я не выдержала.

— Хватит с меня подробностей. Третий час уже. И так понятно, что они друг друга терпеть не могут, — перебила я. — Будем считать, что с княжеством разобрались. А у берендеев как? Так же?

Яга недовольно поморщилась, но спорить не стала и принялась рассказывать про царство Берендеево. Теперь уже Ядвига, разомлевшая после сытной трапезы, лениво вносила ничего не значащие ремарки. Я же вся превратилась в слух.

Коротко говоря, Илья меня не обманывал. Незамужние-неженатые берендеи действительно пользовались большой свободой. А вот походы налево из семьи уже не приветствовались. Очень сильно не приветствовались. Считалось, что время на выбор дано до свадьбы. А уж потом, будь добр, жить с тем, кого выбрал. Я, в принципе, такую постановку вопроса одобряла. Уж очень много крови попортил мне в свое время гулящий муж.

Само же Берендеево царство сильно смахивало на республику. Царь там вроде как имелся, но особой властью не обладал. Так, скорее лидер на случай масштабной войны и фигура для государственных переговоров. Причем, если его угораздило договориться до чего-нибудь не того, общее вече уважаемых граждан вполне могло отменить подобные договоренности.

Муром, откуда, судя по прозвищу, явился Илюшка, считался столицей. Именно там обретались царь и его ближники. Впрочем, Яга сразу оговорила, что может и ошибаться, так как давно с берендеями не сталкивалась. Я про себя сделала отметочку, что все же когда-то да сталкивалась, и неплохо было бы выяснить, когда и при каких обстоятельствах.

В общем, когда солнце склонилось к верхушкам деревьев, мы едва-едва закончили с берендеями, а бабки надоели мне хуже яблок. И тем не менее настроение было хорошим. Поужинав, я впервые за последние дни не полезла в подвал к книгам, а сразу завалилась на лавку, вспоминая свою утреннюю прогулку. Сейчас глупые перипетии с импровизированным полотенцем и неуместные приступы стеснительности казались невообразимо смешными.

«Может, и правда нареченный? — неожиданно для самой себя подумала я. — Недаром же мы постоянно сталкиваемся? Нет. Бред! Не бывает истинных пар, нареченных и прочего мракобесия!»

Я раздраженно перевернулась на другой бок. Но улыбка почему-то все никак не желала покидать губы. Мало того, откуда-то из глубин розового тумана, заполонившего разум, выплыла другая мысль: «Это в том мире „не бывает“. А здесь? Бабок расспросить, что ли?»

На том я и заснула.

Утром меня опять разбудили первые лучи солнца: я снова забыла задернуть вышитую шторку. Впрочем, на этот раз я была этому только рада. Потянувшись, села и поболтала босыми ногами в воздухе. «Погулять, что ли?»

Собственная наивная хитрость меня насмешила, и я, спрыгнув с лавки, танцующей походкой направилась в коридорчик к бадейке с водой. Чистой водичкой меня исправно снабжал домовый. Потому с гигиеническими процедурами проблем не возникло. Я привела в порядок растрепавшуюся за ночь косу, впервые не обматерив при этом гусе-лебединое удобрение, наградившее меня буйной шевелюрой. Долго выбирала сарафан и рубаху. И все это время постоянно что-то мурлыкала себе под нос.

Я увлеклась приготовлениями настолько, что совершенно упустила из виду время. Когда я бросила

довольный взгляд на свое отражение в воде, во дворе слышались сварливые голоса: бабки переругивались у дверки заветной будочки рядом с частоколом. Ругнувшись, я застыла. Пройти мимо них незамеченной не было никакой возможности.

Разумеется, я не считала себя обязанной давать какой-то отчет. Но и портить себе настроение, отгавкиваясь от любопытных родственников, желания тоже не возникало.

— Опять через забор лезть? — проворчала я себе под нос. — По закону подлости обязательно подол порву. И не замечу. Хотя... Ведьма я или нет?!

— Батюшка домовой! Приглядишь тут за бабками, чтобы не набедокурили, пока меня нет.

— Приглядим, как не приглядеть, — закивал старичок, появившись на полке между горшками. — Хотя хватит им уже гостевать. Пора и честь знать. Загостились, негодные.

— Рано их гнать. — Я покачала головой. — Не все я еще у них выведала.

— Это верно, — согласился домой. — Но помечтать-то можно.

Это прозвучало так по-человечески, что я, не удержавшись, рассмеялась.

— Помечтать — можно.

— А ежели тебя искать будут?

— Сплю я, — пожала плечами. — Путь только попробуют разбудить. Яблоко-то там как? Не созрело еще?

— Нет, матушка. Гусе-лебединое удобрение выдохлось. Пару дней еще висеть будет. А то и седмицу.

— Это хорошо, — с удовлетворением кивнула я. — Глядишь, Янка вернуться успеет, вот пусть и разбирается.

— Ты, матушка, коли уйти надумаешь, меня с собой возьми, — сказал вдруг домовой.

— В смысле? — опешила я, едва не выронив пирожок, который как раз укладывала в котомку.

— Тошно мне тут. Позабыли ведьмы, зачем их Буян призвал. Все свою дурь тешат да козни строят.

— А я думала, они мир от внешнего зла защищают.

— Защищают, — не стал спорить старичок и недовольно поморщился. — Да только позабыли, что сами из людей вышли. Выше жизни себя ставят.

— Это как?

— Это так, как ты не делаешь. Но ты тут оставаться не желаешь. Значит, уйдешь — поздно ли, рано ли, но уйдешь. С тобой пойти хочу. Судьба у меня — ведьмам служить. Да ведьма ведьме рознь. Я уж думал, повывелись ведьмы природные. Какие и долг помнят, и души берегут. Ан нет, ты вот появилась. Тебе и служить хочу. Возьмешь, хозяйка?

— Возьму, — кивнула я.

Не то чтобы я так уж мечтала о подобном спутнике. Но сама-то я не желала застрять тут на веки вечные. А значит, и он имел право уйти, раз хочет. А уж дом какой-нибудь ему найдем. Мало ли домов на свете.

Домовой с удовлетворением кивнул:

— Вот и славно. Ты иди, хозяйка. Мы тут приглядим.

Спохватившись, я осторожно выглянула в окно. Теперь бабки переругивались у стола под яблоней: делили оставшиеся от ужина пироги. «И когда только со скатерки натаскать успели», — мимоходом удивилась я и тут же об этом забыла.

— По шучьему велению, по моему хотению — доставь меня на берег той заводи, где я вчера купалась!

Ощув под босыми ногами мягкую траву вместо досок пола, я покачнулась и тихо охнула от неожиданности. Еще бы полметра в сторону, и я наступила бы Илюшке прямо на голову. Он спал у потухшего костерка рядом с плоским камнем, у которого мы вчера завтракали.

Впрочем, уже не спал. Мгновение спустя он открыл глаза и резко сел.

— Доброе утро, — хмыкнула я.

Очень уж ошарашенный вид был у богатыря, явно не ожидавшего увидеть кого бы то ни было так близко.

— И тебе светлого дня, — чуть хрипловато со сна отозвался Илья.

— Напугала я тебя?

— Да нет. Но ходишь ты тише мыши. Те ко мне подобраться не могут, коли я не захочу, — ответил уже оправившийся от неожиданности богатырь. — Дозволь умыться со сна. А то не пойму никак, тут ты али только снишься мне.

— В кошмаре? — усмехнулась я.

— Отчего же сразу в кошмаре? На лицо пригожа и душой мила. Да мне любя. Чего еще желать-то?

Я не нашлась что ответить на такую обезоруживающую откровенность, и промолчала. Илья улыбнулся и, прихватив давешнюю холстину, пошел к заводу. Там он сбросил рубаху и довольно долго плескался в воде, приводя себя в порядок. Я старалась смотреть в сторону, но взгляд поневоле то и дело возвращался к мужчине на берегу. Под гладкой загорелой кожей перекачивались литые мускулы. Широкие плечи атлета, но никакого гротеска, которым отличались бодибилдеры из моей прошлой жизни. Илья просто дышал какой-то природной мощью.

«Вот она, та самая каменная стена, о которой спокон веку мечтают женщины, — внезапно подумала я. — Только вот после свадьбы эта пресловутая стена часто превращается в четыре, а сверху вырастает нехилая такая крыша: шаг влево, шаг вправо расцениваются как побег...»

Я тряхнула головой, в очередной раз отводя непослушный взгляд в сторону. «Запуталась ты, Васька, в своих желаниях. Тебе и свободу подавай, и мужика надежного. А так не бывает. По крайней мере, тут точно не бывает. А там такие и вовсе не водятся».

— Что пригорюнилась, Василиса-краса? — напомнил о своем присутствии Илья. — Коли окунуться хочешь, так я отвернусь.

Я подняла голову, испытующе глядя на него. Рубаху он уже успел надеть, но в пшеничных волосах блестели капли воды, придавая богатырю какой-то домашний вид.

— Да нет. Не хочу я купаться, — отказалась я. — Давай позавтракаем, что ли.

— Давай, — не стал спорить Илья.

На импровизированном столе тут же появились вчерашняя полотняная салфетка и куски мяса с хлебом. Я выложила туда прихваченные из избушки пирожки, огурцы с помидорами и маленький узелок с солью.

— Царский пир, — усмехнулся Илья, ловко порезав овощи большим ножом и круто присолив дольки.

— Так уж и царский, — хмыкнула я.

— А чем плох? Главное же не еда, а компания.

— Тоже верно, — согласилась я. — А дома у тебя какая компания?

— Всякий раз по-разному. Когда отец с матушкой. Когда сам с собой. А когда и братья с племянками заглядывали. Я свой терем давно поставил. А хозяйку не привел. Вот так и было.

— А когда приведешь, как будет?

— А как хозяйка решит, так и будет, — подмигнул богатырь, смачно хрустнув огурцом.

— А чем ты вообще дома занимаешься? — спросила я, укладывая ломтик помидора на половинку пирожка.

— По большей части дурью маялся. — По лицу Ильи скользнула мимолетная тень. — Все что-то кому-то доказать пытался, хотя доказательств никто не требовал. Теперь умнее буду.

Я не стала вдаваться в подробности. Какое-то время мы просто болтали обо всем и ни о чем. Я расспрашивала о жизни в Муроме, о людях, которые там живут, об их занятиях и привычках. Илья отвечал охотно. Чувствовалось, что ему нечего скрывать. Только когда речь заходила о его семье, он слегка смурнел. Я списывала это на сложные отношения и не настаивала. Не зря же он когда-то умотал из дома аж в Русское княжество.

Мимоходом я выяснила и то, что ведьмы-травницы у берендеев в большом почете, и занятие мне найдется получше, чем коровам хвосты крутить или бездельничать в тереме. Чем дольше мы говорили, тем больше мне нравилась эта незнакомая страна. Илья рассказывал о родине с такой любовью, что я почти воочию видела высокие резные шпильки домов, светлые рощи и бескрайние поля.

Немного рассказала я и о мире, в котором выросла. Богатырь удивленно прищелкивал языком, слушая про огромные города и самолеты. И в конце концов выдал:

— Не хотел бы я там жить.

— Почему? — удивилась я.

Даже слегка обиделась. Специально же думала, о чем рассказывать, обходя всякие нелицеприятные детали.

— Там человек человека не видит. Все бегут, летят, торопятся. Шутка ли, столько всего построить да потом еще и управить все это... В небо глянуть некогда. А жить когда? Когда любушке улыбнуться? Сынка по головушке огладить? На рассвет обернуться?

— А ты, значит, романтик.

— Кто? — не понял Илья.

Кое-как я объяснила ему, что имела в виду, и мы вместе посмеялись над моими неуклюжими попытками. А потом на берегу лесной заводи воцарилась тишина. Но даже молчать рядом с ним оказалось комфортно.

— А ты совсем у Бабы-яги остаться решила? — спросил вдруг Илья после долгого молчания.

— Еще чего не хватало, — фыркнула я, не до конца вынырнув из собственных мыслей. — Уйду, конечно.

— И когда? — продолжал допытываться богатырь.

— Как только пойму, куда идти, — буркнула я.

— А со мной пойдешь?

— С тобой... — эхом повторила я.

— Со мной, — подтвердил он и протянул мне руку раскрытой ладонью вверх. — Люба ты мне.

Пальцы дрогнули, будто сами собой, но я остановила неосознанное движение. Готова ли я действительно вот так, с бухты-барахты, уйти неизвестно куда с едва знакомым мужчиной? Да, он мне, бесспорно, нравился. Но и мой бывший муж мне когда-то нравился. И это не помешало ему превратиться в полного мудака, едва в паспорте появился штамп.

— Не глянулся я тебе? — помрачнел Илья, убрав руку.

— Глянулся, — призналась я и умолкла, не зная, как объяснить свои сомнения.

— Так пошли со мной. — Он одним кошачьим движением скользнул в сторону и замер на корточках прямо передо мной. — Помогу дом справить, на ноги встать. Коли поймешь, что не люб тебе, — отпущу. Невольить тебя не стану. Слово даю. Ну а коли со мной останешься, никогда не обижу, от любой напасти закрою...

— Звезду с неба достанешь и подаришь, — криво улыбнулась я.

— Коли нужна тебе звезда, так достану, — тряхнул непослушными кудрями Илья.

— Не достанешь. Не достать их. Это ж не камни цветные, гвоздями к небу прибитые.

— Уж не знаю, чем прибитые, а иногда падают. У князя киевского есть такая. Сам видел, как падала. Много бед наделала, а как подошли — железка невеликая да невзрачная. На что она тебе, не ведаю, но...

— Не нужна мне звезда, — махнула рукой я. — Просто не могу я сейчас решать. Есть у меня тут еще дело. Его закончить надо. А уж потом дальше думать.

— Яга службу затребовала? — понимающе кивнул богатырь. — И не отпускает, пока не исполнишь?

— Ну, можно и так сказать, — не стала вдаваться в подробности я.

— Так ты поделись. Может, вдвоем-то оно полегче будет. Кабы ты мне не помогла, я бы за службой Яги до сих пор вокруг частокола бродил. Глядишь, и я тебе помогу.

Я уже открыла было рот, чтобы объяснить Илье суть своей службы, как посреди поляны с треском лопнул изумрудный ковер, и прямо на глазах вырос сучковатый пенёк.

— Беда! Беда, хозяйка! — прокрипел Леший. И было в его голосе что-то такое, что меня буквально подбросило в воздух.

Глава 38

ГОРЬКАЯ ПОБЕДА

— Что случилось? — выдохнула я, неведомо как оказавшись на ногах. Рядом замер Илья.

— Моревна пожаловала, — треснул Леший. — Не удержать ее витязям без хозяйки Буяна! Теснят их!

— Так пошли скорее! — воскликнула я.

Сучковатые ветки вдруг взметнулись вокруг, заключая меня в колючий кокон. Я еще успела увидеть ошарашенное лицо Ильи и буквально провалилась под землю. На мгновение тело сдавило со всех сторон, словно меня потащило сквозь узкую резиновую трубу. А в следующую секунду я уже стояла на вершине скалы, и морской ветер рвал сарафан, будто пытался сбросить меня оттуда.

Судорожно вдохнув, я окинула взглядом взморье, расстилавшееся внизу. Звон металла и крики едва не оглушили меня. Покачнувшись, я сжала кулаки, чувствуя, как в груди вскипает злость: неймется мамаше!

На берегу толклось множество народу. Прямо у подножия скалы то тут, то там сверкали яркие фигуры витязей, со всех сторон окруженные темными силуэтами каких-то низкорослых плечистых тварей. Именно тварей. На людей эти создания походили мало. Шей у них не было, маленькие головы росли прямо из плеч. Зато рук имелось сразу по четыре, и каждая сжимала что-то колюще-режущее невообразимой формы. И этих уродов было много. Куда больше, чем сверкающих золотыми доспехами защитников Буяна. А от качающихся на волнах кораблей уже шли новые шлюпки, набитые этими созданиями.

Недолго думая, я вскинула руки, призывая на помощь древнюю магию. Целый пучок молний ударил в накатывающую толпу нападающих, разметав их, как сухие листья. Ближе я бить не стала, опасаясь задеть своих же. Зато снесла еще парочку шлюпок, с удовлетворением увидев, как немногие выжившие поспешно загребают лапами в обратном направлении.

— Моревна! — рявкнула я, и мой голос легко заглушил и беснующийся прибой, и шум битвы.

— Хозяйка! Яга пришла! — выкрикнул кто-то из витязей, и над взморьем взлетел радостный вопль.

Краем глаза я замечала, как твари разлетаются в стороны от словно обретших второе дыхание богатырей. Даже повела рукой, как учила бабка, приказывая земле поделиться с ними силой. Но мой взгляд все это время был прикован к одинокой светлой фигурке на носу самого большого корабля. Каким-то потусторонним чутьем я безошибочно определила свою главную противницу в этой битве: Марью Моревну, свою настойчивую матушку.

— Зачем пожаловала? — крикнула я, очередной молнией сшибая еще парочку шлюпок. Остальные уже спешно разворачивались.

Ведьма вдруг отделилась от корабля и взмыла в воздух. Тучи начали сворачиваться вокруг нее в темный угрожающий вихрь. Я не понимала, что делает Марья, а потому не препятствовала. Порой неверное противодействие могло только усилить, а не остановить удар. Об этом я и от бабок услышать успела, и сама в книгах читала. Несколько мгновений затишья я использовала, чтобы разобраться в новых ощущениях, затопивших меня до бровей.

Странное дело. В такую масштабную свалку я впуталась впервые, но следить за ходом битвы мне не составляло никакого труда. Я просто чувствовала ее на каком-то подсознательном уровне. Стоило чуть прислушаться к себе, и я начинала ощущать каждого витязя, как собственный палец: кто устал, кто ранен, кто ослаб. Более того, я воспринимала частью себя каждый камень и каждую песчинку на пляже. И откуда-то знала, что они беспрекословно подчинятся моей воле. Что я не замедлила продемонстрировать, в долю секунды подняв песчаный смерч перед упавшим на одно колено раненым витязем. Тварей Моревны разметало в разные стороны, и тут же перед ним сдвинули щиты товарищи.

То же шестое чувство заставило меня вдруг накрыть добрую половину пляжа искристым голубым куполом. Присутствие чужой враждебной силы я ощутила за мгновение до этого. А через миг грязно-зеленые молнии бессильно разбились об этот купол. Моревна разочарованно взвыла, увидев, как ошметки ее колдовства испепелили несколько десятков ее же воинов. По моим губам скользнула злорадная улыбка, но удар был такой силы, что пошатнулась и я.

— Последний раз спрашиваю, зачем явилась, Марья Моревна? — рявкнула я, поднимая здоровенную волну, которая отшвырнула корабли мамыши далеко в море.

— Поговорить, Яга.

— Странные у тебя разговоры, Марья, — огрызнулась я, отражая очередную грязно-зеленую молнию в один из кораблей.

— Надо ж было приглядеться, достойна ли ты хоть слова, Яга, — визгливо расхохоталась она.

Витязи то ли благодаря моей поддержке, то ли тому, что количество нападающих резко поуменьшилось, оттеснили четвероруких уродцев к самой кромке прибоя. Кое-кто не выдерживал и сам прыгал в воду, других сбрасывали мощными ударами богатыри в сверкающей броне. Ловя краем глаза эти детали, я позволила себе выдохнуть: удача в этой схватке явно переходила на нашу сторону.

— Присмотрелась? — крикнула я, разметав очередную ворожбу Марьи прямо у нее в руках. — А теперь убирайся!

— А поговорить? Даром я приходила, что ли? — отозвалась Моревна и вдруг оказалась рядом со мной.

Сработало подсознание. Или, возможно, память поколений. Сама я не успела ни о чем подумать, не говоря уже о том, чтобы как-то среагировать. А вот Моревна вдруг оказалась в клетке из голубых молний. И тонкая нить силы, питавшая эту переносную тюрьму, лежала именно у меня в ладони.

— Поймала? — совершенно спокойно хмыкнула Марья. — Теперь можно и поговорить.

— Вот еще, разговаривать с тобой, — усмехнулась я, окидывая взморье быстрым взглядом.

Заметив пленение хозяйки, четверорукие уродцы побросали свое странное оружие и дружно ломанулись в воду. Витязи подгоняли отстающих ударами мечей. Но несколько тел в сверкающих доспехах так и остались лежать на песке. Желание немедленно оказаться там, сила, все еще клокотавшая во мне, приняла за приказ. Я и охнуть не успела, как ощутила под босыми ногами влажный песок вместо острой гранитной крошки. Самое смешное, если во всей этой ситуации вообще могло быть что-то смешное, клетка с Моревой так и осталась болтаться над моей головой как уродливый воздушный шарик.

Я опустилась на колени рядом с первым витязем, судорожно вспоминая основы первой помощи из прошлой жизни. Чудесный доспех был разрублен в районе плеча. Вокруг полно крови. Но витязь все еще дышал. Хрипло, тяжело, но дышал.

— Черт... Где эта железяка расстегивается, — пробормотала я себе под нос, ощупывая залитую подсыхающей кровью металлическую чешую.

В поле зрения мелькнули чьи-то сильные руки, что-то щелкнуло, и мы вместе отложили тяжелый нагрудник на песок. Не скрытая доспехом рана показалась мне еще ужаснее. Стеганный поддоспешник насквозь пропитался кровью, а она все продолжала толчками выплескиваться из рваной раны.

Я положила ладони по краям, прямо на пропитанную кровью ткань. Убирать ее я не рискнула, опасаясь усилить кровотечение. «Сюда бы хирурга порукастее вместе с операционной, — тоскливо подумала я. — И станцией переливания крови заодно». Но вокруг моих пальцев уже набухало голубое свечение, и в груди шевельнулась надежда. Всем своим естеством я пожелала направить древнюю силу Буяна в булькающую кровью рану, подхлестнуть естественную регенерацию организма, разогнав ее до безумной скорости.

И у меня получилось. Хотя подозреваю, что темные сгустки и ошметки грязной ткани, рванувшиеся наружу, выглядели неаппетитно. Но мне было все равно. Словно в полусне, чувствуя себя проводником на линии высоковольтных передач, я смотрела, как прямо на глазах затягивается страшная рана. Дыхание витязя стало медленным и спокойным, и в какой-то момент я осознала, что все закончилось. Тот, кто еще минуту назад обеими ногами стоял в могиле, просто спал.

— С того света вытянула...

— У Нави отняла...

— Ну, сильна хозяйка...

Голоса вокруг звучали приглушенно. Даже Марья притихла в своей клетке, временно прекратив отпускать грубые шуточки. Я отмечала все это краем сознания, но не уделяла никакого внимания. Перед мысленным взором стояла песчаная коса берега, так, как я ее видела со скалы, и яркие точки — тела неподвижных витязей.

Но идти мне никуда не пришлось. Пока я возилась с первым пациентом, богатыри перенесли оставшихся троих поближе ко мне. Я даже голову поднять не удосужилась, наткнувшись взглядом на нового раненого, и, не разгибаясь, развернулась к нему. Его уже избавили от доспехов, и я сразу занялась рваной раной на бедре.

А потом был другой витязь с нежным пушком на щеках вместо бороды. Чудовищный удар буквально вмял его доспех в грудную клетку, переломав едва не все ребра разом.

Я не отпустила никого. Наверное, рядок перемазанных кровью и сладко посапывающих мужчин, спящих прямо на песке среди бела дня, выглядел комично. Но мне было не до веселья. Я сама чувствовала себя так, будто готова прилечь рядом, настолько вымотали меня лекарские упражнения.

— Транжира... — ворчала над головой Марья. — Столько силы слила... Можно было три армии поднять!

— Умолкни, — устало отмахнулась я и, окончательно убедившись, что действительно ничего не упустила и все раненые вне опасности, разогнулась.

— Благодарствуем, матушка, — склонился в низком поклоне Ростислав.

— Вам за доблесть спасибо, — машинально отозвалась я, тут же забыв о нем.

В двух шагах стоял Илья, такой же босой, как и я, и так же уляпанный то ли своей, то ли чужой кровью. Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на меня таким странным взглядом, что я мгновенно поняла: игры между нами закончились. Только тут до меня дошло, что и сгибающая спину шаль, и осточертевший за последние дни накладной нос преспокойно лежат на столе в избушке на курьих ножках. А я торчу в ярких лучах солнца посреди пляжа во всей своей нечестивой княжеской красе. И витязи вокруг уважительно обращаются ко мне «хозяйка».

— Благодарю за науку, матушка... — вдруг переломился в поясе Илья. Обращение «матушка» он выплюнул таким тоном, что стало ясно: кончились не только игры. Кончилось вообще все. — Потешилась надо мной, дураком, да теперь довольно.

С этими словами он развернулся и, провожаемый недоуменными взглядами витязей, быстро пошел по взморью в сторону леса. А я могла только смотреть ему вслед, бессильно уронив гудящие от усталости руки. Нечего мне было говорить. Тем более в присутствии толпы богатырей и болтающейся над головой Моревны. «Да и не больно-то ему нужны мои объяснения, раз так легко ушел», — мелькнула в голове тоскливая мысль.

— Ишь ты, как интересно, — протянула забытая всеми Марья.

Я покосилась на клетку.

— Заткнись, а?

— Это успеется, — покровительственно улыбнулась мамаша. — Лучше сядем рядом да поговорим ладком.

— Сесть ты уже села, — буркнула я. — Так что помолчи для разнообразия.

— Ты отдохни, матушка, — вмешался Ростислав. — Мы тут приберемся.

— Угу, — отозвалась я, покосившись на Марью.

Одного взгляда на ведьму было достаточно, чтобы понять: сила силой, а в разговоре она обведет меня вокруг пальца, не особо напрягаясь. Это вам не молниями швыряться, тут опыт нужен.

«Ничего. — Я с трудом отлипла от скалы, на которую навалилась, и, потянув за собой клетку, двинулась к тропке, уводящей с берега в лес. — У меня там тоже есть такие опытные... Посмотрим, как ты их уболтаешь».

Думать об Илье я себе осознанно не позволяла, хотя в груди поселилась какая-то постоянно саднящая ледяная щепка. Но усилием воли мне удалось загнать тоскливые мысли на задний план. Лить слезы при злобредной мамаше, которой и была обязана тем, что не успела сама открыть свое инкогнито, я категорически не желала. «Позже. Я разберусь с этим позже. И без лишних зрителей!»

Глава 39

УВОЛЬНЕНИЕ ПО СОБСТВЕННОМУ ЖЕЛАНИЮ

В избушку я перенеслась, не потеряв ни мамашу, ни клетку и даже не заметив как. Видимо, хороший практикум по визуализации ведьминских желаний получился у меня на взморье, а Марья Моревна оказалась в этом плане куда лучшей учительницей, чем старая Яга. Так или иначе, но не успела я и глазом моргнуть, как оказалась у калитки перед частоколом.

А вот за ней меня поджидал сюрприз.

— Ты что творишь?! — Возмущенный голос Яны, моей троюродной сестренки, едва не сшиб меня с ног. — Ты зачем нас тут заперла?!

— Я бы сказала, что ради вашего же блага, — устало протянула я и, отодвинув сестру в сторону, вошла во двор. — Но это было бы ложью.

— Так зачем?!

— Если я скажу, что я вас не запираю, ты же не поверишь.

— Не поверю! Там на взморье темные боги знают, что творится, а мы...

Рядом с Яной возмущенно гудел что-то Черномор, но на него я и вовсе не обратила никакого внимания, втаскивая в калитку клетку с Моревной.

— О...

— Вот тебе и о... — Я махнула рукой, запирая калитку, и повернулась к Яне. — Считаю, что случайно попала под чужие замки. Очень уж мне надоела нездоровая активность некоторых родственников.

Я красноречиво покосилась на маячивших за спиной младшего поколения бабок.

— А мы-то что, — вскинулась было Ядвига, но Яга одним взглядом заставила ее замолчать.

— Все целы? — спросила она.

— Теперь все, — кивнула я.

Яга меня поняла и выяснять подробности не стала. А может, прочитала по моей физиономии, куда я ее неминуемо пошлю за этими самыми подробностями.

— А мамашу свою непотребную почто притащила?

— Поговорить она хотела. А мне с ней разговаривать не о чем. Может, у вас найдется?

Марья Моревна возмущенно расфыркалась, но в ее сторону никто даже не посмотрел.

— Да уж поищем, — криво улыбнулась Яга, цыкнув зубом. — Ты выпусти ее из клетки, внученька. Нет у нее здесь никакой силы.

— Да ради бога. — Я щелкнула пальцами, и Марья, разом лишившись опоры, плюхнулась на задницу.

Пожалуй, впервые за все время общения с Ягой я не окрысилась на фамильярное «внученька». Усталость навалилась на плечи мокрым плащом, пригибая к земле не хуже волшебной шали.

Черномор снова выдвинулся вперед, требуя немедленно отпустить его с поляны на взморье к витязям.

— И без тебя справились, отпускник хренов, — буркнула я.

— Сиди уж, пока дела семейные не порешаем, — неожиданно поддержала меня Яга.

Я плюхнулась на лавку у садового стола и откинулась спиной на узловатый ствол старой яблони. К счастью, меня все оставили в покое. Бабки вдвоем заседали на Моревну. Яна о чем-то шепталась с Черномором. Даже Васька, который мне уже пару дней не попадался на глаза, и тот не приставал. Он дрых, свесив с ветки все четыре лапы и хвост. Я же погрузилась в какое-то пограничное состояние между сном и явью. Рассказы Моревны о том, что она всего лишь поговорить зашла, а витязи-разбойники на нее напали, кораблики поломали, слугам навалили, доносились до меня как сквозь вату, урывками. Переговоры старшего поколения я и вовсе воспринимала как мерное

гудение.

Тем не менее в голове что-то да оседало. Марья заглянула на огонек якобы для того, чтобы договориться с новой Ягой и по совместительству любимой дочуркой о свободном проходе через Буян для своих войск. А несколько десятков уродцев прихватила с собой исключительно для демонстрации. «Силу прощупать явилась», — перевела Яга для меня, но я только рукой махнула: не интересовали меня все эти дразги.

Мамаша несколько раз попыталась втянуть в общий разговор и меня, однако потерпела неудачу и уgomонилась. Но поглядывала в мою сторону с большим интересом, давая понять, что беседа еще состоится. Особенно красноречивыми эти взгляды стали после того, как она внимательнее посмотрела на Яну. Видно, почуяла и в ней Ягу, только не урожденную вроде меня, а законную. Все-таки все обряды-обеты сестренке провели как положено. Теперь и я это видела.

У меня же, откровенно говоря, было всего одно желание: оказаться от всего этого как можно дальше и в идеале в постели. А что? Янка вернулась. Следовательно, я свою часть договора, плохо ли, хорошо ли, но выполнила.

«На самом деле беспрецедентный случай, — лениво отметила я про себя. — Одновременно существуют две совершенно легитимные Бабы-яги на одну избушку. Впрочем, это ненадолго...»

На этой ноте я слегка стряхнула сонное оупение. Возможность остаться здесь даже в расчет не принималась. Тут и сомнений никаких не возникало. Буян сейчас навевал если не отвращение, то черную меланхолию уж точно, каждым шорохом напоминая новое грандиозное фиаско в моей личной жизни. Стоило прикрыть глаза, и перед мысленным взором снова вставала недавняя картина: невыносимо яркое после мрачной битвы солнце и спина Ильи, быстро шагающего по взморью подальше от меня. А вот куда мне теперь отправляться — я не представляла. Одно название «Берендея» вызывало приступ тоски. В последние дни я успела поверить, что пойду туда не одна. Разочароваться оказалось крайне неприятно. Русское княжество и властолюбивый папаша тем более не вызывали энтузиазма. Как, впрочем, и Англичия с мамашей.

«В Кощеево царство свалить, что ли, — с кривой усмешкой подумала я. — А что? Там как раз Кощей недосчитались — стану Кощейхой. Даешь равенство полов и эмансипацию в ряды местной нечисти».

От одного упоминания нечисти улыбаться сразу расхотелось, и я резко поднялась, на полуслове прервав что-то вещавшую Ягу.

— Устала я. Спать пойду, — буркнула я и под недоуменные возгласы всех без исключения родственничков потопала в избушку.

Пожалуй, только Марья проводила меня чуть менее тупым взглядом. Но в тот момент я не обратила на это никакого внимания.

Изгвазданный кровью и гарью сарафан я бросила прямо в сених вместе с пропитавшейся потом рубахой. Кое-как обмылась над бадьей с холодной водой и поплелась в горницу. Плюхнувшись на лавку, я еще нашла в себе силы позвать домового.

— Батюшка домовой, ты уж выпусти этих, — я мотнула головой в сторону окна, — если уйти надумают. Только смотри, чтобы чего лишнего не прихватили.

— Не тревожься, матушка. — Старичок по обыкновению посмотрел на меня с посудной полки. — Все сделаем, за всем приглядим. На то мы здесь и поставлены. А ты отдыхай.

— И смотри, как бы Моревна чего не учудила, — напомнила я, опуская голову на свернутый тулуп, служивший мне подушкой.

— Не учудит. Яга с нее такую клятву взяла, что ей полвека даже не чихнуть тут на кого-то: силу колдовскую она теперь на Буяне теряет.

— Вот и славно, — невнятно пробормотала я и отключилась.

Разбудили меня в очередной раз солнечные лучи и щебет птиц: я опять забыла задернуть шторы, не говоря уже о ставнях. Сон пошел мне на пользу. От вчерашней тупой усталости остались только больная голова и тоскливая тяжесть в груди. Но это чувство относилось вовсе не к последствиям моих колдовских подвигов.

Вспомнив про Илью, я глубоко вздохнула, сминая пальцами овчину, служившую мне одеялом. «Надо же, как можно прикипеть к человеку за такой короткий срок. Надо будет бабок расспросить.

Может, и есть что-то в этой сказке про нареченных...»

Поймав себя на таких мыслях, я резко села. Вот только побеседовать на такие темы с хитроумной Ягой и не менее подлой Ядвигой мне и не хватало. Уж они-то мне нарасказывают. Сплюнув, я встала. Если уж мы сами с Ильей не смогли договориться, то и родственникам со стороны несостоявшейся невесты вмешиваться нечего. Приняв такое решение, я поплелась в сени умываться.

Но мысли то и дело возвращались к тому, что было бы, если бы нам дали еще четверть часа покоя на той поляне. Если бы я все же нашла слова, чтобы рассказать ему, в чем состоит моя служба. Изменило бы это хоть что-то? Поверил бы Илья, что я не злобная старая бабка, решившая поиграть в переодевания? Или он просто ушел бы на несколько часов раньше? Ответов я не знала. Да что там... Я даже теперь не могла представить, как смогла бы объяснить ему, что я и есть та самая Яга, которая сперва загнала его на огород в общество двух аферистов, а потом отправила искать не существующее во внешнем мире яблочко.

Я посмотрела на свое отражение в бадейке с водой и криво улыбнулась: ведьма с маниакальными садистскими склонностями и даже не раздвоением, а растроением личности. Семейная жизнь скучной быть не может. Потому как никогда заранее не узнаешь, кого встретишь утром на кухне. Ведьму с «поди туда, не знаю куда» наготове? Или нечисть, готовую натравить рой комаров? А может, капризную княжну? Не жена, а сказка.

Сплюнув, я выхватила из сундука первый попавшийся сарафан, мысленно поблагодарив заботливого домового. Если бы не он, я давно бы уже обзавелась еще одной ипостасью: зачуханной грязнули.

А во дворе уже гудели голоса, и на этот раз солировал низкий бас Черномора. Прислушавшись, я разобрала, почему он возмущается. Оказывается, он успел-таки вчера побывать в тереме чешуйных витязей. Но там ему недвусмысленно указали на дверь. Не восприняло боевое братство его внеплановый отпуск. Янка пчелой вилась вокруг, убеждая муженька, что все к лучшему и жить вообще лучше с супругой, а не на два дома.

Я отвела взгляд от сладкой парочки и посмотрела на деревья, высящиеся за частоколом. Лес больше не казался страшным и мрачным. Вот только ассоциации все равно вызывал не самые приятные. Тут же вспомнились мои посиделки с Ильей у костра, а за ними и наша последняя встреча. Я зябко повела плечами и вышла из избушки.

Навстречу тут же выплыла Яга.

— Внученька! Ну и горазда ты спать...

— Я вам не внученька, — привычно фыркнула я. — Моревну куда дели?

— Так вчера еще погнали, — развела руками бабка. — Клятву ведьмовскую дала и пущай идет. А что, надо было ее накормить-напоить да спать уложить?

— Вот еще, — скривилась я, вспомнив нашествие четвероруких уродов.

— И то верно. Нам и самим тесно. Тебе еще учиться и...

— Хватит с меня науки, — мотнула головой я. — Яна вернулась. Пора и честь знать.

Впервые за все время знакомства я увидела, как у древней ведьмы натурально отвисла челюсть.

— То есть как это «честь знать»? — проблеяла она.

— А вот так. Я тут ягствовала только до возвращения сестрички. Она вернулась — мне пора.

— Так Янка тебе поперек не станет, — заулыбалась Яга. — Куда ей, ведьме одаренной, наперекор тебе, природной, идти.

— А я ей сама наперекор не пойду, — пожала плечами я.

— То есть...

— Ухожу я, — отдельно проговорила я.

— Да куда же ты от нас пойдешь, внученька?! — всплеснула руками Яга. — На кого же ты нас покинешь?!

Натурально так всплеснула, с отчаянием и надрывом. Я бы, может, даже и поверила. Недельки две назад, когда еще не знала, что это за актриса престарелая.

— А на Янку и покину. До меня она как-то справлялась, и теперь справится. А мне пора своими делами заняться. Личными!

— Но как же... — снова попыталась возразить Яга, но я только глазами сверкнула.

— Никак! — рявкнула ей в лицо и, не сдержавшись, добавила: — Ну не могу я тут, ясно?! Не могу!

Я развернулась на пятках и зашагала к калитке. За моей спиной Яна что-то поспешно говорила бабке о нареченном. Но я, стараясь не вслушиваться, лишь ускорила шаг. Только такого рода напоминаний о недавнем фиаско моим истрепанным нервам и не хватало.

«Нареченный, как же! — злилась я, пинком распахивая калитку. — Мимопробегайло! Вот он кто! И я ничем не лучше!»

Сама не заметив как, я вылетела за калитку и зашагала по тропинке в лес. И чуть не врезалась в высокую фигуру, выскочившую из кустов мне наперерез.

— Ну, здравствуй, доченька, — оскалилась Марья.

От неожиданности я отступила на шаг, но быстро опомнилась.

— Что тебе нужно?

— Так должок за тобой, — ухмыльнулась ведьма. — Рассчитаться бы. А то войско мне испортила, флот утопила, меня пленила-опозорила.

— Сама виновата, — отрезала я. — Кто тебя сюда звал с войском да флотом твоим?

— Гордая стала да наглая, — скривилась Марья, отступая. — Аль на клятву мою надеешься? Так у каждой клятвы лазейка найдется, коли поискать.

— Так поищи, — огрызнулась я, сжимая кулаки. Я скорее обрадовалась поводу сорвать на ком-нибудь свое отвратительное настроение, чем испугалась ее угроз. — Глядишь, найдешь. То-то мне радости будет.

— И что я тебя из утробы не вытравила? — прошипела Моревна, отступая еще дальше.

— Жадная потому что, — фыркнула я.

— Хозяйственная, — поправила она, — и даром тратиться не люблю. Но чтобы тебя больше не встретить...

Она вдруг выпрямилась и помахала мне неизвестно откуда взявшимся платочком.

— Лови!

В грудь ударило что-то невесомое. Скосив глаза, я еще успела увидеть маленький серый шарик, разлетающийся на тысячу осколков, и выметнувшиеся из него языки густого тумана. А потом все погрузилось в непроницаемую грязно-серую муть.

Глава 40

НЕ МЕСТО ДЛЯ ЖИВЫХ

— Ах ты, коза драная! — взвыла я.

Поле зрения разом сузилось до полуметра. Я даже пальцы вытянутой руки и то с трудом могла рассмотреть.

— Ну, держись, змея подколодная! — выкрикнула я в серую муть и вскинула руки, призывая на помощь ветер.

Но вихрь, сорвавшийся с пальцев, вместо того чтобы унести дымовую завесу, лишь бессильно закрутил грязно-серые плети тумана. Только тут я осознала: мало того что ни черта не вижу в этой мгле, но и не слышу ни звука. Прекратив бестолково размахивать руками, я навестила уши. Ошибки не было. Разом пропали и птичьи голоса, и неприятное хихиканье Марьи, и даже далекий гул прибоя на взморье.

Я переступила с ноги на ногу и сообразила, что и трава куда-то делась. Под ногами было что-то упругое, но ровное и безликое. Ни травинки, ни сучков, ни мелких шишек, которые я не раз и не два проклинала, бегая по лесу. Тут-то я и поняла, что все куда хуже, чем банальная дымовая завеса.

— Эй... Есть тут кто?

Ответа не было. Мне вдруг стало холодно, и я зябко передернула плечами. Плотный туман, неоформленные тени на грани видимости, расплывающиеся, едва я поворачивала голову. И над всем этим висел мерный, едва слышный гул. Будто шепот множества голосов. Но как я ни напрягала слух, разобрать так ничего и не смогла.

— Черт... Куда она меня закинула?

Звуки собственного голоса показались настолько неуместными, что я поспешно прикусила язык. Сделала очередную попытку оглядеться, но вокруг висела серая непроницаемая муть. В душе зарождалась откровенная паника. Куда идти? Как выбираться, если я даже не представляю, куда угодила? И на помощь позвать некого... А ноги уже несли меня вперед.

Как я сорвалась на бег, даже не заметила. В груди саднило, а глаза жгли непролитые слезы. Хотелось одновременно и расплакаться и разораться, а лучше сразу и то и другое. В какой-то момент нога угодила в углубление, и я, вскрикнув, покатила по пружинящей земле кувырком.

Благо никаких пеньков и булыжников, чтобы разбить дурную голову, вокруг не нашлось. Так что, пару раз перекувыркнувшись, я осталась просто валяться в сером тумане как сломанная кукла. Неоформленная обида хлынула слезами по щекам: «Да что же у меня все не как у людей?!» Кое-как я приподнялась, опираясь на руки, села, подтянув к груди здоровую ногу, осторожно тронула лодыжку: больно, хоть и не сильно.

«Все бегом, быстрее-быстрее... Добегалась? — Я зло провела ладонью по щеке, стирая влагу. — Вот и с Ильей так же. Нет бы спокойно сесть и разобраться. Или хотя бы подумать, прежде чем ляпать? Но нет. У меня же глобальные проблемы и великие дела! Какого-то там Илюшку можно и на потом отложить! Допотомкалась?»

— Дура! — выкрикнула я, подняв лицо к скрытому туманом небу.

— Ты чего орешь? Орать тут нельзя... — раздался вдруг тихий надтреснутый голос сбоку. — Мало ли кто тебя услышит.

— Ты кто? — вскинулась я, напрягая глаза и всматриваясь в туман.

— Какая разница...

— Где ты?!

— Не знаю. Где-то здесь.

— Так иди сюда! — воскликнула я, чувствуя, что от ненормального диалога голова пошла кругом.

— Не. Это бессмысленно. Заблужусь.

— На голос иди, — предложила я.

— Если я сойду с места, то больше тебя не найду. Я ж тебе не родная душа, чтоб найти. Да и родные

не сразу находят. И не всегда... А тут так редко выпадает возможность с кем-то поговорить. Только ты не кричи. Всякое случается...

Незнакомец умолк, и мне на какую-то секунду показалось, что голос только чудился.

— Где мы? — поспешно спросила я.

— Ты что же, не знаешь, куда забрела? — к моему облегчению отозвался невидимый сосед. — Навь это. Навь, девка. Живым сюда ходу нет.

— Но мы же живы! — возмутилась я.

— Насчет себя не уверен.

— Я точно жива! — Я упрямо мотнула головой, усилием воли подавив очередной всплеск паники.

— Тебе виднее, — равнодушно ответил незнакомец.

— Вы знаете, как отсюда выбраться?

— Знать-то знаю, а толку.

— Послушайте! — Я постаралась взять себя в руки. — Мне очень надо обратно!

— А зачем?

Я буквально опешила от такого глупого вопроса. Как это «зачем»?

Но невидимый сосед понял мое молчание по-своему.

— Вот... А ответить-то и нечего, — спокойно констатировал он. — Раз ты здесь торчишь, значит, не держит тебя среди живых ничего.

— Еще как держит! — встrepенулась я.

— Угу. Я тоже так думал, пока обратно не собрался. Хвать, а держаться и не за что. Лопнула ниточка. Промеж пальцев туманом прошла.

— Объясните... — взмолилась я, окончательно перестав понимать происходящее.

— Да чего тут объяснять. Думал я, что нужен там. Ради любимой сюда пошел. Да ей не больно-то нужен оказался. Лопнула ниточка...

— Послушайте, я ничего не понимаю. Какая ниточка? О чем вы?!

— Ты и про Навь, что ль, не знаешь ничего? — заметно удивился незнакомец.

— Не знаю. — Я даже головой помотала для доходчивости, хотя меня наверняка не видели.

— Ладно... Расскажу. Только ты уж кричать перестань, девка. Еще накличешь чего. Или кого... — В его голосе явственно проскочил застарелый страх, и я клятвенно, хоть и тихо, пообещала не шуметь.

— В Нави не место живым. Сюда только колдун сунуться может. Да и то по большой нужде.

«Не было у меня никакой нужды. Кое у кого другого возникла», — прошипела я себе под нос, вспомнив ненавистную мамашу. И тут же обругала собственную глупость: бить ее надо было сразу, а не разговоры разговаривать. Но нет... Расслабилась, Яга Всемогущая...

— Или по глупости, — подтвердил мои мысли незнакомец. — А так не место тут живым, не место...

— А кому место? — напомнила я о себе, так и не дождавшись продолжения.

— Ох, дура девка... Мертвым место. Их это мир.

— И где они?

— А везде. Вот серый туман — они и есть.

— То есть как...

— Ты или слушай, или болтай, но тогда я пошел, — внезапно рассердился невидимый сосед.

— Нет, нет, — испугалась я. — Слушаю!

— Через Навь куда угодно попасть можно. По земле год ехать будешь, а тут за час дойдешь. Да только крепко среди живых тебя держать должны. А то войти войдешь, да обратной дороги не сыщешь.

— А как держать?

— Ждать. Звать. Жизни без тебя не мыслить. Ну и ты к своему якорю так же тянуться должна. Я вот думал, что... А...

Незнакомец с сарказмом хмыкнул и умолк. Я тоже молчала, осознавая, что если и был у меня шанс на вот это самое «жизни не мыслить», то уничтожила я его исключительно собственными силами. И тут не приплетешь ни бабок, ни безголовую Янку, ни другие заморочки. Перед мысленным взором встало серьезное, омраченное горечью лицо Ильи. «Потешилась, матушка...»

— Потешилась, — прошептала я, чувствуя, как снова запекло в глазах. — В ведьму всемогущую заигралась.

Стало невыносимо стыдно и больно. «Ведь Илья, пожалуй, единственный человек за всю мою жизнь, который принимал меня такой, какая я есть. Не пытался ни перевоспитывать, ни менять. Нечисть так нечисть. Княжна так княжна. Лишь бы рядом была. А я... — Я спрятала лицо в ладонях, не замечая, как по пальцам стекают слезы и теряются где-то в тумане у моих ног. — А я в Ягу играла. Поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что. Да еще потом на него же и обиделась. Ах, такой-сякой, выслушать меня не пожелал. А что ему было слушать? Как старая карга молодой девицей прикинулась да парню голову вскружила? О своей гордости-то я не забыла, а что и у него она имеется, подумать не удосужилась».

Незнакомец больше не отзывался. Тихий шепот вокруг слился в мерный гул. Теперь-то я знала, кто это шепчет, но настолько отчаялась, что не задумывалась над этим. Как и о том, что мне, судя по всему, предстоит остаться в этом тумане навсегда. Когда кончились и слезы и силы, я попросту свернулась клубком там же, где сидела, и провалилась в какой-то полусон-полубеспамятство. Но и в этом сне я видела только серые плети тумана и образы, расплывающиеся, едва я пыталась на них сосредоточиться.

Я догадывалась, чей образ маячит на границе памяти. Но и хотела, и одновременно боялась его увидеть. Снова удариться о то безграничное разочарование, которое я прочитала на его лице в день битвы... Закричать бы. Объяснить... Но серый туман шептал, что он меня не услышит. Да я сама это знала. Поздно.

Постепенно я перестала различать границу между сном и явью. Тени из прошлого прятались в тумане. Я кого-то звала. Кто-то звал меня. И все это смешивалось с окружающей серой мути, путая мысли и желания.

— Василиса! — настойчиво звал кто-то.

Но я уже устала отвечать. Все равно во сне с губ не срывалось ни звука.

Я подняла голову и уставилась в ставший уже обыденным серый туман. «Сколько я уже здесь? Час? Или неделю? А может, год? Вон уже и глюки появились».

— Отзовись, княжна лесная! — снова позвал туман.

«Княжна лесная. — Я криво улыбнулась и села. — Илья меня так называл. Там, у озера. Какая же я дуреха... И почему не рассказала ему все?»

На глаза навернулись слезы, и я опустила голову.

— Где ты, любушка? — опять донеслось до меня.

«Какой, однако, настойчивый глюк», — промелькнула бредовая мысль. И я завертела головой.

— Илья?

— Василиса! — тут же откликнулся голос.

«Или не глюк?!» — Я вскочила, забыв о больной ноге.

— Я здесь!

— Василиса!

— Да здесь я! Здесь!

Какое-то время мы перекликались в тумане, как слепые. Голос Ильи слышался то с одной, то с другой стороны. Иногда у меня мелькала мысль, что никакого Ильи тут нет и быть не может, а я попросту схожу с ума. Но я упрямо гнала ее прочь: хватит неверия. И вот совершенно неожиданно туман расступился и богатырь шагнул вперед, едва не налетев на меня.

— Василиса! — выдохнул он, остановившись в последнюю секунду.

— Илья, — прошептала я, сама бросаясь ему навстречу, и чуть снова не полетела кувырком, буквально пройдя сквозь него. — Как?.. Что?..

Только тут я заметила, что вокруг витязя струится белая дымка, а сам он словно прозрачный.

— Илья... Илюша... Как же так?

Горло перехватило.

— Все хорошо. — Богатырь улыбнулся знакомой спокойной улыбкой.

— Но ты же... Ты же умер? — схватилась за голову я.

Сердце сжалось в ледяной комок и с каждым ударом причиняло вполне реальную боль.

— Не совсем, — качнул головой он. — Я за тобой пришел. По-другому — никак.

Я моргнула, переваривая бредовые слова. «Не совсем?» Это как? Так ведь не бывает! А он все так же стоял, протянув мне руку. И я опомнилась.

— Илюшка, — шепнула я, с трудом протолкнув воздух через внезапно пересохшее горло, и осторожно вложила пальцы в призрачную ладонь.

Кожу огладило прохладой, а по губам Ильи скользнула знакомая улыбка.

— Любушка... Что ж не рассказала мне все?

— Прости... Не успела. Но я хотела, честно!

Голос опять сорвался. В голове вспугнутыми птицами бились тысячи мыслей. Хотелось так много сказать, что не хватало слов, и я способна была только стоять и смотреть в любимое лицо, вспоминая и вновь узнавая каждую черточку. И как только я могла сомневаться в своих чувствах? Как могла не замечать их? Если лишь рядом с ним оживаю. Рядом с ним дышу полной грудью даже в царстве мертвых.

А Илья только улыбался, словно слышал все мои сумбурные и путанные мысли.

— Пойдешь со мной? — спросил он наконец, когда я уже отчаялась облечь бардак, царящий в душе, в слова.

— Хоть на край света, — с облегчением выдохнула я.

Серый туман вдруг взвился вокруг нас в бешеном водовороте. Голоса мертвецов на мгновение оглушили. А в следующую секунду я уже стояла посреди леса. Бледная как полотно Яга заглядывала мне в лицо. Черномор поддерживал под локти, не позволяя упасть. Яна с Ядвигой что-то радостно говорили, перебивая друг друга. Над головой сияло солнце, пробиваясь сквозь листву и расчерчивая травяной ковер причудливыми узорами. Вот только прохлады, обнимавшей мои пальцы, больше не было.

— Где Илья?! — хрипло выкрикнула я, отталкивая неуклюжего Черномора.

Глава 41

САМАЯ ГЛАВНАЯ БИТВА

— Где? — Я перевела взгляд на сестру.

Резко стемнело. Птицы умолкли, будто кто-то выключил звук. Кажется, над головой даже сверкнула молния.

— Да что ты, внученька. Успокойся. Здесь он. Куда ему деваться? — заюлила старая Яга.

Вот только на физиономии у нее было написано откровенное беспокойство.

— Где? — повторила я.

— Да тут такое дело... Не хотел он, чтобы ты его видела.

— Что?! Ах ты, старая лгунья! — взвилась я.

Несколько мелких молний ударили в землю, оставив после себя островки выжженной травы.

— Верно она молвит, — раздался вдруг смутно знакомый голос. Я моргнула, узнавая и не узнавая любимые бархатные нотки. — Не хотел. Да видно, не выйдет по моему хотению.

Я только рот раскрыла, пытаюсь осознать, что за бред мне втирают и почему голос Ильи звучит так странно, как Янка и Ядвига расступились.

— Это что... Почему... — только и смогла проговорить я, хотя уже поняла и «что» и «почему».

Но Яга приняла вопрос к сведению и тут же затараторила:

— Тебя мамаша в Навь загнала! Нет оттуда своего пути. Только чужой. Но ты никому клятв не давала, ни с кем себя не связала. А родная душа завсегда свое найдет, даже в Нави!

— Завсегда?! — обозлилась я, припомнив рассказ незнакомца из тумана.

— Ну, почти, — осеклась бабка. — Он сам захотел. Мы только помогли душу с телом разделить.

— Временно! — вставила Ядвига.

Но мне было не до их изворотливых объяснений. Я во все глаза смотрела на Илью.

— Ну, вот так как-то. — Он улыбнулся знакомой теплой улыбкой.

Только больше ничего знакомого не было. Передо мной на пенке сидел седой как лунь старик. Почему-то он напомнил мне некогда могучий дуб, который уже отжил свое и вот-вот рухнет, вспарывая зеленый ковер травы узловатыми сухими сучьями. Руки, оплетенные черными венами, сложены в замок на коленях. Спина сгорблена. Лицо изрезано глубокими морщинами.

Вспомнив, что надо дышать, я со свистом втянула воздух сквозь сжатые зубы.

— Как это исправить?!

— А никак, — с заметной опаской отозвалась Яга. — Навь свое жизнью берет. Нет там живым места. Вовремя вернулись. Еще чуток — помер бы. И тебя бы не привел, и сам бы сгинул. Он же не колдун, хоть и силу кое-какую имеет. Да не та это сила. Другая. Она...

— Яблоко? — перебила я, не в силах отвести взгляд от того, кто еще несколько часов назад был молодым, полным сил мужчиной.

— Не поможет тут яблоко, — покачала головой Ядвига. А Янка всхлипнула, кивая.

— Опять врите! А то я не знаю, что оно с того света вернуть может!

— Другое тут, — осторожно тронула меня за плечо Яга. — Хочешь, забирай яблочко да проверь. Но не поможет оно ему. Его молодость, а не жизнь сама Навь забрала. Не хватит у яблочка сил с Навью поспорить.

Я чувствовала, что на этот раз бабка не лжет. Сделала несколько шагов и опустилась перед Ильей на колени, накрывая его руки ладонями.

— Илюша... — Слезы сами потекли по щекам, но я и не подумала их вытирать. — Мы придумаем

что-нибудь...

— Да что уж... — Он улыбнулся и осторожно поднялся, заставляя встать и меня, провел кончиками пальцев по моей щеке, стирая влажную дорожку. — Знал я, куда иду. И с чем приду. А ты живи, любушка...

Только глаза не тронула старость. Они остались такими же яркими и молодыми. И я поняла, что, если не смогу помочь ему, этот взгляд будет преследовать меня до конца моих дней. Взгляд человека, который умер из-за моей глупости, но не перестал меня любить. Человека, которого никогда не перестану любить я.

Кто-то из бабок положил руку мне на плечо:

— Что Навь отняла, то не отдаст...

«У Нави отняла...» — всплыл вдруг в памяти испуганно-восхищенный голос одного из витязей. Я скрипнула зубами. — «Раз я с тобой поспорила и снова поспорю! Визуализация желаний, говорите?..»

Я резко обняла Илью. Тот пошатнулся, но на ногах устоял. И даже обнял меня в ответ.

— Любушка, — огладил шею его едва слышный шепот. — Отпусти меня. На что я тебе? Теперь-то...

— На то, чтобы тебя видеть, а других потерять, — так же тихо отозвалась я. — И чтобы на всем белом свете только меня видел. Чтобы дом большой для меня поставил. Чтобы детишки наши во дворе бегали. А я бы тебя на крыльце поджидала. Жизнь твою хочу. А взамен свою отдам...

А вокруг нас уже искрился яркими молниями ослепительно-белый кокон силы. Откуда-то издалека донесся панический вопль Яги:

— Остановись! Стой, дура-девка! Дар сожжешь! Человеком станешь! Домой никогда вернуться не сможешь!

«Можно подумать, мне нужен этот ваш дар, — невольно усмехнулась я, всем телом прижимаясь к любимому. — А домой... Мой дом рядом с ним!»

В тот момент я осознала это как нельзя более четко и ясно. Даже удивилась, как могла не понять сразу. Бабки еще что-то кричали. Визжала Янка. Но внешний шум тонул в треске окружавшего нас с Ильей искристого кокона. Я просила, нет, требовала вернуть то, что принадлежало мне, все усиливая напор. С какого-то момента стало казаться, что я пытаюсь прорваться сквозь море битого стекла. В области солнечного сплетения разгорался локальный армагеддон, грозящий сжечь меня дотла. Но я каким-то даже не шестым, а тридцать шестым чувством понимала, что на верном пути. И только от меня зависит, удастся ли пройти его до конца.

А потом в груди взорвалось маленькое солнце. «Люблю тебя», — мелькнула на осколках сознания последняя связная мысль, и все поглотила тьма.

ЭПИЛОГ

Яна

Закусив губу, я смотрела, как они уходят. В груди черной змеей свернулась зависть. Почему одним все, а другим...

— Ну, хватит, — сбила плавное течение моих мыслей Яга. — Давай обратно. Надо яблочко наливное зачаровать для тарелочки. Да и обереги обновить не помешает: потрепала их Марья, чтоб ей ни дна ни покрывки.

Скрипнув зубами, я бросила взгляд в спины ненавистной парочке и развернулась в сторону избушки. «Проклятые счастливчики!» Они шли, склонив головы друг к другу, словно стали одним целым за эти несколько часов. Илья обнимал ее за плечи, а Васька вилась вокруг него как лоза. Ну просто эталон любви и взаимопонимания!

— Янка! Шевелись уже, дура-девка! Дел невпроворот, — напомнила о себе Яга.

подавив рвущийся с языка мат, я ускорила шаг. Теперь бабка с меня живой не слезет. А ведь я уже успела поверить, что отпуск может стать бессрочным. Терем поставить где-нибудь поближе к теплему морю. Постепенно можно было бы и кое-какие блага цивилизации сообразить: клозет там теплый, душ нормальный. Но нет! Идиотка-сестра умудрилась не только своему мужику молодость вернуть, но и дар свой намертво пережечь! Сколько я ни вглядывалась, даже искры волшебной вокруг нее не заметила. А ведь когда она только на тутошней поляне появилась, искрила как рождественская елка. Бессребреница треклятая!

Желудок жалобно заурчал. Я вспомнила, что из-за прибежавшего с самого утра Ильи не успела позавтракать, и потеряла живот. «Не мог попозже явиться, скот. И бабка тоже хороша. Сразу панику развела и всех в лес погнала. Ничего бы с Васькой за лишний час не случилось, а мы бы хоть поели по-человечески!»

Воспользовавшись тем, что Яга свернула в будочку у частокола, я поспешно вытащила из сундука скатерть-самобранку и расстелила на столе под яблоней. Черномор наградил меня за расторопность смачным поцелуем и стал накладывать себе в тарелку всего и сразу. Я пододвинула поближе блюдо с блинами и миску с икрой и принялась сворачивать аккуратные конвертики, растягивая удовольствие.

«Хоть что-то паршивая Васька сделала хорошего — скатерть починила! В остальном же одни убытки». — Я поморщилась, снова подумав о негодной родственнице. И сама Ягой не осталась, и мужика своего в витязи не загнала, чтоб Черномора освободить. Да еще и домовой за ней сбежал, как втихаря сообщила мне Ядвига. Вот уж кто был недоволен уходом девицы едва не сильнее, чем я. Впрочем, на Ядвигу мне было плевать. Она боялась, что бабка Яга попреет ее с поляны и придется ей стареть как положено, вот и вилась мелким бесом то перед Васькой, то передо мной. У меня же проблемы были посерьезнее. Уже в силу того, что это были мои проблемы!

Я разложила блинные сверточки с икрой в красивый полукруг и, сглотив голодную слюну, поднесла один к губам.

— Янка! — Бабка выросла рядом как из-под земли. — Чего расселась? Успеешь еще живот свой бездонный набить. А сейчас шевелись. Солнце уйдет.

Я зло швырнула блин в тарелку, но спорить не посмела. С рожденной ведьмой мне, даже будучи признанной хранительницей Буяна, не тягаться. Тем более что именно бабка меня всему научила и все мои ухватки знала наперечет.

Уже замешивая в огромном котле вязкую основу для пропитки берегов, я пыталась понять, как же умудрилась так пролететь со своими планами. Ведь все было продумано до мелочей еще в тот день, когда ко мне в первый раз явился Мерлин с просьбой вытянуть из другого мира дочку русского князя. О сестричке я была наслышана. Бабка часто ее поминала и сетовала, что не может учить ее вместо такой бесталанной меня. Как же, рожденная ведьма, внучка одной ведьмы, дочь другой, да еще и княжеская кровь в ней тоже непростая. Куда уж мне. Даже при Черноморе не стеснялась меня мордой в помойку окунуть, старая карга. А еще родная бабуля. Тьфу! Разве удивительно, что проклятую сестричку я возненавидела всеми фибрами своей души?

И тут такой подарок судьбы. Оказывается, есть нитка, за которую Ваську можно из моего любимого мира выдернуть. Да я бы сделала это, даже если бы никакого другого применения ей и близко не нашлось. Уже ради того, чтобы она не сидела в тепле на унитазе, когда я каждую зиму морожу зад над дырой в продуваемой всеми ветрами будке во дворе.

А уж когда я ее увидела, план сложился в одно мгновение. Посадить дуреху на свое место, научить, что к чему, через блюдечко, дожидаться, пока явится бабка, почуявшая чужую силу, обидеться и гордо уйти в закат. Гениальный план! И такой же провальный!

Для начала эта дрянь в первый же вечер умудрилась сожрать яблоко с блюдечка, и связь мгновенно стала односторонней. Мало того, я и возможность заговорить ее во сне потеряла: мне приходилось орать как оглашенной, чтобы чертова тарелка хоть как-то заработала. Какой уж тут сон? Пришлось вытягивать из того мира еще и Ядвигу, чтобы хоть кто-то подсказывал, иначе дуреха сбежала бы в первые же дни, теряя юбки.

Надо же было поганцу Илюшке за нареченной отправиться. Предупреждала же Мудлена: держи гада подальше, он над девкой полную власть получит, и погонят тебя с княжеского двора поганой метлой. Так нет, этот кретин вместо того, чтобы Васькиным нареченным заниматься, своего Илюшку подослал! Да еще и разболтал на все стороны, что скоро княжеская дочка у него в кулаке будет! Тут уж и Марья Моревна проснулась, своего Илью в поход снарядила, ведьма старая!

И что мне оставалось делать? Не возвращаться же раньше времени. Бабка-то еще не явилась. Одна надежда была, что Васька Илюшек этих всех скопом моим специальным самогоном напоит, чтоб разом отделаться. Тут бы им и конец пришел. Но нет... Со всеми лично разобралась, идеальная наша.

Не отпуск у меня получился, а двойная работа. И колдовать приходилось куда больше да тяжелее, без Буяна-то. И с хозяином постоянного двора что ни день ругаться. Не нравится ему, видите ли, помет птичий! А как мне иначе переписку со всеми вести? И Ядвиге мозги на место вправить, и Ивана-дурака приплести, и князю нужный шепоток доставить. Да еще с Моревной пока договорились, семь потов сошло. Я хоть и Яга признанная, а попробуй расшатай береги с дальнего расстояния, чтобы ведьма эта со своим войском пройти смогла! И все это втайне от Черномора. Поди объясни ему, что ради нашего счастья стараюсь, а не ненавистную сестру извожу из зависти.

И все зря! Ядвига своими делами занялась вместо того, чтобы Илью отвадить. Дурак и вовсе все перепутал, должен был Марьиным шпионом Илюшку ославить, а что наплел, я до сих пор не поняла. Князь и вовсе мои шепотки за наветы англичиев принял. А самой Моревне уж на что простая задача досталась: Илюшку бездоспешного прихлопнуть. И то не сумела! Да еще мне же и нагадила артефактом своим с туманом из Нави.

Звонкий подзатыльник чуть не отправил меня в котел, разом выбив и воспоминания, и сожаления из головы.

— Ты куда смотришь, разиня? — рявкнула Яга. — Давно пора мох да мышей летучих добавлять, а у тебя еще и кошачий волос не кипит! Начинай теперь сначала, дуреха!

Заскрипев зубами от злости, я потащила испорченное зелье в сени.

— Вот же досталась внученька безголовая, — ворчала мне в спину старуха. — То ли дело Василиса... И умом светла, и пытлива...

— Так и учила бы ее! — не сдержавшись, огрызнулась я.

— И учила бы! — уперла руки в боки Яга. — Да оттого, что ты ее здесь без науки бросила, теперь ждать придется!

— Чего ждать? У моря погоды? Сожгла она дар. Был и нетути!

— А ты, я гляжу, и не рада тому, — прищурилась бабка.

— А чему тут радоваться? Взялась бы ты за свою любимую Ваську, а меня бы в покое оставила. Я бы с Черномором пожила по-человечески. Детишек бы завели. Одного. Чтобы фигуру не испортить. Дом бы у моря с теплым туалетом построили... А теперь я тут застряла на веки вечные...

— Ой и дура ты, внучка, — покачала головой Яга. — Учила я тебя, учила, а все без толку.

— С чего это я дура?! — окрысилась я, окончательно обозлившись.

— А с того, что голова у тебя дырявая. Вернется Василиса. Год пройдет али десять, но вернется. Тут-то я тебя со двора и попрошу.

— Да хоть прямо щас! Только что ты тут с Ягой бездарной делать будешь?!

— Точно дура. Василиса ведьма рожденная. Рожденная! Не чета тебе, недоделанной. Восстановится у нее дар, раз сама не померла. Он — часть ее. Не обрубить, не оторвать, не выпить.

— О как! — От удивления я чуть не выронила тяжелый котел. — Хорошо бы. Да только с чего ей

возвращаться? Вон как уходила с Илюшкой своим. Даже не обернулась ни разу. А в избе с мужем не поселишься, детишек не разведешь.

— Гусей разводят, а не детишек, — скривилась бабка, но я только отмахнулась.

— Зачем ей возвращаться?

— Не по нраву ей тамошняя жизнь придется. Ты тут склочничала да пакости подстраивала, а только не туда смотрела...

«Бабка знает?!» — От страха руки-ноги сделались как ватные, и я бухнула котел на пол.

— Не трясись, не трясись, зловредная, — ухмыльнулась Яга. — Хоть ты только о себе думать можешь, да невольно Буяну добро сделала. Илюшка-то на что обижался? За что себя Василиса корила так, что чуть до смерти не уморилась, его молодость у Нави отнимая?

— За что? — тупо переспросила я.

Я и правда не понимала, зачем это понадобилось моей ненормальной сестре. Вряд ли она так хорошо разбиралась в разновидностях дара, чтобы знать, что и не помрет, и силу не потеряет.

— За лжу, — назидательно подняла палец бабка. — Там недоговорила, тут недосказала, вот лжа и получилась. А ну как она узнает, что ее Илюшка тоже не без греха?

— А какой на нем грех? — наострила уши я.

— А тот же самый. Тут недоговорил, там недосказал, — ухмыльнулась Яга. — Сынок он царя берендейского. Младшенький, правда, а все едино царевич. И удрал он от батюшки не просто так, а потому что оженить его собрались на дочке хана Загорского. Военный союз у них там намечался. А Илья возьми да сбеги прямо из-под венца.

— Ишь ты, — присвистнула я. — То-то Ваське там обрадуются: человечка без роду без племени. Папаше-то она без Ильи да без силы ведьмовской даром не нужна.

— Не нужна. Да и сама к нему не пойдет, — кивнула бабка. — Тут еще и новая печаль у берендейского царя приключилась. Старший сын его намерен помер. Хворь какая-то странная сожгла парня в два дня. А вчера и средний захворал тем же самым...

— А ты откуда все это знаешь?

— А Васька-кот мне на что? Он в любую щель пролезет, только подкинь его до той щели. На это мне сил достанет, чай, не первый год таким балуюсь. А кто кота стеречься будет да тайны перед ним тайничать?

— Ха! Будет Ваське сюрприз! — Я кое-как подавила злорадную усмешку.

— Будет, будет, — кивнула Яга. — Не нужна берендейскому царю такая женка у сына единственного.

— А ну как потравят? — забеспокоилась я. Свобода вновь оказалась невыносимо близко, и потерять ее из-за такой глупости ох как не хотелось.

— Не потравят. Побоятся царь, что не простит сынок. Сам говорил, Васька слово в слово передал. А вот выжить — выживут. Да и не захочет Василиса в царевны: из терема нос не высунешь, знай вышивай да кивай, когда царь-батюшка велит. Сама сбежит от такой жизни да лжи мужниной. А куда ей пойти?

— На Буян! — восхитилась я. — Ну, бабуля...

— То-то. А ты дурью маешься. Моревну приваживаешь, шарлатанов заграничных привечаешь. Тьфу. Дура-девка. Все, котел бери! Зелье само не сварится. А тебе еще...

— Хозяйка! — донесся вдруг со двора молодецкий бас, заткнув бабку на полуслове. — Отворяй, гостя принимай!

— Иди работай. — Яга кивнула на стол, где до сих пор валялся отвратительный накладной нос. — А я сосну. Умаялась с тобой, бестолковой.

Я через силу прилепнула на лицо нос и, накинув волшебную шаль, выглянула в окно. За калиткой маячила румяная рожа Ивана-дурака. Я чуть не взвыла: вот только его мне и не хватало!

— Ну? Чего застыла? — поторопила бабка. — Чего он орет, как тетерев на току?

— Да иду уже, — огрызнулась я.

— Справил я твою работу, хозяйка! — гордо заявил дурак, едва шагнув на двор. — Победил Ягу фальшивую.

— Э... — вытаращилась я.

— Шел я, значит, по лесу. Змея трусливого догонял. Смотрю, идет тетка. Страшная как смертный грех. В волосах ветки, вместо сарафана — сыра-земля. Лицо черное, полосатое. Я сразу понял, кто такая по лесу бродит. Но, думаю, раз обознался, тебя чуть не обидел, как бы вдругорядь не ошибиться. А как проверить? Крикнул: «Яга!» Я ж знаю, что ты по лесу в таком непотребном виде не шастаешь.

— А она? — кое-как выдавила из себя я.

— А она как закричит нечеловеческим голосом: «Где?!» — да в сторону скок. И прямо в омут.

— Утопла? — слабым голосом спросила я, соображая, кого мог утопить дурак и какую русалку ждать у ворот с жалобой в ближайшее время.

— Если бы. Руками замахала, ногами задрыгала. Я, кричит, Марья Моревна, английская королева, спасай меня сей же час, дурак-лапотник. Я думаю: обознался. Простите, говорю, великодушно, и лопату свою верную протягиваю.

— И?

— И ничего. Только туман серый вспух на том месте, где ведьма нечестивая бултыхалась. Хлоп — и нет никого. Испужалась она волшебной лопаты и лопнула от страха.

«Или ты своей лопатой ее навские артефакты расколошматил», — поправила я. Разумеется, вслух ничего подобного не прозвучало.

— Вот теперь к тебе пришел. Помоги Горыныча воевать. Нужны мне сапоги семимильные...

— Погоди, — перебила я, лихорадочно соображая. Не оформившаяся до конца идея маячила на границе сознания, не давая ухватить себя за хвост.

— Куда уж годить, — надулся дурак. — И так я за ним год уже гоняюсь. Или два. Или...

— Стой! — Кусочки пазла с щелчком встали на место, и губы сами собой разъехались в довольной улыбке. «Десять лет ждать, говорите? А вот фигушки, бабушка. У меня молодость не резиновая!» Я посмотрела на дурака самым проникновенным взглядом, на какой только была способна. — Зачем тебе эта трусливая ящерица? Не больно-то геройский подвиг из нее получится. Есть у меня для тебя другое дело. Важное да славное. Хочешь?

— Ага, — закивал Иван, подавшись вперед.

— Тогда слушай, — понизила голос я. — Есть на востоке такая земля, Берендеево царство называется...